

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

3/2021

Содержание

ПРОЗА

Анвар АМАНГУЛОВ. Выигрыш. Повесть.	3
Александра ТЕРЕНТЬЕВА. Два рассказа.	
<i>Из цикла «Сказки о пустоте».</i> Рассказы.	58
Олег ОСТАНИН. Встречи с Севером. Рассказы.	81
Наталья ДРАГАН. Опасные стремления. Рассказы.	106
Константин ВОЛЧКОВ. Ужин. Рассказ.	126

ПОЭЗИЯ

Варвара ЗАБОРЦЕВА. Пинежанка. Стихи.	54
Мария ФРОЛОВСКАЯ. Купите лето. Стихи.	77
Виктор КОВРИЖНЫХ. Кроткие огни. Стихи.	103

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«Хочу быть дома во всей своей Родине, а не в одном углу...»	
<i>Из переписки Валентина Курбатова и Валентина Распутина.</i>	
Окончание.	134

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андрей ТИМОФЕЕВ. Философия литературы.	
<i>Главы из книги.</i> Окончание.	149
Михаил ГУНДАРИН. Солнце всходит и заходит.	
<i>Главы из новой книги о писателе Евгении Попове.</i> Окончание.	173

Картинная галерея «Сибирских огней»

Евгений ИВАНОВ. Радикальная нежность художника Мизина.	187
---	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Анвар АМАНГУЛОВ

ВЫИГРЫШ

П о в е с т ь

1.

Дворники еле справлялись с крупными хлопьями снега на лобовом стекле. Проехали мимо двух машин, выкинутых на обочину; одна из них лежала на боку, как будто дело было не в лысой резине и скользкой дороге, а в прихоти некоего исполина немислимой силы, аккуратно разместившего ее таким образом. Нурдин сбросил скорость и стал осторожно вписываться в поворот. Под покрывалом свежего снега кое-где зловеще блестел серый лед.

— Чё так воняет?

— Что-то, правда, подванивает.

Неприятный запах в салоне, казалось, усиливался пропорционально силе снегопада. Январь выдался на удивление снежным, и, глядя на ослепительную белизну в окне, только что прилетевший в Бишкек Арстан поймал себя на мысли: будь сейчас на его месте Дональд Трамп, в твиттере обязательно появился бы истеричный пост о том, что глобальное потепление — это выдумки недоброжелателей Америки, направленные на подрыв ее экономической мощи. Он увидел припорошенных снегом лошадей, стоявших кучкой у дороги. Похожие на гигантские леденцы с сахарной пудрой поверх, они выглядели жалобно и тоскливо. «Как и многое другое в Кыргызстане», — подумал он. Нурдин осторожно затормозил и вырулил вбок, остановившись неподалеку от заснеженного табуна.

— Пойдем посмотрим.

Он накинул капюшон, щелкнул рычагом, открыв капот, и вышел наружу, почти сразу же густо покрывшись хлопьями снега. Приподняв крышку капота, он заслонил вид на лошадей через лобовое стекло. Спустя пару секунд Нурдин высунулся и энергично помахал Арстану, чтобы тот скорее вышел к нему. Тот натянул шапку и вылез из старой праворульной «тойоты».

— Сигеин келемиш!¹ — выругался Нурдин и с омерзением сплюнул.

На двигателе, распластавшись, дымилась крупная серая крыса. Ее длинный голый хвост свисал вниз, словно прикрепленная к седлу камча. Арстан ухмыльнулся и, подобрав ветку кустарника с обочины, попытался соскрести труп грызуна. Попытка не увенчалась успехом. Крыса была словно приварена к поверхности агрегата и составляла с ним теперь одно целое. Нурдин закурил и выпустил на нее струю белого дыма.

— Ладно, поехали домой. Потом уберу.

Он сделал еще несколько затяжек, захлопнул капот и сел за руль. Арстан тоже влез в «тойоту». Запах в салоне стал слабее из-за на время открытых дверей.

— Придется потерпеть, — сказал Нурдин, имея в виду вонь. — Смотри как, а? В Америке такое бывает?

Арстан посмотрел на Нурдина и слабо улыбнулся.

— Такое бывает везде, где живут крысы и случаются сильные снегопады. Крысы ищут, где теплее и нет снега. Твоя машина идеальна в этом отношении. До тех пор, пока ты двигатель не запустил. Этим ты убил животное и вынудил его поджаренный труп вонять на весь салон. Законы физики одинаковы как в Америке, так и в России или в Кыргызстане. Понимаешь?

Нурдин искоса посмотрел на Арстана.

— Все-то ты знаешь, — саркастически выдавил он из себя, но не выдержал и громко расхохотался над нарочито подробным объяснением.

Арстан слегка приоткрыл окно, чтоб запах выветривался, и застегнул молнию на куртке до самого верха. Через несколько мгновений припорошенные снегом лошади остались позади, превратившись в серый сгусток на бескрайней белизне вокруг.

Арстан приехал из Кливленда в Бишкек на два месяца.

Его обучение в университете штата Огайо протекало совсем плохо. Получив грант и стипендию от американского правительства, Арстан изучал компьютеры и программирование. Нурдин, его двоюродный брат по отцовской линии, остался в Кыргызстане — несмотря на то, что почти все их сверстники разъехались по миру в погоне за работой или на учебу. Нурдин встретил его в аэропорту. Он был ровесником Арстана, но на этом сходство между братьями заканчивалось. Даже внешне они были мало похожи. Арстан был высоким и худым, со светло-каштановыми волосами и серыми, как у матери-украинки, глазами. Нурдин был куда ниже, с выпяченным, несмотря на молодость, животом, с черными, как полночь в горах, глазами и жесткой,

¹ Долбаная крыса! (Кирг.)

торчащей ежиком шевелюрой. Отличались они и характерами. Арстан был вдумчив и планировал все на годы вперед, Нурдин же, казалось, жил сегодняшним днем и не изматывал себя длительными размышлениями по какому-либо поводу. Если Арстан уже подал на грин-карту и всерьез готовился к собеседованию этой весной: Google, Apple и еще десяток технологических гигантов, — то Нурдин вот уже третий год вкалывал на складе сантехники и, казалось, не испытывал никакого интереса к переменам. Невзирая на мизерную зарплату и ворчание родителей, с которыми он по-прежнему проживал под одной крышей. Будущее для него было перманентно теоретическим состоянием, несмотря на прожитые двадцать два года.

Они подъехали к дому родителей Арстана на окраине города, оставив глубокие борозды в свежем снегу. Ворота старого дома открылись, и со двора одновременно вышли улыбающиеся мать и сестра. Пожилой пес неопределенной породы задорно выскочил за ними и стал недовольно фыркать, почувствовав запах из-под капота. Нурдин и Арстан вылезли из машины.

— Тетя Клава, Динара, доvez в целости и сохранности, — сказал Нурдин, с улыбкой указав на Арстана, после чего вытащил сумку и чемодан брата.

Мать обняла сына и сразу же беззвучно зарыдала. Сестра Динара чмокнула брата в щеку и потрепала его по голове с осевшими на волосах снежинками. Пес стал с энтузиазмом обнюхивать вернувшегося молодого хозяина.

— Идемте, папа готовит бешбармак, — сказала мать парням и смахнула снежинки с покрасневшего от слез лица.

— Нет, я поеду. У меня еще дел полно. Арстан, до вечера! Я за тобой заскочу.

Они пожали друг другу руки, и Нурдин сел в машину. Дождавшись, пока он вырулит обратно, Арстан взял сумку на плечо и покатил чемодан по снегу в дом.

— Что за запах странный был от машины? — спросила Динара, топая рядом с ним.

Арстан с улыбкой посмотрел на озадаченную сестру.

— Кое-кому стало плохо, — ответил он и рассмеялся.

На пороге дома стоял отец, в домашних трениках и нахлобученном набекрень колпаке, с большой дымящейся шумовкой в руках.

2.

Дым стоял коромыслом в том уголке кафешки, куда Нурдин привез Арстана вечером.

Кливленд сильно отличался в этом отношении от Бишкека: тут, казалось, курили все и везде. Отвыкший от столь мощной табачной

атаки, Арстан тем не менее не жаловался, хотя сам давно уже бросил дымить на фоне заоблачных цен на сигареты в Штатах. «Ничего не будет», — с кривой ухмылкой подумал он, вспомнив, что вице-президент Америки Майк Пенс, человек патологически консервативный и религиозный, не верил в связь между курением и раком легких. Америка и Кыргызстан бесконечно отличались друг от друга, и отношение к никотину было всего лишь одним звеном в этой цепи. Если в Америке, при нескрываемом скепсисе высшего руководства, отлично работали суровые антитабачные законы, то в Кыргызстане все было ровно наоборот — декларируемая начальством забота о народе не преобразовывалась в контроль над курением вообще никак.

Несмотря на серьезный недосып, Арстан держался молодцом и с энтузиазмом поддерживал беседу со старыми друзьями за кружкой пива. Разговор был похож на русло реки, делающее непредсказуемые зигзаги в сложном ландшафте и распадающееся иногда на рукава. Говорили впережку на русском и киргизском. Обсуждение торговли подержанными автомобилями (тема всегда важная ввиду необъяснимой популярности старых «мерседесов» в Кыргызстане) сменилось дискуссией об одноклассниках, трудящихся в поте лица где-то на стройке под Екатеринбургом, сравнительным анализом привлекательности девушек в Америке и Кыргызстане... Потом речь зашла о разнообразных бизнес-проектах, которых у всех было выше крыши, а больше всех у Нурдина.

Нурдин с энтузиазмом изложил две блестящие, по его мнению, идеи. Оптовая торговля недорогим импортным кафелем выглядела более традиционно, чем инновационная точка общепита, меню которой должно было содержать такие полярные друг другу блюда, как итальянская пицца и дунганское ашлям-фу, суши с тихоокеанским тунцом и филадельфийский чизкейк. Арстан представил себе все это разнообразие на одном дастархане и слегка вздрогнул от гастрономической неожиданности. Предлагаемое название заведения тоже прозвучало вполне себе гибридно. В нем латинское слово так же резко контрастировало с киргизскими, как суши с чизкейком: «Континент жана деңиз»².

— При чем тут море? — скептически спросил он брата.

— Как при чем? А тунец, по-твоему, откуда берется?

Нурдин закурил новую сигарету и победоносно посмотрел на присутствующих.

«Опять маниловщина», — подумал Арстан и тоже закурил. Нурдин, как помещик Манилов из «Мертвых душ», мог страстно и захватывающе рассуждать, например, о бизнесе, который навсегда избавил бы его от финансовых треволнений, но при этом абсолютно ничего не делать. Друзья привыкли и относились к его речам так же спокойно, как домочадцы в большой семье, бывает, даже не реагируют на причуды агашки³, никогда, даже во время сна, не снимающего колпак.

² «Континент и море». (Кирг.)

³ От «ага» (кирг.) — пожилой член семьи.

— А вот если взять в аренду павильон на Дордое...

Нурдин начал было говорить вновь, как вдруг Валерка, его одноклассник, шумно допив пиво, с ностальгией произнес:

— Ашлям-фу отлично готовили в дунганской забегаловке, той, что была у казино рядом с Держинкой. Когда казино закрыли, забегаловка тоже куда-то делась...

Погрустневший от воспоминаний Валера извлек бог знает откуда потасканную колоду карт и стал лениво тасовать ее своими неухоженными пальцами работника автосервиса. Слово «казино», казалось, пробудило в нем дремлющие инстинкты заядлого игрока.

Арстан своей гудящей от недосыпа головой отчетливо понимал, что слушать очередную бизнес-идею брата сил у него больше нет, и встрял в разговор.

— Кстати, об азарте. Вы знаете, что, когда у принца Гарри с Меган ожидался ребенок, в Кливленде можно было делать ставки на тотализаторе? По массе параметров. Пол, вес, рост, имя, время рождения... У меня есть кент в Кливленде, который сделал две штуки, поставив всего стоху. Акча өзү эле келди...⁴

Парни оживились, начав буквально пожирать его глазами, и даже клубы сизого дыма, казалось, стали вращаться вокруг, как крошечные торнадо. Народ в Кыргызстане был невероятно азартен, и Арстан, прожив несколько лет в Америке, никак не мог найти этому объяснения. В Кливленде отношение к картам и казино было куда более спокойным, чем в родном Бишкеке, где игра в покер могла длиться всю ночь, с неуклонно растущими ставками и зашкаливающими эмоциями гемблеров. Видя, что разговор поменял направление, Арстан начал развивать тему в надежде удалиться от бизнес-фантазий Нурдина как можно дальше.

— Казино официально в Америке есть только в двух штатах, Неваде и Нью-Джерси. Это на государственном уровне. Но по всей стране полно казино в индейских резервациях. Есть еще куча лотерей разного формата. Но, вообще говоря, весь игорный бизнес жестко контролируется государством. Такого, как в голливудском фильме «Казино» с Робертом Де Ниро, уже давно нет...

Арстан продолжал говорить, держа аудиторию в оцепенении.

Когда-то Бишкек был похож на азиатский Лас-Вегас — с огромным количеством игорных домов по всему городу. Но со временем власти все это прикрыли, вытолкнув гемблинг в подполье. Нурдин и многие его друзья, бывало, с ностальгией вспоминали те времена. Это вызывало недоумение Арстана, поскольку все они тогда были чересчур молодыми, чтобы посещать эти заведения. Он забычковал сигарету плохо слушающимися пальцами и понял, что пиво и недосып берут свое и что пора закрутиться. Рассказав об особенностях благотвори-

⁴ Деньги сами пришли... (Кирг.)

тельных лотерей, регулярно проводимых многочисленными госпиталями в Кливленде, он широко зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Нурдин, закинешь меня домой? Я уже не могу, джетлаг дербанит не по-детски...

Нурдин кивнул, не уточняя, что такое «джетлаг».

Арстан уснул в машине. Подъехав к его дому, Нурдин растолкал его.

— Приехали!

Арстан продрал глаза и с удивлением посмотрел на Нурдина, приходя в себя.

— Прикинь, уснул так, что забыл, что я в Бише. Думал, в Огайо...

Многочасовая разница между полушариями, перелет, пиво, сигареты и длительные посиделки измотали его окончательно. Арстан открыл дверь и уже поставил одну ногу на снег, как вдруг Нурдин схватил его за рукав.

— Слушай, Арстан, я тут думал... Ты там, в Америке, я здесь... Может, сделать что-нибудь интересное, денег заработать? Ты меня знаешь, я не подведу. Могу со склада уйти к чертовой матери, если будет надо...

Нурдин протянул Арстану сигарету, но тот отказался.

Арстан бросил долгий взгляд на брата. Он знал, что разговора на эту тему ему не избежать.

Он бы мог начать долгую тираду о том, что ему, Нурдину, стоило не балду пинать, начиная с шестого класса, а учить английский как следует и брать бесплатные уроки в сети по математике и программированию, к чему у него были определенные способности. Что вся эта маниловщина с неосуществимыми бизнес-проектами тянет его вниз, как свинцовое грузило леску с крючком. И что с пивом надо бы притормозить, а иначе пуздо вырастет так, что придется потратиться на новые джинсы на том же Дордое. И что вообще поздно уже в двадцать два года метаться, а надо было начинать двигаться в нужном направлении, когда ему было десять. И что...

Вместо этого он устало покачал головой и ответил:

— Давай завтра потрещим. Я уже никакой.

Нурдин вышел, проводил его до ворот дома и сказал:

— Давай завтра. Я заеду после обеда. Тебя Алия видеть хотела. И Назгуля тоже, та, что из параллельного класса. Заедем к ним.

Арстан кивнул и вновь посмотрел на брата. Он улыбнулся, вспомнив, как турчанка Алия сидела с ним за одной партой в первом классе и что они называли ее в детстве за глаза «дочерью визиря».

Нурдин выглядел неважно после возлияний в этот поздний час. Но сейчас в его глазах можно было увидеть что-то еще, чего раньше Арстан не замечал. Семья Нурдина, как и его тоже, была совсем не-

богатой. У них не было влиятельных родственников во власти или в бизнесе. Львиная доля доходов у обеих семей уходила на пропитание, хотя помогали они друг другу как могли. Мать Нурдина страдала диабетом, и это тоже накладывало как эмоциональный, так и финансовый отпечаток. Перспектив у его двоюродного брата было немного — прозябать на складе, получая гроши, либо, как и масса других кыргызстанцев, уехать в Россию, работать на стройках, тех же складах или, если повезет, с его хорошим знанием русского — кассиром где-нибудь в «Пятерочке». Имея при этом длинный ряд сложностей — от зыбкого правового статуса до сурового климата. И видимо, поэтому в глазах Нурдина в этот момент было то, чего никогда не было раньше.

В его миндалевидных, как и у Арстана, глазах был жуткий, парализующий волю страх перед будущим.

3.

Где-то недалеко жалобно блеял баран. На эти звуки накладывалось пение петухов. Арстан продрал глаза и прислушался. Блеяние и петушинные распевы сливались в одну какофонию, до боли знакомую ему с детства. Он улыбнулся и вздохнул, после чего посмотрел на старый будильник у тахты. «Ничего себе!» — буркнул он себе под нос, осознав, что проспал десять часов кряду.

Из приоткрытой на полпальца двери тянулся запах свежей выпечки. Похоже, мать напекла свежих боорсоков. Оттуда же доносились приглушенные женские голоса. Арстан сел и посмотрел в окно. Подоконник с внешней стороны был припорошен вчерашним снегом, который уже начал проседать на утреннем солнце. На заборе шебуршали беспокойной толпой воробьи.

Он окинул комнату взглядом. Раньше это был его угол в доме, но, когда он уехал в Америку, сюда перебралась младшая сестра Динара, окончившая школу только в прошлом году и планирующая, как и брат, учиться где-нибудь в Америке или Европе. Мать писала Арстану, что вроде бы намечался вариант с грантом и стипендией в Германии и по этому поводу Динара, как проклятая, штудировала язык Гете. Теперь комната была совершенно другой. Старый системный блок с древним монитором и замызганной клавиатурой на столе сменил элегантный лэптоп с узнаваемым изображением надкушенного яблока. Арстан удрученно покачал головой — было даже страшно подумать, на какие жертвы пошла его семья, чтобы купить дочери такой лэптоп, который даже в Америке стоил недешево. На стене висели таблицы спряжений немецких глаголов и большая карта Германии.

Арстан встал и с удовольствием потянулся. Сон в родительском доме всегда был отличным.

Он стал одеваться. Застегивая рубашку, Арстан бросил взгляд на раскрытую книгу, лежащую в центре стола. С левой стороны была репродукция жутковатой картины во всю страницу. Текст внизу был на немецком, но дублировался по-английски. Он посмотрел на иллюстрацию внимательнее. Полотно Жана Бельгамба, фламандского живописца пятнадцатого-шестнадцатого веков, представляло то, как, по его мнению, должен был выглядеть ад. Фрагмент, приведенный в книге, назывался «Стяжательство». Темный, покрытый чешуей монстр с когтями на ногах и рогами на голове, вне всякого сомнения — помощник дьявола, если не сам Люцифер, заливал что-то через воронку, вставленную в рот закованному в цепи мужчине. На лице жертвы была печать предельного ужаса от происходящего. Текст внизу пояснял, что таким образом — заливанием в глотку грешника расплавленных золотых монет — в аду наказывается стяжательство.

Арстан вздрогнул от увиденного.

И почему Динара изучала немецкий на таких зловещих примерах? Он закрыл книгу и прочитал на обложке, что книга является подробным путеводителем по Берлинской художественной галерее. Неужели сестра планировала изучать искусство? «Надо будет потрепать с ней», — подумал он, натягивая носки. Денег в этой области, в отличие от технологической или, скажем, финансовой, нельзя толком заработать даже на Западе, не говоря уже о Кыргызстане.

Он вновь сел на тахту и посмотрел в окно.

Воробьев на заборе сменила большая черная ворона, которая, казалось, с интересом пялилась на него через стекло. Женские голоса стали слышны чуть более отчетливо. Арстан понял, что разговаривали его мать и Айтурган-эже, мама Нурдина, зашедшая, по обыкновению, к ним в это субботнее утро.

— ...Такая ты счастливая, Клавка! Смотри, сын в Америке, будет скоро у Билла Гейтса работать. Дочь вот-вот примут в университет в Германии. Не то что мой балбес. Даже в Бишкеке институт не окончил...

После этой реплики ненадолго повисла пауза, после чего послышались сдержанные всхлипывания. Вероятно, Айтурган-эже проследилась. Невнятное бурчание (похоже, мать успокаивала ее, перейдя на шепот) заглушил нарастающий свист закипающего чайника.

Арстан молча смотрел в окно. Он вспомнил вчерашний разговор с Нурдином и глубоко вздохнул. Ворона на заборе продолжала глядеть на него, вращая головой. Он встал, вышел из комнаты и прошел на кухню, где запах свежих боорсоков восхитительным образом смешивался с ароматом абрикосового варенья и каймака, который мать тоже готовила сама.

— Арстанчик, балам⁵! С приездом! — сказала ему мама Нурдина.

⁵ Сынок. (Кирг.)

— Садись, чай ич⁶. Отец барана сегодня будет резать, — сказала ему мать.

— Доброе утро, — сказал Арстан.

Айтурган-эже, с красными от слез глазами, обняла его и поцеловала в заросшие трехдневной щетиной щеки. Так же поступила и мать и сразу же налила ему свежего чаю в пиалушку. Он вежливо поблагодарил ее, сел за стол и улыбнулся от пришедшей в голову мысли.

Теперь ему было что сказать Нурдину.

4.

Сидеть на подмороженной скамейке было не особенно приятно.

Бульвар был малолюден, возможно, из-за морозной погоды. Двое крепкого вида парней в черных кожаных куртках и высоких белоснежных колпаках энергично прошли мимо, хрустя снегом под ногами, и посмотрели на них с таким пренебрежением, как будто бы Арстан с Нурдином были пачкой просроченного «Доширака» на пыльной полкедохленького гастронома.

— Who the hell was that?⁷ — вырвалось у Арстана, когда парни удалились.

Нурдин покачал головой и жестом показал, что не стоит тратить сил на разъяснения.

— Есть у нас тут неформалы. Агрессивного характера. Не грузись.

Арстан, греясь, поплотнее обхватил одноразовый стаканчик с кофе озябшими ладонями. Сделав глоток, он продолжил:

— Раскачка потребует времени, но наш плюс в том, что все будет абсолютно открыто. Все результаты доступны в интернете, на вебсайте газеты «Кливленд Таймс» например. Любой может проверить всё в любое время. Даже перевод можно сделать автоматически через гугл-переводчик. Но это необязательно, я буду каждый месяц сам переводить на русский специально для клиентов в Кыргызстане статью с результатами розыгрыша, ты можешь на киргизский перевести, если вдруг будет необходимость.

— Как часто розыгрыш?

— Раз в месяц. По законодательству штата Огайо победитель не обязан быть жителем штата или даже гражданином США, это может быть кто угодно. В том числе гражданин или граждане Кыргызстана. Если будет выигрыш, то мы как организаторы берем с него пять процентов комиссии, остальное получает победитель. Мы также берем пять процентов при продаже каждого билета как дистрибьюторы, это и есть наш заработок. Плюс затраты на перевод денег из Кыргызстана — это тоже оплачивают клиенты, но это немного.

⁶ Пей чай. (Кирг.)

⁷ Кто, черт побери, это был? (Англ.)

— А как переводить деньги из Америки?

— Через «Вестерн Юнион». Могут возникнуть вопросы, если сумма будет превышать десять тысяч долларов, но в случае выигрыша у нас будут на руках документы от госпиталя, что наш билет или билеты выиграли, и особых проблем быть не должно.

— А что с законодательством Кыргызстана?

— Я проверил — нет никаких ограничений на получение выигрыша подобного рода. Это как если бы человек сам поехал в Кливленд, купил билет, выиграл и с деньгами вернулся обратно в Кыргызстан. Нет даже четких нормативов насчет твоей роли как дистрибьютора этой лотереи в Кыргызстане. Это не означает, что тебе надо себя особенно рекламировать, понятно? Регистрировать компанию не надо — бизнес будет неофициальным, но абсолютно честным с нашей стороны. Все твои клиенты будут тебе известны лично. Но тут есть один тонкий нюанс.

Арстан почесал подрюмяненный на морозце нос и отхлебнул кофе из стаканчика. Нурдин, казалось, превратился в статую и в абсолютной неподвижности ловил каждое слово брата с предельным вниманием.

— Нюанс в том, что, когда бизнес раскачается и пойдут деньги, пусть даже небольшие, это привлечет внимание разного рода темных людей, с которыми лучше бы не иметь дела. Түшүндүңбү?⁸

Нурдин едва заметно кивнул.

— Вот здесь твоя роль особенно важна. Нужно с каким-нибудь серьезным байке договориться в самом начале, чтобы он регулировал эти вопросы. Ну и понятно, что он должен стать партнером в этом случае. Но байке должен быть серьезным.

Нурдин вновь едва заметно кивнул.

— А почему билеты этой лотереи госпиталя?

— Сто баксов.

Нурдин присвистнул и с негодованием покачал головой:

— Да ты что? Не пойдет! В Бишкеке месячная зарплата в сто баксов — это счастье!

Арстан выждал паузу и терпеливо продолжил:

— В этом-то и суть. Всем понятно, что доходы разные в Америке и Кыргызстане. Поэтому мы не будем продавать целый билет одному клиенту. Мы будем дробить стоимость одного билета на, скажем, десять покупателей и продавать долю в потенциальном выигрыше. Если билет выиграл штуку баксов, то каждый вложивший десять долларов получает сто. Каждый клиент получает копию билета с номером и может проверить, насколько мы честно ведем бизнес, через интернет. Но понятно, что в реале платить тебе за долю в билете он будет не десять долларов, а десять долларов и пятьдесят центов нашей комиссии.

⁸ Понимаешь? (Кирг.)

Плюс затраты на перевод денег в Америку. В случае выигрыша со ста долларов он тоже отдаст нам пять. Вникаешь?

Глаза Нурдина засияли пониманием.

Он сунул в рот сигарету и стал с улыбкой вращать в пальцах зажигалку. Арстан допил кофе и посмотрел на брата долгим взглядом:

— Думаешь, покатит?

Нурдин вновь присвистнул и щелкнул зажигалкой. Сделав долгую затяжку, он обнажил в ухмылке желтоватые зубы и с удовольствием сказал:

— В Бишкеке народ такой азартный, что каждый последнего барана на кон поставит, прежде чем карты скинет. Знаешь ведь тот авто-сервис, где Валерка работает? Он в прошлом году поменял хозяина — предыдущий в покер его проиграл, по слухам. Этот бизнес просто обречен на успех!

Нурдин затаился и стал серьезным.

— По поводу байке есть идея.

Арстан встал и, сделав пару шагов, выбросил пустой стаканчик в урну неподалеку. Его брат вновь повеселел.

— Пойдем к Алие зайдем. Она мне уже два раза звонила — хочет тебя видеть, аж сил, говорит, нету. Она тебе расскажет про этих джигитов в колпаках, — сказал он, выпустив клуб белого дыма.

— Она-то что знает? — удивился Арстан.

Нурдин хихикнул.

— У нее, как у феминистки, с ними встречи были. Не особо приятные. Ну, она сама расскажет.

Арстан удивленно посмотрел на брата. Ему стало ясно, что за последние три года Кыргызстан изменился в неожиданную сторону.

— Ну, к Алие так к Алие.

5.

Два месяца пролетели поразительно быстро.

Казалось, Нурдин встречал его буквально несколько дней назад, когда шел густой снегопад и в салоне его старой «тойоты» воняло случайно поджаренной на моторе крысой. Но теперь они ехали в обратную сторону, в аэропорт. Заморозки и снегопады закончились, и зима вновь приобрела типичный для Чуйской долины облик — солнечный и малоснежный.

Прощание дома было долгим и эмоциональным. Мать, как всегда, рыдала. Отец с сестрой Динарой были немногословными и выглядели настолько серьезно, что казалось, Арстан отправлялся не обратно в университет, а на войну. Даже старый тайган⁹ во дворе поскуливал и выглядел растерянным. Арстан не знал, когда теперь у него получится

⁹ Киргизская порода собак, в шутку так называют и обычных дворняг.

приехать в Кыргызстан. Это был выпускной год, и летом он планировал бросить все силы на поиск работодателя, который смог бы продлить ему визу до получения грин-карты. Он также понимал, что шансов закрепиться в Америке было теперь меньше ввиду жесткой иммиграционной политики администрации Трампа. К тому же он взял на себя обязательства по мелкому гешефту с лотереей госпиталя в Кливленде, дабы помочь непутевому брату. Затея выглядела незамысловатой, не требующей много энергии с его стороны и вполне себе безопасной для Нурдина. Даже в условиях Кыргызстана, где революции, хаос и каждодневный бардак были своего рода нормой.

В аэропорту ждали Алия, Назгуля и Валерка.

Они провели пару часов перед регистрацией на вылет за пивом и разговорами взахлеб. Нурдин с Валеркой хитро улыбались, поглядывая на то, как Алия смотрела на Арстана. Она и раньше, до того, как тот уехал в Америку, испытывала к нему интерес, а теперь, будучи недавней разведенкой, казалась вулканом, из которого мощным потоком извергались плохо контролируемые эмоции. От ее главной страсти, борьбы за права женщин (вещи в консервативном Кыргызстане во многом немыслимой), не осталось и следа — феминизм был полностью замещен совершенно другими чувствами, главным из которых была глубокая симпатия, если не откровенная любовь, к покидающему Бишкек брату Нурдина. Знали они и то, что несколько раз за эти два месяца Арстан не ночевал дома, оставаясь в ее обшарпанной съемной квартире на Моссовете. Арстан выглядел сдержанным, но пообещал связать ее с какой-нибудь американской организацией, продвигающей права женщин. Число подобных заметно выросло после всплеска движения #MeToo.

Задержек с вылетом не было. Когда объявили посадку на его рейс, Арстан крепко пожал руки Нурдину с Валеркой и обнял обоих. После чего серьезно посмотрел на брата и сказал почти шепотом:

— Смотри, никакой отсебятины!

Нурдин соорудил гримасу, означавшую: «Тебе не о чем волноваться!»

Назгуля пожелала Арстану счастливого пути и чмокнула в щеку, оставив на ней рисунок губ своей яркой помадой. Алия же вынудила его смутиться непредсказуемо страстным поцелуем в губы и слезами на щедро подведенных маскаррой глазах.

— Пока! Я всем напишу по электронке! — крикнул им Арстан напоследок и скрылся за воротами паспортного контроля.

Рейс Бишкек — Стамбул — Нью-Йорк — Кливленд вылетел по расписанию.

Мерное гудение внутри самолета убаюкивало, несмотря на неудобные кресла и дефицит пространства. Арстан натянул шапочку с ло-

готипом «Кливленд Браунс», закрыл глаза и прислонился к холодной, слегка вибрирующей стенке борта «Турецких авиалиний».

Он вспоминал о времени, проведенном в Бишкеке.

Теперь ему придется притормозить с калориями — в родном городе он набрал как минимум пару кило. В родительском доме это было нормально и вполне предсказуемо. Он мысленно посетовал на то, что вновь начал курить, хотя у него никогда не было особенной зависимости и бросить не составит труда. Что печень за все это время работала сверхурочно ввиду постоянных возлияний по поводу и без повода. Вспоминал он и о тепле тела Али, и о том, как в момент пика страсти она чуть ли не до крови закусывала себе нижнюю губу. О бедности, а часто и вопиющей нищете простого люда в Кыргызстане, бросающейся в глаза в любых уголках Бишкека. О страхе в глазах Нурдина в первый день их встречи. Перебрав в голове все возможные варианты с лотереями в Америке в контексте диковинного бизнес-плана ради помощи брату, он еще раз убедился, что лотерея госпиталя Святого Павла была правильным выбором.

Разного рода лотерей в штате Огайо было пруд пруди. Но у той, что проводил госпиталь, были свои особенности. Во-первых, она разыгрывалась только раз в месяц, что не должно было сильно напрягать Арстана хлопотами по поводу денежных переводов от Нурдина, покупки билетов и отчетов клиентам. Времени у него будет в обрез этой весной и летом, это он знал точно. Во-вторых, госпиталь довольно подробно отчитывался перед публикой, куда именно направлялись деньги от лотереи. Арстан читал как-то раз такой вот отчет и узнал, что почти все вырученные средства шли на лечение пациентов-детей и новое оборудование. Куда шли деньги от других лотерей, было менее ясно. Если его затея получит развитие, то парадоксальным образом жители Кыргызстана будут содействовать улучшению детского здравоохранения в далеком и несоизмеримо более богатом Кливленде. «Нет в мире справедливости», — с грустью подумал Арстан, осознав этот неожиданный факт. В-третьих, вероятность выигрыша в этой лотерее была выше, чем в других, вероятно поэтому билеты на нее были значительно дороже.

Но самое главное, Арстан был абсолютно уверен в успехе этого гешефта из-за двух факторов — игорный азарт киргизских мужчин и тотальное недоверие в местном обществе к государству и отечественному бизнесу. Это недоверие, вполне обоснованное и не требующее лишних подтверждений, принимало порою уродливые формы и даже выливалось в революции с человеческими жертвами. Но при этом нельзя было жить постоянно только одним недоверием и негативными эмоциями. Хотелось верить, что где-то бывает так, что тебя не станут водить за нос. Хотелось верить, что где-то с тобой будут предельно честными и открытыми, даже не зная тебя лично. Арстан собирался быть именно

таким — честным и открытым, помогая при этом Нурдину заработать сом-другой. Что касается его самого, то вся эта мелкая возня не должна была отвлекать его от главного — окончания университета и поиска хорошей работы в технологическом секторе Северной Америки.

Но если что-то пойдет не так?

Что, если, не дай бог, кто-то в Кыргызстане действительно выиграет по-крупному? Арстан на мгновение встревожился, но почти сразу успокоился. Шансы были настолько невысоки, что скорее воды реки Чу повернут вспять, чем ему придется чесать репу и думать о том, как переправить в Кыргызстан сумму большую, чем лимит «Вестерн Юнион» на одну транзакцию. «Глупый жеребец меринов гоняет», — подумал он о своих опасениях. Размышления о рисках на фоне хорошо выглядящего бизнес-плана были так же нелепы, как и этот жеребец из старой киргизской пословицы, отгоняющий меринов от кобылиц.

Но все же?

Арстан вспомнил, как читал однажды об уникальном случае во время войны во Вьетнаме. Американский морской пехотинец и вьетнамский ополченец случайно столкнулись лицом к лицу в туннеле и, поняв, кто есть кто, одновременно выстрелили друг в друга, после чего сразу же разбежались в противоположные стороны. Американец остался совершенно невредимым и долгое время не мог понять, как его визави мог промахнуться на столь близком расстоянии. Осмотрев себя и проинспектировав оружие, он понял, в чем было дело: пуля вьетнамца попала в отверстие ствола его винтовки и застряла там. Успел ли он выстрелить на долю секунды раньше? Попал ли в того парня? Он долго не мог поверить в такое сумасшедшее везение и прикидывал, какова была вероятность такого уникального исхода.

Один на миллион?

Один на миллиард?

«Все может быть...» — фаталистически мелькнуло в голове у Арстана. «Эчтеке болбойт...»¹⁰ — тихо буркнул он под нос, успокаивая самого себя, и погрузился в сон. Ему снились эти волею судеб столкнувшиеся противники в далекой и бессмысленной войне, палящие друг в друга, и всякий раз пуля вьетнамца застревала в стволе янки.

Один на миллион?..

Один на миллиард?..

Несмотря на американскую военную форму и винтовку M16, морпех в его сне казался ему знакомым. Быть может, потому, что из-под надвинутой на брови каски на него смотрели испуганные глаза Нурдина.

¹⁰ «Ничего не будет...» (Кирг.)

У байке было угрюмое одутловатое лицо, от которого совсем не веяло какой-либо опасностью.

Он налил в стакан минералки и бросил туда крупную таблетку, которая зашипела мириадами пузырьков, и казалось, что все трое — байке, Нурдин и здоровенный амбал, стоящий у дверей, — были за-гипнотизированы предсмертной пляской таблетки в воде. Все трое за-вороженно наблюдали за этим процессом, будто это было удивительно редкое зрелище типа солнечного затмения или случайно увиденной вязки снежного барса в горах. Теперь вопросов о том, откуда у байке взялась эта странная кличка, у Нурдина не оставалось.

Все его так и звали — Зельцер-байке, но оставалось неясно, было ли это прозвище, что называется, за глаза или же он не возражал против него — так же, как, скажем, хоккеист Павел Буре не возражал против прозвища Русская Ракета, когда играл в Северной Америке. Валерка, раз в квартал менявший масло и проводивший техосмотр «гендвагену» этого внешне невзрачного мужчины, тоже был не в курсе.

«Почему он Зельцер-байке, он что — немец? Или еврей?» — не мог понять Нурдин, когда Валерка делился с ним информацией о влиятельных клиентах автосервиса.

«Да нет, вроде бы обычный киргиз», — отвечал ему простодушный Валерка, сам неожиданно осознавший, что кличка как-то совсем не вязалась с внешним видом мужчины.

Одет байке был неброско, можно сказать скромно. Совершенно не так, как предполагал Нурдин. Здоровенный амбал с выбритой головой, стоящий у дверей, был затянут в черную кожаную куртку, которая, казалось, трещала по швам, равно как и черные джинсы, — было очевидно, что регулярное посещение качалки для охранника было такой же нормой, как пиво по вечерам для Нурдина.

Зельцер-байке взял со стола стакан, в котором еще мгновение назад бесились пузыри, и с жадностью выпил половину. Удовлетворенно вздохнув, он улыбнулся и сказал Нурдину:

— Рассказывай!

Нурдин нервно прокашлялся.

— Зельцер-байке, у нас появилась одна бизнес-идея...

Он запнулся на полуслове, поймав на себе суровый взгляд переставшего улыбаться мужчины. Амбал у дверей стал угрожающе приближаться к Нурдину, который от страха прекратил дышать и почувствовал, как его мошонка сжалась настолько, насколько курага ужимается по сравнению со свежим абрикосом. Байке жестом показал амбалу, чтобы тот остановился, допил воду из стакана и строго сказал:

— Данияр, погоди. Мурат. Мурат-байке. Түшүндүңбү?

Нурдин нервно сглотнул и охотно закивал.

Байке вновь улыбнулся и как ни в чем не бывало повторил:

— Рассказывай!

— Мурат-байке, у нас с братом есть бизнес-идея...

Стараясь не смотреть на качка Данияра, Нурдин скороговоркой, прыгая с русского на киргизский, рассказал о бизнес-плане, придуманном Арстаном. Мурат-байке внимательно слушал, иногда хмурия брови. Нурдин закончил изложение, вновь нервно сглотнул и краем глаза с опаской взглянул на Данияра, неподвижно застывшего у дверей. Байке держал паузу, стуча костяшками пальцев по пустому стакану с едва заметным белым осадком.

— Я могу сразу сказать, что вся эта ваша возня с лотереей — полная ерунда с коммерческой точки зрения. Пыль, а не деньги. Но мой дед, как и твой, был тоже родом из Ат-Баши. Так что я готов поддерживать вас, можно сказать, по-родственному.

Он вновь налил в стакан минералки и бросил туда еще одну таблетку «Алка-Зельтцера». Взгляды всех троих вновь оказались прикованными к агонии пузыряющейся в воде таблетки. Не сводя глаз со стакана, Нурдин осторожно спросил:

— Байке, откуда вы знаете, что мой дедушка родом с Ат-Баши?

Мурат засмеялся и метнул на Нурдина быстрый взгляд.

— Я много чего знаю. Думаю, все будет нормально с вашей затеей. Но одну вещь я скажу тебе только раз. Слушай внимательно. Готов?

Нурдин мелко, с напускным подобострастием, закивал головой.

— Даже не пытайтесь меня кинуть. Я узнаю об этом еще до того, как это произойдет. И если такое случится, я не стану сдерживать Данияра.

В комнате повисло напряженное молчание, разбавляемое лишь угасающим шипением в стакане.

— Макулбу?¹¹ — спросил Мурат-байке и взял со стола стакан.

— Макул¹², — тихо ответил Нурдин.

— Жакшы¹³. Я, может быть, и сам сыграю как-нибудь. Оставь номер телефона Арстана Данияру и иди.

Мурат-байке залпом выпил содержимое стакана и со стуком поставил его на стол.

Нурдин быстро написал на клочке бумаги номер телефона Арстана в Кливленде и, направляясь к двери, протянул его амбалу, мрачно пилившему его взглядом. Тот взял бумагу и отодвинулся от двери ровно настолько, чтобы Нурдин смог протиснуться между ним и косяком. Едва дыша, он вышел за порог и услышал сначала бульканье воды, а потом и громкое шипение за спиной.

Похоже, Мурат-байке бросил в воду еще одну таблетку.

¹¹ Согласен? (Кирг.)

¹² Согласен. (Кирг.)

¹³ Хорошо. (Кирг.)

7.

Найти первых десять клиентов у Нурдина заняло два месяца.

Он, повинувшись чутью, не брал друзей и родственников, подписывая лишь шапочных знакомых и совершенно левых людей. Лишь Алия, зная о затее, почти силком всучила ему горсть разноцветной мелочи в сомах, несмотря на протесты, — она старалась напоминать о себе страшно занятому и редко славшему мейлы из Америки Арстану любым возможным способом.

Тот мартовский день, когда Арстан отправился получать деньги от Нурдина в ближайшую от университета точку «Вестерн Юнион», выдался на удивление теплым и солнечным. Он неторопливо шел по аллее, чувствуя, как весеннее солнце приятно греет шевелюру. Зайдя внутрь и подойдя к свободному окошку, он раскрыл рот от изумления. Солнечные лучи, падающие из окна, ярко светились на пышной прическе девушки-операционистки, создавая нимб. Арстан посмотрел на нее внимательнее. Черные блестящие волосы струились и светились, как в рекламе «Лореаля». Смуглое лицо, ярко-красная помада на губах, слегка раскосые глаза с длиннющими вороньими ресницами. Бейджик с именем «Мария» на лацкане ее делового пиджака и едва заметный испанский акцент сразу же все расставили по местам. Девушка, скорее всего, была родом из Мексики, подумал он, протягивая заполненный бланк и не сводя с нее глаз.

Арстан получил деньги и сразу же отправился домой. Купив онлайн билет на розыгрыш ближайшей лотереи госпиталя Святого Павла, он сделал скриншот и отправил по электронной почте Нурдину. После этого Арстан стал повторять зубодробительный в своей сложности системный анализ, экзамен по которому неумолимо приближался. Но мысли об операционистке с солнечным нимбом не давали ему сконцентрироваться. Кто она? Подрабатывает ли она там, будучи студенткой? Откуда конкретно она родом?

— Акапулько... Проблеми... фарла финита...

Он стал мурлыкать себе под нос эту старую песню, которую любила его мать со времен далекой советской молодости. Открыв карту Мексики в гугл-мэпс, он нашел Акапулько. Этот мексиканский город был расположен на тихоокеанском побережье. На контекстных фотографиях веб-страницы были изображены идеально белоснежные пляжи, бесконечно тянущиеся вдоль изумрудной кромки моря. Арстан закрыл глаза и представил себе операционистку Марию на таком вот песчаном побережье, в ярком бикини, с солнечным нимбом вокруг пышных волос, неторопливо идущую вдоль набегающих волн...

Системный анализ больше не лез в голову. Арстан решил сделать перерыв и выключил компьютер.

Теперь желание познакомиться с этой операционисткой вытесняло собой все остальные.

8.

Время пролетело быстро, и наступил сентябрь.

Арстан окончил университет, получил диплом и смог устроиться тут же, в Кливленде, в компанию, которая разрабатывала программное обеспечение для больницы. Теперь он проводил долгие часы за компьютером — писать код и фиксировать баги было занятием, требующим времени, предельного внимания и новых очков ввиду подсевшего зрения. Госпиталь Святого Павла был в числе клиентов компании. Продолжая на пару с Нурдином мелкий гешефт с лотереей, Арстан порою чувствовал себя неловко. Поступления от лотереи оплачивали в том числе и покупаемый госпиталем софт. Теоретически получалось, что деньги, приходившие из Кыргызстана, — пусть даже сущий мизер — перераспределялись после витиеватого маршрута и в его пользу.

Но все это было, конечно же, полной ерундой в абсолютных цифрах. За шесть месяцев клиентская база Нурдина выросла до двадцати пяти подписчиков (включая Алию), и всякий раз, получая деньги в «Вестерн Юнион», Арстан не мог не отметить, что их бизнес скорее напоминал мышиную возню в старушечьем клозете, чем сверхдоходное предприятие, каким оно виделось Нурдину на заре их деятельности. Но, казалось, его брата это совершенно не смущало — тот продолжал оставаться оптимистом. Это слегка удивляло Арстана. Нурдин полностью изменился.

Быть может, он, Арстан, не знал чего-то?

Он размышлял об этом после частых разговоров с братом по скайпу, но все выглядело нормально.

Мурат-байке, тот самый влиятельный мужчина, с которым у Нурдина был столь запомнившийся диалог, зная ситуацию с прибылью, даже не утруждал себя получением своей доли. «Это не деньги, это пыль! Мен сага ал акча деле эмес, деп айтпадым беле?!¹⁴ — сказал он Нурдину однажды. — Даже на упаковку “Алка-Зельтцера” не хватит!» После чего попросил его не беспокоить до тех пор, пока ситуация не изменится. Нурдина это устраивало.

В кафешке со странным названием «Бубновый Туз» было немногочисленно.

Здесь так было всегда по утрам в выходные. Как, впрочем, и на всей территории кампуса. Вопреки названию, основной клиентурой этого заведения были любители кофе, так или иначе имеющие отношение к университету, а не к казино или азартным играм. Львиная доля студентов отсыпалась сегодня, а преподаватели не работали, и Арстан смог без труда расположиться за своим любимым столом у окна.

¹⁴ Не говорил ли я тебе, что это не деньги?! (Кирг.)

Сопрано Тейлор Свифт, наполнявшее пространство кафе, сменилось тенором Гарта Брукса. Арстан не возражал: и поп, и кантри хорошо сочетались с кофе и не мешали читать. Он любил такие моменты, когда можно было не торопясь насладиться чашкой крепкого кофе и полистать свежие газеты. Но кроме этого у него была еще одна причина появляться здесь в этот час по субботам. У Марии была утренняя смена в том самом отделении «Вестерн Юнион», где раз в месяц, как штык, появлялся Арстан.

После второго визита в эту точку он представился ей, и с тех пор они стали общаться. Их отношения складывались не быстро, но Арстан не торопил события, стараясь не спугнуть удачу, которая, как ему казалось, постепенно двигалась в его сторону. В Марии ему нравилось все — смуглая кожа, обворожительная улыбка, манера произносить «р» с рокотанием газующего «харлея» и умение добавлять в кесадийю ровно столько халапеньо, сколько надо, чтобы не пришлось гасить пожар во рту после первого же кусочка. Про кесадийю он узнал, когда она как-то раз поделилась с ним своим собственноручно приготовленным ланчем. Он купил ей кофе в то утро. С тех пор их встречи тут стали регулярными — он ждал ее у окна, читая газету, и она неизменно приходила с пунктуальностью более типичной для студентов из Германии, нежели из латиноамериканских стран.

Субботний номер «Кливленд Таймс» был, как всегда, куда толще, чем в другие дни. На первой странице была фотография полного седовласого мужчины с суровым лицом в окружении людей в полицейской форме на фоне массивных колонн здания окружного суда. «Отвернувшаяся удача при ставке на Триады» — гласил заголовок крупным шрифтом. Арстан перевернул страницу и пробежался глазами по статье. Мужчина с суровым лицом был известным кливлендским персонажем Фрэнком Скарпелли, называвшим себя бизнесменом, хотя у служителей Феиды часто находились другие формулировки. Полиция и прокуратура Огайо считали его одним из лидеров организованной преступности в штате. В этот раз мистеру Скарпелли инкриминировали создание подпольного игорного дома в альянсе с криминальным китайским синдикатом, известным как Триады. Фрэнку было не привыкать к судебным разбирательствам — его яркая биография, та ее часть, что попадала на страницы газет, была связана с криминальными историями, крупными залогами и двумя сроками в местах не столь отдаленных. Нелегальный гемблинг, то, чем занимались как Фрэнк Скарпелли, так, по сути, и Арстан, был далеко не безопасным занятием, судя по статье. Как с точки зрения закона, так и в других аспектах. Арстан вздохнул. Разница между ним и этим кливлендским гангстером заключалась лишь в географии и размере оборота. «Эчтеке болбойт», — уже привычно буркнул он себе под нос и решительно перелистнул газету на раздел «Путешествия и туризм».

— Привет!

Он поднял глаза, посмотрел вверх очков на склонившуюся над ним Марию и сразу же почувствовал легкое головокружение. Ее пышная грудь оказалась куда ближе к его лицу, чем обычно, и, похоже, произошло это не случайно. Он нервно слотнул и, стараясь держать себя в руках, произнес фразу на испанском, выученную накануне:

— *Quieres cafecita con azúcar?*¹⁵

Она задорно рассмеялась и утвердительно кивнула головой.

В течение пятнадцати минут они пили кофе и болтали о пустяках. Мария была студенткой на факультете бизнеса и финансов и собиралась стать бухгалтером после окончания университета. Со следующей недели у нее начинался курс по форенсик-бухгалтерии.

— Что это? — спросил Арстан, с аппетитом уплетая принесенный Марией буррито.

— Это отдельная бухгалтерская дисциплина. Бухгалтерия криминальных расследований. Схемы отмывания денег. Разного рода неочевидные махинации с финансовыми транзакциями. С сертификатом форенсик-бухгалтера можно устроиться на работу в полицию.

Он удивленно посмотрел на нее:

— В полицию? Ты же родом из Синалоа? Какая полиция?

Она метнула на него недовольный взгляд, и Арстан сразу пожалел, что позволил себе лишнее.

— Ой! Я не это имел ввиду... Мне надо перестать смотреть «Нетфликс» в таком количестве...

Мария, попилив его взглядом, раздраженно сказала:

— Не все те, кто из Синалоа, одобряют наркобизнес. Точно так же как не все сицилийцы поддерживают мафию. *Cariscì!*¹⁶

Арстан быстро кивнул и сразу перевел разговор на другую тему.

— Отличные буррито! Откуда гуакамоле, из «Трейдер Джо»?

Она покачала головой и все еще с легким раздражением ответила:

— Гуакамоле я делала сама. Ты в курсе, что на Мексику как производителя приходится девяносто процентов мирового рынка авокадо?

Арстан не знал этого, но ему не составило труда представить себе Марию, мнущую пасту из авокадо с лимоном и специями. Он молча жевал, не зная, что ответить. Гуакамоле был и вправду хорош.

— Если бы все наркоденьги Синалоа пошли в индустрию авокадо, в Мексике не осталось бы бедных. Больше не надо про то, откуда я, в контексте полиции и всего такого, о'кей?

Арстан с воодушевлением закивал и изобразил на лице полное согласие. Мария покачала головой, пустив по пышной вороной шевелюре изящные волны. Утреннее солнце вновь заиграло в ее волосах, создав ореол, который так поразил его, когда он встретился с ней в первый раз.

¹⁵ Хочешь кофе с сахаром? (Исп.)

¹⁶ Понимаешь? (Итал.)

— Моя соседка уехала домой в Эль-Пасо на две недели. Зайдешь ко мне вечером?

Его сердце внезапно перешло на ускоренный ритм, будто бы он только что пробежал стометровку.

— Конечно, — ответил он, собрав в кулак все спокойствие, на которое был способен.

Она широко улыбнулась, обнажив ряд ровных белоснежных зубов, и Арстан почувствовал, будто бы все его мысли стали ей абсолютно очевидными, как кости на рентгеновском снимке.

— Мне пора, — сказала она, взглянув на часы в айфоне.

— Идем, я тебя провожу.

Они вышли из кафешки и направились в сторону точки «Вестерн Юнион».

Сегодня Мария впервые взяла его под руку, и Арстан забыл о том, что собирался поработать на этих выходных, чтобы успеть к очередному дедлайну. Кроме невыносимой легкости его, словно утренний туман над озером Эри, окутало сладостное предвкушение встречи с Марией сегодня вечером.

Когда он вернулся, газета все так же лежала на столе раскрытой на разделе «Путешествия и туризм». Арстан взял чашку кофе и снова уселся у окна, где все еще чувствовался легкий аромат духов Марии. Или это ему так показалось? Он мечтательно посмотрел в окно. Его будущее с этой красавицей из Синалоа, мексиканского штата, где вот уже с десятков лет, не прекращаясь, бушевали войны наркокартелей, казалось куда более обещающим, чем несколько часов назад. Он был близок к получению грин-карты. У него была хорошая работа в технологической индустрии. Она будет квалифицированным бухгалтером. Она отлично готовит гуакамоле. Арстан отхлебнул из чашки и подумал, что это может понравиться его маме, которая никогда в жизни не держала в руках авокадо, но тоже отлично готовила. Подумав о семье в Кыргызстане, он вспомнил, что сегодня должны стать известны результаты очередного розыгрыша лотереи госпиталя. «Рановато», — подумал он, посмотрев на часы в мобильнике, и стал лениво читать газету. Результаты должны были появиться в интернете минут через десять.

Статья в «Таймс» была о туризме в Боснию, который, как утверждал автор, становился все более популярным в Кливленде в связи с большой диаспорой выходцев из бывшей Югославии. Мостар, город, сильно пострадавший в гражданской войне середины девяностых, настезь распахнул свои объятия перед американским туристом. Каменный мост через реку Неретву в центре города, давший название городу, выглядел необычно. Четыреста лет, с тех самых пор, как его построили османы, он связывал христианскую и мусульманскую части

города. Глядя на фотографию моста, Арстан вдруг подумал, что отделение «Вестерн Юнион», где работала Мария, тоже стало мостом между ними, столь непохожими друг на друга и даже говорившими между собой на неродном для обоих языке.

Неожиданно булькнул его мобильник.

Он посмотрел на дисплей. Приложение на айфоне, которое сам же он и разработал, уведомяло звуковым сигналом участников лотереи, если билет выигрывал. Он поскроллил вниз и еле удержался на стуле, неуклюже расплескав кофе по столу. «Oh, my God! Ушундай да болот экен!¹⁷ Вот так утро сегодня!» — вырвалось у него на всех трех известных ему языках. Впившись взглядом в дисплей айфона, он, не веря своим глазам, перезагрузил приложение два раза для верности. Нет, ошибки не было. Сомнений не оставалось. Арстан почувствовал легкую дрожь в ладонях.

Билет, купленный им на деньги, что прислал Нурдин, выиграл 1900 долларов.

9.

Разница во времени между Кливлендом и Бишкеком составляла четырнадцать часов, но Арстан не стал выжидать более удобного времени для звонка Нурдину.

— Салам!¹⁸ Уже спишь?

— Кандай...¹⁹ Да, лег уже...

— Наш билет выиграл.

— Что?!

Сон у Нурдина выветрился моментально.

— Сколько?!

— Тысячу девятьсот долларов.

В трубке послышалось тяжелое пыхтение. Похоже, Нурдин встал с кровати и стал ходить кругами по спальне.

— Слушай, это круто! — сказал он наконец.

Послышался глухой звук чего-то упавшего. Судя по всему, Нурдин был чрезвычайно оживлен.

— Не говори, — ответил Арстан, с ухмылкой представляя себе брата, в исподнем нарезающего круги по комнате.

— Когда сможешь переправить деньги в Биш?

— Постараюсь на днях.

— Отлично! Я всегда верил, что это произойдет! Думаю, теперь мы раскрутимся как следует...

Нурдина понесло. Примерно так же, как тогда в кафешке, где он излагал свои многочисленные бизнес-планы. Но теперь, в свете выи-

¹⁷ И такое бывает! (Кирг.)

¹⁸ Привет! (Кирг.)

¹⁹ Как (ты)? (Кирг.)

грыша, это не звучало как стопроцентная маниловщина. Арстан молча улыбался, слушая энергичную трескотню брата. Бриллиантовый дым стоял коромыслом в доме Нурдина в этот поздний час, в то время как в Кливленде наступил скупой на тепло сентябрьский полдень.

10.

— Байке, вам как обычно?

Нурдин кивнул. Он уже привык, что его тут с уважением величали «байке», несмотря на то что почти никто из работающих в этом заведении не был моложе, чем он. Девушка-официантка улыбнулась и быстрым шагом направилась в сторону кухни. Он проводил ее долгим взглядом. Ее изящная фигура и плотно обтягивающая юбка короче обычного отвлекла его ненадолго, но зазвонивший мобильник на столе вернул к реальности. Рабочий день для Нурдина, а точнее рабочий вечер, только начинался.

Спустя три месяца после выигрыша его клиентура разрослась настолько, что Нурдину пришлось резко сократить рабочие часы на складе сантехники, где он продолжал числиться, и проводить долгие вечера в этом ресторане в центре Бишкека. Здесь он уже стал настолько своим, что официантки заведения в разговорах между собой называли его за глаза «диванчиком», подразумевая, что Нурдин, ввиду постоянного присутствия, уже практически слился с интерьером ресторана. Три недели назад он понял, что справляться в одиночку уже не может, и позвал в помощники Валерку с Алией. Часть потока клиентов обрабатывали они, но это были либо новые гемблеры, либо те, кто не ставил по-крупному. Серьезных клиентов Нурдин принимал в этом кабаке по вечерам сам, лично.

Денежные объемы, переводимые Нурдином в Америку, выросли, и теперь Арстан вместо прежних одного-двух билетов покупал каждый месяц дюжину, а то и больше. Они с братом договорились, что его долю Нурдин будет хранить у себя и отдаст Арстану, когда тот как-нибудь прилетит в Бишкек. Все работало как швейцарские часы — отлаженно и безупречно. Выигрышей больше не было, но это не влияло на рост оборота — в Бишкеке слух о том, что кто-то, вложив двадцать-тридцать сомов, получил шестьсот или даже больше, растекся по городу со скоростью горной воды в арыках весной, и число азартных игроков, жаждущих срубить куш по-легкому, не переставало расти. Даже Адилет, хозяин бизнеса, где работал Нурдин, узнав о заокеанской лотерее, стал его клиентом и начал сквозь пальцы смотреть на частые, после насыщенных вечеров, опоздания на работу. Сегодня он обещал зайти в этот ресторан с кем-то важным.

Девушка вернулась и поставила перед Нурдином кесушку с лагманом и кружку пива.

— Что-нибудь еще?

Дверь в кабак открылась, и внутрь вошли двое мужчин, одним из которых был Адилет. Они уверенно приблизились к столу, за которым сидел Нурдин. Тот почтительно встал и посмотрел на них, не рискуя протягивать руку первым. Если Адилет был одет как обычно, в кожаную куртку и джинсы, то второй мужчина выглядел будто собрался на свадьбу — идеально подстриженный, в отличном костюме, белой рубашке и ярком галстуке, он резко контрастировал как с Адилетом, так и с Нурдином. Его лицо излучало ту самоуверенную надменность, которая встречалась только у представителей высших эшелонов власти в Кыргызстане.

— Нурдик, салам. Это Клыч-байке, — сказал Адилет, представляя спутника.

Мужчина внимательно и строго посмотрел на него и, выждав паузу, протянул руку.

— Клыч-байке, рад познакомиться, — ответил Нурдин и пожал ему руку. — Эмне ичесиз?²⁰

Клыч-байке с очевидным пренебрежением посмотрел на девушку, все еще стоящую у стола в ожидании, и сказал сквозь зубы:

— Неси коньяк.

Они сели за стол, и Адилет произнес с совершенно несвойственной ему торжественностью:

— Клыч-байке — депутат Жогорку Кенеша²¹. Расскажи про вашу американскую лотерею.

Нурдин с опаской взглянул на Адилета. Тот сделал успокоительный жест рукой, что, мол, не стоит беспокоиться. Официантка бесшумно принесла и так же бесшумно водрузила на стол бутылку «Хеннеси» и три рюмки.

— Не волнуйся. Клыч-байке с тобой разговаривает как частное лицо, а не как член парламента.

Нурдин кивнул и начал рассказывать уже, быть может, в сотый раз суть затеи. Как он принимает ставки на ежемесячную лотерею госпиталя Святого Павла в Кливленде, и что вся информация о розыгрышах абсолютно открыта в сети, но его брат Арстан, работающий с ним в тандеме в Америке, делает перевод на русский в любом случае, и поэтому любой участник в состоянии проверить в любой момент, какая комбинация выиграла и какая сумма выигрыша причитается по тому или иному билету. Клыч-байке молча слушал, не сводя глаз с Нурдина. Адилет скромно молчал, тербя салфетку на столе.

— А какой джекпот?

Нурдин детально объяснил структуру призов в этой лотерее. От самых неприятных в виде бесплатных билетов на следующий

²⁰ Что будете пить? (Кирг.)

²¹ Жогорку Кенеш — название парламента в Республике Кыргызстан.

розыгрыш и до максимально возможного, который зависел от общего количества проданных билетов и обычно колебался в диапазоне от половины до трех четвертей миллиона долларов.

— Полмиллиона?! — воскликнул Клыч-байке так, что сидящие за ближайшими столами посетители ресторана как по команде обернулись и удивленно посмотрели на них.

Он оживленно открыл бутылку с коньяком и разлил его в три стоящие перед ним рюмки. Подвинув одну из них Нурдину, а другую Адилету, Клыч-байке улыбнулся и сказал:

— Ну, за знакомство! А что, если выиграл не американец, это прокатит?

Нурдин залпом влил в себя бурю жидкость из рюмки сразу за Адилетом и членом парламента и, слегка поморщившись, в деталях изложил этот аспект лотереи, хотя был абсолютно уверен, что этот лоцный депутат уже знал ответ — как бы иначе они смогли получить выигрыш в 1900 долларов? Арстан не был гражданином США. Нурдин не торопясь повторил сказанное ему Арстаном: участники лотереи госпиталя Святого Павла в Кливленде не обязаны быть американскими гражданами, любой выигранный приз может быть получен кем угодно, вне зависимости от гражданства.

Произошедшее после этого вынудило Нурдина потерять на мгновение дар речи. Клыч-байке как бы между прочим извлек из кармана пиджака портмоне из замши, с подчеркнутой небрежностью вытащил оттуда пять стодолларовых купюр и положил их перед Нурдином.

— Возьми мне пять билетов на ближайший розыгрыш. Макулбу?

Нурдин слегка испуганно посмотрел сначала на деньги, потом на Адилета, затем на Клыча-байке. После этого он вытащил из сумки, стоявшей на полу, тетрадь с записями и пачкой стандартных квитанций — он использовал их в качестве расписок в получении денег. Начав было писать, он услышал:

— Забудь об этом. Я тебе доверяю. Адилет сказал, что ты надежный парень.

Клыч-байке встал из-за стола и бросил на скатерть несколько стомомовых банкнот.

— Это за коньяк. Адик, подбросишь меня до Старой площади?

Тот кивнул и тоже встал. Клыч-байке подмигнул Нурдину, словно старому приятелю, и энергично зашагал к выходу. Адилет посеменял за ним вослед. Нурдин дождался, пока они вышли за дверь, сгреб доллары со стола и нервно сунул их в карман джинсов. Вновь зажужжал мобильник. Звонил Валера.

Была полночь, но Нурдин все еще не мог уснуть.

Обычно он засыпал сразу, и Арстан в детстве никак не мог понять, откуда у него такая странная способность. Неважно где и неважно

но во сколько, Нурдин погружался в сон мгновенно и спал как бревно. Но сейчас он ворочался с боку на бок, бесконечно поправляя подушку и скручивая ногами одеяло. Мысли в голове Нурдина, как аргамачи в степи, галопом мчались в восьми разных направлениях, раздирая мозг на части.

Ему надо было как-то успокоить Алию. Та узнала, что сразу несколько парней из движения киргизских традиционалистов «Эр Эркектер» стали клиентами гешефта. Они вышли на лотерею через Валеру и ежемесячно оформляли покупку долей в билете через него же. Нурдин со скепсисом относился к идеологии этой организации, которая занималась, по его мнению, полной ерундой, ставя в основу своей деятельности беспощадную борьбу с феминизмом и сексуальными меньшинствами. Первое выглядело стрельбой из пушки по воробьям — феминисток в городе было мало, они были плохо организованы и почти ничего не могли противопоставить крепким парням из «Эр Эркектер». Второе же вообще было похоже на бой с тенью. Нурдин даже не знал, существуют ли сексуальные меньшинства в городе в статистических количествах при и без того общей нетерпимости к ним в консервативном кыргызстанском социуме.

Именно парней из «Эр Эркектер» они видели тогда в парке, когда разговаривали, сидя на замороженной лавочке. Арстан, узнав о действиях организации, прокомментировал это фразой: «Александр Македонский, конечно, герой, но зачем же стулья ломать?» Нурдин не понял его тогда, но чутье подсказало, что намного более образованный Арстан цитировал что-то из классики. Возможно, он имел в виду, что почитание белого киргизского колпака и кочевых традиций обязательно должно сопровождаться столкновениями с несогласными. И вообще, почему эти традиционалисты, хранители вековых ценностей, вдруг с таким бешеным энтузиазмом бросились принимать участие в лотерее, совершенно харамном бизнесе? Но с другой стороны: что он мог поделаться? Сказать им «нет»?

Клиенты есть клиенты, деньги есть деньги. Зачем пилить сук, на котором сидишь?

Это противоречие не беспокоило Нурдина, это было проблемой самих членов «Эр Эркектер», теряющих популярность на всех уровнях. Проблема Нурдина на данный момент была в том, что Алия была убежденной феминисткой. Когда она узнала о том, кто стал регулярно принимать участие в лотерее, у нее в буквальном смысле была истерика, и Нурдин не понимал, как ее успокоить. «Может, попросить Арстана?» — пришло ему в голову. Мысль ему понравилась, и он даже растянул губы в никем не видимой улыбке. Конечно, пусть Арстан «разведет» этот вопрос, у него с Алией отношения более чем близкие.

Его беспокоил и Валерка, который был страшно горд причастностью к их мелкому гешефту и, по мнению Нурдина, трещал об этом

больше необходимого. Да, их прикрывал Зельцер-байке с его связями. Да, общий бардак в Бишкеке да и в стране вообще играл им на руку. Но у Валеры вдруг стали появляться масштабные планы расширения бизнеса. Он хотел подписать кого-то из Чолпон-Аты, откуда был родом, и время от времени заговорщически сообщал Нурдину о неких серьезных контактах в Оше и Алматы.

Но стоило ли Нурдину влезать в это?

Если казахи сами хотели принимать участие, а Алматы был при этом несравненно более богатым городом, чем Бишкек, зачем их отвергать? Тем более что бизнес с самого начала был транснациональным.

Клиенты есть клиенты, деньги есть деньги.

Нурдин вспомнил, с какой небрежностью Клыч-байке выложил перед ним на стол пятьсот долларов новенькими хрустящими купюрами, такими, что даже портрет Бенджамина Франклина казался рельефным, словно профиль на мемориальной доске. В бедном Кыргызстане были люди, для которых сыграть в заморскую лотерею и почти наверняка расстаться с такими крупными деньгами было сродни покупке пачки сигарет в ларьке. Нурдин вдруг почувствовал, что вспотел. Ему тоже захотелось быть как Клыч-байке — с замшевым портмоне, туго набитым стоцолларовыми банкнотами! Чтобы он тоже мог между прочим купить бутылку дорогущего французского коньяка! Чтобы денег было так много, что колебаться, тратить пятьсот баксов на чепуху или не тратить, даже не приходилось бы! Чтобы официантку в короткой юбке из ресторана можно было бы позвать с собой куда-нибудь на Иссык-Куль или даже в Эмираты!

Нурдин резко встал с кровати. От волнения у него заболела голова.

Он вдруг понял, как можно заработать быстро и так, что никто об этом не узнает.

Даже Арстан.

11.

— Как у вас?

— Все нормально. Я получила приглашение в Германию, на собеседование в университет Берлина! Завтра иду в консульство с документами на визу!

— Отлично! Как родители?

— Ничего. Мама по тебе скучает.

— Поцелуй ее от меня. Как Нурдик? Как его родители?

— Тоже неплохо. Нурдик молодец! Купил матери новую стиральную машину. Кстати, у него теперь «мерседес». Всего трехлетний.

— Что?! Какой еще «мерседес»?

— Серебристый! Поднялся на ноги парень...

Сестра продолжала весело щебетать через ватсап, но новости о Нурдине заставили Арстана задуматься и начать пропускать трескотню сестры мимо ушей. Трехлетний «мерседес», даже самый неказистый, был почти наверняка вне финансовой досягаемости Нурдина. Что случилось? Откуда у него завелись деньги? Их мелкая возня с лотереей госпиталя за полгода с момента выигрыша стала более серьезной, но не настолько, чтобы брат мог позволить себе такой автомобиль. Даже если он использовал долю Арстана, которую должен был хранить в неприкосновенности. Этого могло бы, наверное, хватить на стиральную машину Айтурган-эже (да и то с натяжкой!), но никак не на «мерседес». Лоб Арстана прорезала складка посередине, возникавшая всегда, когда он глубоко погружался в размышления. Поворачивая айфон в руках, он увидел свое отражение на дисплее, посмотрел на эту складку и покачал головой.

— Слушай, Динара, мне надо бежать. Я позвоню на выходных.

— погоди! Говорят, у тебя появилась девушка в Америке, когда мы ее увидим? Она будет нам келинкой²²?

Голос сестры стал игривым, а на лице появилась задорная улыбка.

— Дин, мне надо бежать, я позвоню на выходных.

Не дожидаясь ответа, Арстан выключил ватсап и положил айфон на стол дисплеем вниз.

Он посмотрел в окно и вздохнул. Вихри предположений, включая те, о которых даже не хотелось думать, терзали его, как стая волков загнанного архара. Что там, в Бишкеке, устроил Нурдин?

Айфон на столе завибрировал и зазвенел ритмами маримбы.

Сработал поставленный накануне будильник. Арстан усмехнулся. Он поставил эту маримбу в качестве мелодии на будильнике, потому что она нравилась Марии. Она еще спала — ее занятия в университете начинались намного позднее, чем Арстан уходил на работу. Вот уже три месяца они жили вместе, снимая эту небольшую квартиру недалеко от университета. Он выключил будильник и вновь задумался о Нурдине. «Надо позвонить Алие вечером», — решил он и отправился умываться. Он предпочитал выезжать на работу пораньше, до того как трассы Кливленда оказывались запруженными сумасшедшим трафиком.

День пролетел в круговороте забот.

Госпиталь Святого Павла нуждался в дополнительной функциональности софта, но при этом быстрое действие программы должно было оставаться прежним. Арстан потратил немало времени, чтобы найти решение этой проблемы, и совершенно забыл о разговоре с сестрой утром. Дважды ему звонила Мария, и дважды он был вынужден пре-

²² Келин (кирг.) — невестка, сноха.

рвать их диалог — дедлайн по сдаче кода в тестирование приближался неумолимо. Когда он закончил и потянулся, расслабленно откинувшись на спинку кресла, оказалось, что уже пять часов вечера и пора ехать домой.

Вернувшись, Арстан понял, что Мария уже пришла.

Он зашел на кухню и вытащил из холодильника бутылку пива. Приложив ее холодную поверхность ко лбу, он осознал, насколько устал за сегодняшний день. С плиты доносился вкусный запах. Послышался шум воды за стеной: похоже, Мария была в душе. Он откупорил бутылку и сделал пару освежающих глотков. Затем прошел до ванной и, приоткрыв дверь, сказал, перекрикивая шум воды:

— *Mi amor*, я дома!

Она протерла покрытую мелкими каплями дверцу душа и посмотрела на него. Потом улыбнулась.

— Я скоро. Будем ужинать, как выйду. Опять кесадийя! — громко ответила она.

— Кесадийя... *es fantástico!*

Он закрыл дверь и прошел в спальню.

Включив лэптоп, он устало уселся перед ним и расстегнул пуговицы на рубашке до середины. Отхлебнув еще пива, Арстан поставил бутылку рядом с клавиатурой. Приходя домой после трудного дня перед рабочим компьютером, первое, что он делал, — вновь оказывался за компьютером, теперь уже домашним. Мысль об этом заставила его усмехнуться. Он проверил почту, в том числе и папку «Спам». Как всегда, было много всякой ерунды. Реклама каких-то сомнительных витаминов. Дурацкие страховки. *Mature Quality Singles*²³ — куда же без них? Арстан удалил весь мусор и обратил внимание на линк контекстной рекламы, отсылавший к статье с тревожным названием «Правовой нигилизм как угроза государственности Кыргызстана». Он кликнул и пробежался глазами по статье. Некий эксперт довольно убедительно разъяснял, что пренебрежение законами в Кыргызстане на всех уровнях не только подливает масла в огонь всеобщего хаоса в республике, но и в перспективе в состоянии уничтожить саму государственность как таковую. Арстан невольно кивнул в знак согласия. Жди теперь переводов покрупнее из Бишкека на покупку лотерейных билетов. Эта закономерность еще ни разу не заставила в себе усомниться — «денежный» тест был на удивление показателен: чем больше бардака было в Кыргызстане, тем лучше шел их с Нурдином бизнес. Арстан вспомнил, что читал, как в последние месяцы перед крахом Третьего рейха, когда уже всем было понятно, что авантюры фюрера добром не закончатся, самой популярной книгой в городах Германии была «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл. Глядя на надвигающуюся трагедию, обычные немецкие обыватели находили утешение в

²³ Американский веб-сайт знакомств для одиноких людей в возрасте старше среднего.

чтении этой романтической эпопеи. Позднее психологами даже был придуман специальный термин — эскапизм. В этом смысле их с Нурдином мелкий гешефт с больничной лотереей был сродни американской классике о далекой и малопонятной войне Севера и Юга. Азартные игроки в Кыргызстане, увязнув по стремена в болоте этого «правового нигилизма», совершенно не доверяли государству и друг другу. Но парадоксальным образом не сомневались в честности и добросовестности менеджмента госпиталя Святого Павла в далеком Кливленде. Вспомнив о Нурдине и утреннем разговоре с Динарой, он решил набрать Алию.

Алия приняла звонок почти сразу. Ее курносое, с россыпью веснушек лицо заполнило весь дисплей на айфоне. В Бишкеке было раннее утро, но даже без косметики она выглядела привлекательной.

- Привет, Алия, как дела? Как в Бише?
- Ой, Арстанчик, привет! У нас все хорошо!
- Как Нурдин, Валерка?

Алия скороговоркой изложила последние новости. Что она помогает как может Нурдину и что «ведет» пару дюжин постоянных клиентов. И что она уже отошла от эмоций по поводу «Эр Эркектер» после прошлого разговора с ним, Арстаном, а организация феминисток штата Огайо с неожиданным названием «Радикальные Сестры» уже вышла с ней на контакт. И что Валера привел двух парней из Алматы, у которых очень неплохо с деньгами. И что Нурдин ушел с работы на складе сантехники, дабы успевать со всеми клиентами. И что география расширилась, и теперь есть подписчики из Оша, Чолпон-Аты и даже кто-то из Суусамырской долины, кого Нурдин почтительно называет Саякбай-ага...

Арстан перебил ее подробный рассказ и удивленно спросил:

- Погоди, как ушел с работы? Нурдин теперь не работает на складе, как раньше?
- Да, он ушел оттуда. Нурдик теперь совсем по-другому и выглядит, и говорит, стал такой солидный и важный. И машина у него другая теперь.
- Какая у него машина?
- «Мерседес»! Серебристый! Ты не поверишь, но Валера сказал, что у Нурдика теперь новое прозвище.

Алия хихикнула и заговорщицки прикрыла рот ладонью. Арстан почувствовал, что погружается в трясину непонимания. Вероятно, так же глубоко, как и гемблеры Бишкека в болото «правового нигилизма».

- Что за прозвище? — спросил он, наполняясь негодованием.
- Нурдик Серебро! Из-за «мерседеса» и из-за его обыкновения давать на чай в ресторанах больше обычного...

Алия продолжила свой подробный рассказ, но Арстан уже слушал полуха. Теперь он точно знал, что в Бишкеке что-то было не так.

— Арстанчик, а когда ты приедешь в Кыргызстан? Мы все по тебе так соскучились! Особенно я...

Вдруг ее лицо вытянулось, глаза округлились в изумлении, а улыбке словно ветром сдуло. Она, казалось, смотрела куда-то поверх его плеча, будто что-то необычное было за его спиной.

— Кто это? — прошептала Алия.

Арстан резко обернулся, случайно столкнув при этом бутылку со стола на пол. Пиво зашипело и разлилось на коврик, на котором стояло кресло.

Перед ним стояла Мария, после душа закутанная лишь в полотенце. Прямо над ее головой сияла лампочка, но волосы были мокрыми, и поэтому нимба не было.

— Кто это? — прошептала в свою очередь Мария.

Запахло пролитым пивом.

«Сигеин!»²⁴ — мысленно выругался Арстан и поспешно выключил ватсап на айфоне. Он молча смотрел на Марию, чьи глаза начали сверкать, словно спелые оливки в салате, окропленные оливковым же маслом. «Афродита была прекрасна в гневе», — вспомнил он строчку из страшно давно читанных мифов Древней Греции и с обреченностью жертвенного барана понял — скандала не избежать.

— Открой дверь! Открой!

Царапина на щеке давала о себе знать. Как и свербящее чувство вины перед женщиной, с которой он теперь делил кров. Из запертой изнутри ванной послышалась скорострельная тирада на испанском, из которой он понял лишь одно слово — оно было ругательством. После раздались громкие рыдания. Арстан громко выругался на смеси русского и киргизского и вновь стал стучать в дверь.

— Открой! Я все объясню!

Вновь послышалась испанская речь, и вновь он понял лишь одно слово — оно опять было ругательством, но уже другим. Он покачал головой и продолжил стучать в дверь ванной.

— Abre la puerta! Открой дверь!

Вдруг дверь открылась. На пороге стояла совершенно обнаженная Мария с заплаканными, но, как и раньше, полными ярости глазами; полотенца, в которые она была завернута ранее, валялись на полу. Арстан изумленно посмотрел на нее, пытаясь понять, что происходит, но вдруг вновь с безумной скоростью зазвучала испанская речь, и кулак Марии въехал в лоб Арстана почти идеально по центру, между глаз. В глазах потемнело, и, сделав шаг назад, он обессиленно сполз по стене на пол.

Раздался громкий вопль, и опять быстрая трель на испанском.

Но ругательств уже не было.

²⁴ «Твою же мать!» (Кирг.)

— Lo siento! Lo siento mucho! Прости! Прости, ради бога!

Она держала пакет со льдом у него на лбу, но часто убирала, чтобы страстно поцеловать, а потом снова приложить лед обратно.

Арстан лежал на полу у двери в ванную. Его голова раскалывалась в том месте, куда пришелся удар. Мария продолжала скороговоркой что-то лепетать, но уже попеременно с английским. Придя в себя окончательно, он окинул ее взглядом. Она по-прежнему была полностью обнаженной. Он вспомнил, как они орали друг на друга через закрытую дверь ванной на четырех разных языках, и при этом Мария была абсолютно голой. Он представил себе, как, должно быть, смешно это смотрелось бы со стороны, и захихикал, но тут же скорчился от головной боли. Она вновь поцеловала его распухший лоб, не переставая лепетать. «Ну вот, получил по морде от любимой женщины», — подумал он и произнес, улыбаясь и корчась от боли одновременно:

— У вас в Синалоа все девушки такие?

Запах разлитого пива тянулся из комнаты, где тихонько жужжал лэптоп. Она перестала говорить и вместо этого страстно поцеловала его в губы.

Все произошло прямо на полу. Было неудобно, но звуки, издаваемые ею, уже не были насыщены гневом.

Спустя полчаса он сидел на диване и сам держал пакет со льдом у лба. Лоб распух и посинел, но после двух таблеток тайленола голова болела уже не так сильно, как раньше. Мария, одетая в яркую майку с характерной для произошедшего надписью «Many Moods of Mexico»²⁵ и старые джинсы, была рядом с ним. Положив голову Арстану на колени, она слушала его с закрытыми глазами.

Он рассказал ей об их с Нурдином бизнесе, как он хотел помочь брату, когда приезжал в Кыргызстан. Что Алия — это его одноклассница, и что она убежденная феминистка, девушка помогает Нурдину с клиентами, потому что тот уже не справляется с потоком желающих сыграть в лотерею госпиталя. И именно поэтому он ей звонил — узнать, как обстоят дела с бизнесом, — когда она, Мария, вошла в комнату после душа, завернутая в полотенце. Что практически благодаря их с Нурдином затее он и познакомился с Марией в том отделении «Вестерн Юнион», где она подрабатывает до сих пор. И что он не видел Алию (видеозвонки по интернету не в счет) с тех пор, как встретился с ней, Марией.

Она открыла глаза, внимательно и строго посмотрела на него:

— И не планируешь?

— Нет, mi amor, — ответил он и сменил уставшую руку, держащую пакет со льдом, на другую.

²⁵ «Множество настроений Мексики». (Англ.)

Она повернулась на бок и опять закрыла глаза. Арстан продолжил и рассказал ей о своих подозрениях, что в Бишкеке что-то идет не так. Он покупает лотерейные билеты каждый месяц, но это не такие суммы, которые оправдывают покупку трехлетнего «мерседеса», и он, Арстан, сильно надеется, что, кроме гешефта с лотереей, Нурдин не занимается чем попало в Кыргызстане.

— Кыргызстан — он, конечно же, не Синалоа, но транзит разного рода наркоты там, по слухам, организован очень неплохо. Нурдин не такой человек, чтобы лезть туда, где сложить голову — проще простого. Но с другой стороны — откуда еще у него могут быть такие деньги?

Он поправил пакет со льдом у лба, легко прикоснулся к нему пальцами и вздохнул. Лиловая опухоль между глаз и не думала уменьшаться. Кто бы знал, что в этой стройной, изящной мексиканке столько силы? Они молчали несколько секунд, после чего Мария вновь открыла глаза и оживленно сказала:

— Мы в курсе форенсик-бухгалтерии изучали один интересный кейс... Мне кажется, я знаю, откуда у твоего брата деньги!

Она села на диван рядом с ним и стала говорить, эмоционально жестикулируя.

— Компания «Сомерсет Граундс Лимитед». Она местная, штаб-квартира в Кливленде. Два года назад против нее была судебная тяжба, менеджмент фирмы не стал доводить дело до суда и выплатил компенсацию по судебному иску. Сумма компенсации не разглашалась, но, говорят, это было что-то около десяти миллионов. У «Сомерсет Граундс» интересный бизнес. Формально — управление недвижимостью. Но не типичной. Компания владеет в Огайо землей, на которой расположены кладбища. Места на кладбищах не так много, и участки под могилы закупаются заранее, иногда за десятилетия. Вот тут-то и началось крющкотворство...

Арстан внимательно слушал, шурша льдом в пакете. Мария не переставала жестикулировать, говоря все более увлеченно.

— Отдел продаж фирмы, осознав масштаб спроса и с молчаливого одобрения высшего руководства, стал продавать одни и те же участки земли по несколько раз совершенно разным клиентам. Договор купли-продажи был составлен довольно хитро — продажа на ограниченный срок, после чего клиент мог вновь купить этот участок, если земля не была использована под могилу. Как в страховой компании, они наняли актуариев, провели вероятностный анализ — и поняли, что риски минимальны. Ну, например, десять человек купили один и тот же участок на два ближайших года, но никто из них не умер. При этом покупатели не знали друг о друге. А через два года надо заключать новый контракт. И так с десятками, если не сотнями, участков на многих кладбищах в штате. Понимаешь?

Арстан напрягся и даже перестал чувствовать, что его рука с пакетом у лба затекла и требовала смены. Ему стало казаться, что он вот-вот поймет нечто ужасное, что может подвергнуть нешуточной опасности как Нурдина, так и его самого. Он забыл о боли. Буравя Марию взглядом, Арстан молчал, ожидая продолжения. Она улыбнулась и поправила волосы, ниспадавшие на плечи.

— Уже понял?

— Почти...

Мария захихикала, глядя на выражение его лица.

— Один билет вы разбиваете, скажем, на двадцать частей и продаете доли двадцати клиентам, так? Каждый клиент платит пять долларов за долю. Процесс контролируется Нурдином в Кыргызстане, правильно? Теперь спроси себя — что ему мешает продать этот же билет еще двадцати клиентам, но не говорить о них никому, даже тебе? Билет почти никогда не выигрывает, лотерея есть лотерея. Итого — сто долларов чистой прибыли, безо всяких комиссий и необходимости перевода денег в Америку.

Арстану стало казаться, что у него поднимается температура.

— Но этот же билет можно продать и ста клиентам! И даже больше. Главное, чтобы они не знали друг о друге. Если клиент побогаче и покупает целый билет или, скажем, половину или треть, то эффект при такой фиктивной продаже другим клиентам тот же самый, только возни меньше. А сколько таких билетов ты покупаешь каждый месяц?

— На этот розыгрыш я взял семнадцать...

Она кивнула и добавила:

— Представь теперь, сколько можно накопить, если аккуратно управлять клиентами. *Mucho dinero* — много денег!

Арстан, даже не производя подсчеты, осознал масштаб творящегося в Бише и замер в ужасе. Теперь стало понятно, откуда у его брата «мерседес», деньги на новую стиральную машину, чаевые в ресторанах и кличка Нурдик Серебро. Один случайный шаг в сторону, один слух о его махинациях — и прахом пойдет не только лотерейный гешефт! Зная, как легко народ в Кыргызстане поднять на революцию и полный разгром целого города, даже страшно подумать, что может быть с Нурдином, если кто-то что-то узнает! Никакой Зельцер-байке не поможет!

Мария, перестав хихикать и став серьезной, сказала:

— Но ты особо не волнуйся. Это почти что беспроигрышный вариант, если твой герmano, твой брат, управляет клиентурой как надо, аккуратно. Лотерея есть лотерея. Билеты почти никогда не выигрывают. Серьезные проблемы могут возникнуть только в одном случае.

— В каком? — моментально спросил он.

Гнев на Нурдина и страх за него теперь смешивались с глубоким уважением к бухгалтерскому чутью Марии.

— Если вдруг один из билетов сорвет крупный куш. Вот тогда проблемы могут возникнуть нешуточные.

Теперь у Арстана была полная картина в голове, со всеми возможными рисками. «Ради этого не жаль заработать шишку на лбу», — подумал он и почувствовал себя так, будто бы он подошел к краю пропасти с завязанными глазами, но Мария сорвала с него повязку в последний момент.

— В лотерею вообще не надо играть. Если случится выигрыш и даже если нет махинаций со стороны твоего брата, всегда найдутся люди с предложениями о каких-нибудь инвестициях, от которых невозможно отказаться. Понимаешь, о чем я? Я видела это однажды дома, в Синалоа. Особенно если выигравший — обычный обыватель без связей. Или даже без гражданства. Типа как мы.

Теперь она уже совершенно серьезно смотрела на Арстана. «Такой трезвостью рассуждений опьянить можно любого», — мелькнуло у него в голове, но в свете всего сказанного игра слов не выглядела забавной.

Он сделал попытку сменить затекшую руку, но выронил пакет; тот соскользнул с дивана на пол и порвался. Неровные кубики льда со звоном рассыпались по старому ламинату.

Арстан посмотрел на них и с ужасом вспомнил, что очередной розыгрыш лотереи госпиталя Святого Павла будет уже через день.

12.

Арстан сидел на скамейке в парке недалеко от офиса и нервно крутил в руках одноразовый стаканчик с кофе. Работа не лезла в голову. Он получил с десятков электронных писем с утра, но еще не ответил ни на одно из них, равно как и не написал ни строчки кода. Все мысли были только об одном — надо было срочно прервать бизнес с лотереей и сказать об этом Нурдину. Завтрашний розыгрыш будет последним в их совместном бизнесе. Как Нурдин мог пойти на такое и поставить под угрозу не только себя, но и, потенциально, его? И, возможно, Валерку с Алией? Как же он жестоко ошибся в человеке, которого, как ему казалось, он отлично знал с детства! Ведь вся затея была как раз и направлена на создание истинного доверия у людей, вынужденных жить в условиях почти постоянной лжи и частого надувательства вокруг. Благими намерениями, как говорят, выстлана дорога в ад. Но Арстан искренне надеялся, что дорога эта завершится до появления преисподней на горизонте. Он завтра же, сразу после розыгрыша, позвонит Нурдину и поставит его в известность. Лавочка будет прикрыта. Навсегда.

Лишь бы только этот последний розыгрыш прошел так же, как и десятки предыдущих, — без выигрышей, а уж тем более крупных.

Арстан допил кофе и гневно скомкал стаканчик.

13.

Вывеска на входной двери в «Бубновый Туз» уведомляла, что теперь у кафе сменился владелец. Арстан зашел внутрь. Визуально ничего не поменялось. Те же декорации. Тот же ассортимент горячих напитков и выпечки. Те же знакомые девчонки-бариста: одна с затейливым татуажом на обнаженных плечах, другая с пирсингом на бровях и в носу. Но вот музыка, несущаяся из колонок у прилавка, была совершенно другой. Тэйлор Свифт и Гарта Брукса сменила мрачноватая «Металлика». Он узнал эту мелодию и суровый вокал исполнителя и почувствовал себя неуютно. Сингл *Unforgiven*, наполнявший пространство кафе, казалось, не предвещал ничего хорошего.

Он взял кофе и уселся за столом у окна.

За стеклом буянило красками бабье, или, как его называли на этом континенте, индейское, лето. Он открыл лэптоп, подсоединился к вай-фаю и посмотрел на время в углу дисплея. В Бишкеке была ночь, но Арстан все равно собирался позвонить Нурдину и расставить точки над «i». Он уже перестал кипеть от ярости. Изначальный гнев после разговора с Марией два дня назад сменили холодное негодование и твердое намерение прекратить лотерейный гешефт. Он еще раз мысленно повторил, что он скажет Нурдину и с какой интонацией. Музыка на мгновение стихла, чтобы почти сразу продолжиться. Опять «Металлика», но теперь уже *Master of puppets*, «Повелитель марионеток». Арстан криво усмехнулся. Очень в тему. Нурдин, должно быть, чувствовал себя таким вот повелителем, рассматривая возбужденных азартом клиентов в Кыргызстане как марионеток, которых можно водить за нос и бесцеремонно выкачивать из них деньги. Он покачал головой и в сотый раз задал себе вопрос — как такое могло произойти? Откуда у Нурдина взялась эта неумная жадность? Неожиданно булькнул и тут же завибрировал айфон, лежавший на столе рядом с лэптопом. Уведомление о результатах розыгрыша лотереи сработало, как всегда, безупречно. Арстан открыл приложение, просканировал глазами только что появившуюся табличку с цифрами и... ощутил слабый рвотный позыв где-то глубоко в груди. Ему повезло, что в этот момент он сидел. Иначе бы просто не сумел удержаться на внезапно ослабевших ногах и рухнул на пол.

— *Damn it!*²⁶

Арстан будто бы приклеился взглядом к дисплею айфона и не переставал повторять шепотом, едва шевеля губами:

— *Damn it... Damn it... Damn it...*

Он медленно опустил телефон на поверхность стола и добавил уже по-русски:

— Все пропало...

²⁶ Черт возьми! (Англ.)

Произошло то, чего он изо всех сил надеялся избежать и вероятность чего еще мгновение назад казалась астрономически крошечной, практически исчезающей величиной.

Но теперь это стало жесткой, беспощадной реальностью.

Арстан закрыл глаза и почувствовал, как земля уходит у него из-под ног и ад на горизонте начинает отчетливо вырисовываться.

14.

Нурдин приоткрыл глаза и некоторое время смотрел на вибрирующий мобильник. За окном все еще висели утренние сумерки. «Кто это так рано?» — подумал он, все еще приходя в себя.

Он потер глаза и громко зевнул. Телефон не переставал жужжать. «Какой настойчивый!» Взяв его в руки, он глянул на индикатор номера на дисплее. «Из Казахстана?» — недоуменно подумал он, но тут же вспомнил, что парни из Алматы стали его клиентами буквально пару дней назад, купив целый билет безо всякого дробления и даже заплатив долларами вместо сомов. Нурдин поднес мобильник к уху.

— Алпамыс-байке, саламатсызбы²⁷! Что-то вы рано.

— Нурдик! Кто бы знал, что это случится так быстро!

Голос клиента был радостным и возбужденным, он взахлеб говорил попеременно на русском и казахском — и в основном о том, что теперь он сможет купить себе джип «Лексус» и закатиться в Анталию на месяц-другой. Через пару минут Нурдин стал понимать, что произошло что-то невероятное. Он быстро запустил браузер на мобильнике, поставив тот на громкую связь, чтобы слышать голос Алпамыса, и открыл нужную закладку. Быстро пробежавшись глазами по результатам розыгрыша, он дотянулся до блокнота на тумбочке и сравнил числа на веб-странице со своими записями. Сон моментально пропал. Нурдин резко вскочил на ноги и, продолжая слушать поток сознания алматинского подписчика, стал нервно ходить взад-вперед по комнате. Вдруг на телефоне отобразился новый звонок.

— Алпамыс-байке, я вам перезвоню, хорошо?

Не дожидаясь ответа, он прервал звонок из Казахстана и переключился на другого звонящего.

— Нурдик! Ну наконец-то мы выиграли!

Звонил депутат Жогорку Кенеша Клыч-байке, уже много месяцев являвшийся его клиентом и, как и парни из Алматы, не скупившийся на покупку билетов и плативший наличными долларами. Он был возбужден не меньше подписчика из Алматы, хотя его намерения потратить сорванный куш серьезно отличались — Клыч-байке планировал купить яхту («небольшую, человек на пять») где-то в Изамире и начать финансирование своей кампании на ближайших президентских

²⁷ Здравствуйте. (Уважительно, кирг.)

выборах. («Нурдик! Ты будешь в моей команде!» — уведомил он его, нервно хохоча.) Нурдин слушал депутата и мрачнел все больше.

На мобильнике появился новый входящий звонок — теперь звонили из Каракола.

— Клыч-байке, я вам перезвоню!

Нурдин принял новый звонок. Та же история, но теперь в планах была покупка земли у Теплоключенки и целого табуна лошадей.

Нурдин выключил мобильник и раздраженно бросил его на одеяло. Тяжело вздохнув, сел на холодный коврик на полу и посмотрел в окно. Рассвет уверенно разгонял сумерки. Скоро будет совсем светло, но Нурдин чувствовал, что тьма над ним сгущается, и очень быстро. Он чувствовал себя как человек, спрыгнувший с крыши многоэтажки и стремительно сближающийся с землей: пока живой и здоровый, но еще немного — и законы гравитации превратят его в истекающий кровью бесформенный кусок мяса на асфальте. Сможет ли он избежать удара и бросить вызов гравитации? Нурдин почесал затылок и поежился. Он знал, на что шел, продавая много раз один и тот же билет, который, трагически для него, выиграл, и сумма выигрыша не давала возможности выкрутиться из сложившегося положения.

Он вспомнил слова Арстана, мимолетно сказанные ему в аэропорту перед тем, как тот улетел в Кливленд: «Когда дело касается денег, люди меняются. Когда деньги большие, они меняются кардинально».

Шанс на то, что Клыч-байке, Алпамыс и еще дюжина клиентов, купившие одну и ту же комбинацию чисел в лотерее госпиталя Святого Павла в Кливленде, поменяются кардинально, был невероятно высок.

Выигранные пятьсот двадцать девять тысяч девятьсот девяносто шесть долларов и девяносто четыре цента не оставляли в этом никаких сомнений.

Нурдин открыл калитку и вышел на улицу.

Два черных джипа с тонированными стеклами стояли на обочине. Высокий мужчина в кожаной куртке и с недобрим взглядом стоял между ними. Нурдин узнал Данияра и тяжело вздохнул, почувствовав, как его мошонка сжалась так, будто бы на улице был мороз, а он вышел в одном исподнем. События развивались куда быстрее, чем он предполагал.

Данияр бросил на асфальт недокуренную сигарету и открыл заднюю дверь ближайшего к ним «гелендвагена». Намек был понят без слов. Не было никакого смысла бежать — Зельцер все равно найдет его, где бы он ни спрятался в Бишкеке. Нурдин прикинул, что дорога займет минут двадцать и, возможно, это будут последние двадцать минут его жизни, если он не придумает за это время чего-нибудь спасительного. Он сел в машину. Рядом с ним располагался парень с таткой крупной шеей, что казалось, она составляла одно целое с головой.

Парень равнодушно посмотрел на него и слегка сдвинулся к окну. Данияр сел за руль и вывернул на улицу. Вторая машина последовала за ними. Через мгновение они мчались по пустынному утреннему городу — два черных джипа с начинающим коченеть от страха Нурдином и молчаливыми мускулистыми джигитами Мурата-байке внутри.

— Я говорил тебе, чтобы ты даже не пытался меня кинуть. Говорил?

Нурдин послушно кивнул, понимая: что бы он сейчас ни сказал, обернется против него. Амбал Данияр и второй верзила, с огромной шеей, стояли у него за спиной, любой из них в состоянии в одиночку убить его голыми руками. Мурат-байке, он же Зельцер, бросил в стакан с минералкой таблетку и стал замороженно смотреть на ее пузырящуюся пляску. На столе перед ним не было ничего, кроме этого стакана и полупустой пластиковой бутылки. В плохо освещенной комнате повисло гнетущее молчание, разбавляемое лишь шипением таблетки. Байке дождался, пока вода успокоится, взял стакан, залпом его выпил и посмотрел на Нурдина. Перекошенный от злобы взгляд и раздувающиеся ноздри выглядели настолько пугающе, что Нурдин почувствовал, как близко он к тому, чтобы обмочиться.

— Ты что же, думал, я не узнаю, что Адилет с его другом-депутатом, и твои контакты в Алматы, и агашки из Каракола и Суусамыра купили тот же билет, что и я? Думал, не узнаю? Ты, может, думал, что Нурдик Серебро всех обвел вокруг пальца?

Нурдин молчал. «Безвыходных положений не бывает», — спасительной мантрой звучало у него в голове, хотя здравый смысл неумолимо подсказывал: он крайне близок к чему-то ужасному, после чего его либо не будет в живых, либо все в его жизни поменяется радикально, до неузнаваемости. Неожиданно Зельцер захрипел от ярости и с силой швырнул пустой стакан в стену. Тот с треском разбился. Кусочек стекла отскочил и, попав в руку Нурдину, ощутимо уколол его.

— Я тебе говорил, что не буду сдерживать Данияра? Говорил?

Прежде чем Нурдин успел подумать, как ему себя повести, мощный толчок в спину отправил его на стол перед Муратом-байке. Данияр ловко, по-борцовски, зажал голову Нурдина в мертвой хватке. А затем всей своей массой налег на него сверху, и Нурдик почувствовал, как начал задыхаться и как его ребра прогнулись от внушительной массы амбала. Он закричал, но Данияр закрыл ему рот огромной ладонью. Все, что он мог делать, это смотреть на багровое от гнева лицо молчащего Зельцера, продолжающего раздувать ноздри. В отказавшем от страха мозгу вдруг появился образ той официантки в короткой юбке, с которой он так хотел закатиться в Эмираты, а вовсе не лицо матери или фигуры родных, как это всегда происходит в кино. Данияр усилил хватку. Нурдин тщетно извивался на столе. Лицо Мурата-байке ста-

ло расплываться. Нурдин задыхался. «Все, конец...» — подумал он, закрыл глаза и вспомнил прилипшую к двигателю «тойоты» мертвую крысу, которую они с Арстаном обнаружили по дороге из аэропорта — тогда, зимой, в снегопад. Еще немного — и он будет как та крыса: распластанный на столе, бездыханный и неподвижный, как рыжие скалы у Ат-Баши.

Неожиданно зазвонил телефон.

Это был его мобильник в кармане куртки, застегнутой на молнию. Один звонок. Второй, третий. Четвертый, пятый. Пальцы Данияра немного ослабли. Нурдин почувствовал, как чья-то рука расстегнула молнию и извлекла телефон из кармана — звук стал намного отчетливее. Он узнал рингтон. Звонил Арстан. На ватсап. Нурдин, тяжело дыша, повернул голову и посмотрел на Зельцера, теперь держащего телефон в своей ладони. Нурдин старался сказать что-то, но вместо слов из груди вырывался лишь невнятный хрип. Зельцер-байке сделал движение пальцем, и звонки прекратились. Поднеся телефон к уху, Мурат перевел взгляд на Нурдина. Ноздри перестали раздуваться, как раньше, но плотно сжатые губы выглядели по-прежнему угрожающе. Он слушал и молчал, но через несколько секунд тихо сказал совершенно бескомпромиссным тоном:

— Ты мне должен деньги. Сен мага акча карызысың²⁸.

15.

Нурдин долго не поднимал трубку, но Арстан понимал, что в Бишкеке еще раннее утро и, возможно, брат еще спит. После девятого гудка он уже было решил перезвонить ему позже, как вдруг на звонок ответили.

— Нурдин, это Арстан. Не спишь?

В ответ слышалось тяжелое дыхание и звуки какой-то возни где-то рядом. После чего Арстану показалось, что он услышал чей-то прерванный крик. Он напрягся и посмотрел на часы, висящие на стене у окна. С момента, когда стали известны результаты лотереи, прошло всего сорок минут. Арстан почувствовал что-то неладное.

— Нурдин, скажи что-нибудь! С тобой все нормально?

Тяжелое дыхание продолжалось еще несколько секунд, после чего ему ответил голос, который он сразу узнал.

— Ты мне должен деньги. Сен мага акча карызысың.

Арстан замер, с ужасом осознав произошедшее. Гемблеры в Кыргызстане были начеку даже среди ночи, и результаты им стали известны тогда же, когда и ему в Кливленде. Оба собеседника молчали, выжидая, кто первый бросит реплику. Арстан судорожно размышлял. Откуда у Зельцера телефон Нурдина? Что это была за возня и чей

²⁸ Ты мне должен деньги. (Кирг.)

прерванный крик он услышал? Похоже, все было намного хуже, чем он предполагал. Арстан собрал в кулак все спокойствие, на которое был способен, и сказал:

— Мурат-байке, Нурдин рядом с вами?

Сопение продолжалось еще несколько секунд, после чего Зельцер жестко ответил, переходя на ор:

— Я не знаю, вместе вы пытались меня обмануть или это Нурдин в одиночку импровизировал, но мне без разницы, что будет между вами и всеми остальными, кому вы продали мой билет. Это понятно? Все деньги мои! Байге толугу менен меники!²⁹

Он буквально проорал последние несколько слов, и Арстан слегка поморщился от неожиданной громкости мобильного. Вновь повисла пауза. Арстан повторил вопрос.

— Мурат-байке, Нурдин рядом с вами? Он может говорить?

Он услышал, как брат попробовал что-то крикнуть, но не разобрал, что конкретно, — его вновь оборвали на полуслове. Зельцер хрипло рявкнул в трубку:

— Да, рядом он. Ты про деньги понял?

Арстан нервно сглотнул и посмотрел в окно. Нужно было сказать что-нибудь. Что-то, что повлияет на ситуацию и спасет Нурдина. Он вспомнил — о Мурате-байке ходила молва, что тот, несмотря на эмоциональность, в первую очередь бизнесмен, умеющий считать деньги. Он даже слышал историю от Валерки, как однажды некий бедолага неосмотрительно взял у Зельцера кредит под грабительские проценты. И как на одной из встреч наорал на него при всех, нецензурно выразившись про условия займа. И что все после этого были уверены, что парню обеспечены как минимум переломанные ребра, если не встреча с Аллахом, но Мурат-байке всех удивил сугубо деловым подходом к проблеме. Долг был «реструктурирован». Бедолага смог все выплатить в срок, хоть и остался без штанов. Арстан нервно почесал подбородок. Полмиллиона долларов были под его контролем — на данный момент — тут, в Кливленде. Только он мог получить чек с выигрышем в госпитале на следующей неделе. Только он был единственным обладателем заветного билета как в глазах организаторов лотереи, так и по закону штата Огайо. Только о нем напишут местные газеты как о невероятном везунчике, которому улыбнулась фортуна. «Время идти ва-банк!» — с неуместной торжественностью подумал он и ощутил, как отвратительно вспотели его ладони.

— Мурат-байке, можно мне поговорить с Нурдином?

После краткого подтверждения, что его брат жив и все еще вполне здоров, диалог с Зельцером продолжился. Арстан, обильно потея, удивился самому себе, когда ему удалось повернуть разговор в такое русло, в котором он контролировал ситуацию и роль Нурдина во всей

²⁹ Весь приз мой! (Кирг.)

истории как афериста и мошенника стала второстепенной. Он четко и ясно, но без эмоций и грубости, дал понять Мурату-байке, что ни о каких деньгах не может идти и речи, пока тот не отпустит Нурдина.

— Как только, так сразу, байке. Чек мне дадут на следующей неделе...

— Ты что, мне угрожаешь? Ты понимаешь, что я могу сделать с твоим братом-жуликом? И с вашим кентом из гаража Адилета? А может, мне сказать Данияру, чтобы он навестил феминистку с Моссовета? Он сможет.

В трубке послышался чей-то неприятный смех.

— Мурат-байке, я просто вам изложил схему получения денег. Но в ней много неизвестных, понимаете? Сумма очень крупная. Вы же деловой человек! Я готов над этим работать, но, пока Нурдин не в безопасности, мне будет трудно сфокусироваться. Валера и Алия тут вообще ни при чем, они толком ничего не знают даже. Полмиллиона долларов, байке! Полмиллиона! Все тут, в Кливленде. У меня.

Арстан мягко, но уверенно сделал акцент на «в Кливленде» и «у меня». Мурат-байке, с его репутацией в стране, никогда в жизни не получит американской визы, это он знал почти наверняка. Как и громила Данияр, и любой другой его подручный. Полмиллиона долларов были для Зельцера шкурой неубитого медведя, и только Арстан мог сделать так, чтобы медведь был добыт и деньги оказались в Бишкеке.

Вновь повисла пауза. Он услышал легкое шипение. Похоже, Зельцер в очередной раз оправдал свое прозвище, бросив таблетку растворимого аспирина в стакан с водой. Шипение сменилось громким глотанием — было ясно, что теперь он пил эту воду. Послышался звук отрыжки. Арстан покачал головой, но продолжал молчать. Мурат-байке отрыгнул еще раз, прокашлялся и сказал уже намного спокойнее, даже с нотками иронии в голосе:

— Мне к тебе надо послать Данияра — поучиться, как вести деловые разговоры. Слышишь, Данияр? Поедешь в Америку. Учиться.

Вновь зазвучал чей-то смех. Он продолжил:

— Ну хорошо. Я дам Нурдину день, чтобы убраться из города. А ты займись вопросом, как переправить деньги мне в Бишкек. Но смотри — если что пойдет не так... Эжөөндүн тең каныңарды чыгарам!³⁰

— Мурат-байке, вам не надо волноваться. Как только Нурдин будет в безопасности, я этим сразу же займусь.

Послышался шум возни и чей-то грубый крик: «Вали отсюда!»

После этого звонок прервался.

Арстан неподвижно сидел перед остывшим кофе. Пальцы на ладонях онемели. Он пялился в окно, лихорадочно размышляя. Все ли

³⁰ Я пролью твою кровь! (Кирг.)

будет хорошо с Нурдином? Сумел ли он убедить Зельцера? Телефон завибрировал на поверхности стола, и Арстан схватил его онемевшими пальцами. Звонил Нурдин.

— Арстан, слушай, прости меня, это я... Я все объясню...

— Ты где? С тобой все в порядке? — перебил его он.

— Да, только вот вышел от Зельцера. Этот бугай Данияр меня чуть не задушил...

— Слушай внимательно. Возьми с собой всю наличку, которая есть, и сегодня же уезжай из города. Никому ничего не говори, даже родителям. Для начала в Талас, к Салиме-эже. Позвони мне оттуда. Скажи мне, только честно: Валера с Алией тоже перепродавали одни и те же билеты?

— Нет, только я. Это точно! Те билеты, что продавали они, совершенно другие, выигравший я им не показывал даже.

Это была первая хорошая новость за сегодняшний день. По крайней мере, толпы разъяренных клиентов не будут проблемой для его одноклассников. Арстан облегченно выдохнул и продолжил:

— Езжай домой, бери деньги с барахлом как можно быстрее — и в Талас.

— Арстан, прости меня... Я хотел...

— Ты теряешь время! Шевелись, пока Мурат-байке не передумал. Чтобы через час тебя не было в Бише.

— Макул, макул...

Арстан нажал пальцем на красный кружок на экране айфона и завершил звонок. За окном ветер остервенело трепал бордовые шевелюры кленов. Начался дождь. Теплое индейское лето сменилось осенним ненастьем.

«Надо будет зайти в гастроном», — подумал он, встал из-за стола и направился к выходу. Ему предстояло крепко подумать, что делать дальше: бутылка текилы сегодня вечером не помешает.

Он накинул капюшон и вышел из кафе.

16.

Два извечных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?» — вцепились в него, словно скорпион. Но если на первый уже имелся исчерпывающий ответ, то как реагировать на второй, Арстан пока не знал. Однако он четко понимал, что, если не решит, как на него ответить, жало скорпиона вонзится в него и планировать будущее после этого будет почти невозможно.

Арстан налил себе текилы в стакан, где уже были кубики льда, и приложил его холодной поверхностью ко лбу. Аромат мексиканского напитка со странным названием «1800» растекся по комнате. Он пригубил, посмотрел на Марию и угрюмо спросил:

— Что делать?

Она задумчиво смотрела на него, сидя на диване. Арстан пригубил напиток еще раз и подумал, что пить текилу со льдом и без лайма — все равно что глотать теплое пиво: нелепо и противно. Вдруг на лице Марии мелькнула смутная улыбка.

— Я скажу тебе, что делать, если ты больше никогда не будешь звонить этой феминистке в Кыргызстан.

Он бросил на нее мрачный взгляд, давая понять, что сейчас не до шуток. Мария перестала улыбаться. Попытка разрядить ситуацию иронией не увенчалась успехом. Арстан, размышляя вслух, произнес:

— Неужели получить деньги и скрыться где-нибудь — это единственный вариант?

Где-то далеко за окном убаюкивающе гудел трафик. Осеннее солнце скупо светило через стекло. Они молча смотрели друг на друга. Арстан вспомнил, как его преподаватель по системному анализу говорил студентам, что пребывание в тупике — это неприятная, но естественная фаза на пути к решению любой проблемы. Сейчас он находился в тупике. Лектор прав, пребывание в нем было весьма неприятным.

— Ты смотрел фильм «Джеки Браун»? — неожиданно прервала паузу Мария.

Его взгляд вновь помрачнел. Мария покачала головой и добавила:

— Нет, я серьезно. Там был эпизод, в котором главная героиня, Джеки, предлагает своему подельнику Максу взять деньги мертвого гангстера и скрыться с ними. Помнишь?

Арстан кивнул. Он хорошо помнил этот старый фильм Тарантино, в котором чернокожая стюардесса и владелец залоговой компании в Лос-Анджелесе обвели вокруг пальца матерого торговца оружием и завладели его деньгами.

— Помнишь, Макс взял только десять процентов своей комиссии?

— Да, помню.

— А помнишь, что он ответил стюардессе на предложение разделить всю сумму?

— Что?

— Полмиллиона долларов *всегда* будет кому-то не хватать.

Арстан не совсем понимал, как эта фраза из голливудского блокбастера могла помочь ему выбраться из тупика, но странное ощущение света в конце туннеля внезапно окутало его, словно запах свежих боорсоков на кухне матери. Он поставил стакан с текилой на стол и повернулся к Марии в ожидании продолжения. Оно не заставило себя ждать.

— Тебе нравится моя фамилия? — совершенно серьезно спросила она.

Арстан инстинктивно скрестил пальцы и стал их нервно разминать. Нурдин говорил, что у него есть клиент-депутат, не скупящийся тратить долларовую наличку. Если депутат был в числе тех, кому брат продал выигрышный билет, то, возможно, имелся выход из сложившейся ситуации.

Рискованный и скользкий, но не невозможный.

17.

План был неплох, но одного странного обстоятельства, неожиданно все усложнившего, Арстан не учел. Мария оказалась права — он, человек без гражданства и связей, но с неожиданно свалившимися на голову деньгами, о которых теперь знали все читатели «Кливленд Таймс», был прекрасной мишенью для «серьезных инвесторов», как она тогда выразилась.

Это случилось через несколько дней после получения им чека в лотерейном комитете госпиталя — с массой журналистов, вспышками камер и помпезными поздравительными речами в его честь, в честь везунчика, честно поддерживающего трудовым долларом систему здравоохранения штата Огайо. Арстан депонировал чек на специально открытый счет в банке в тот же день и отправил копию Зельцеру в Бишкек. Следующие три дня прошли в напряженных переговорах через ватсап, в которых Арстан настолько отточил свои дипломатические способности и силу убеждения, что вполне бы мог после этого быть полезной частью переговорного процесса между Америкой и Ираном. Хождение по лезвию ножа взяло свое — Арстан похудел и осунулся, он почти не спал и при этом еще и писал код на работе. Но на четвертый день все вроде бы встало на свои места.

Суббота выдалась пасмурной. Он, как обычно, зашел с утра в «Бубновый Туз» и взял чашку кофе. Сев у окна, он выпил половину сразу, в надежде прийти в себя. Бордовые кроны кленов за стеклом изрядно поредели, и серый асфальт под ними стал аляповато разноцветным из-за опавших листьев, напоминая о полотнах импрессионистов. Он мрачно смотрел на вяло колышущиеся деревья. Выстроенный им план казался ему таким же хрупким, как и оставшаяся листва на этих кленах, сдуть которую теперь мог даже слабый порыв ветра с озера Эри.

— Доброе утро!

Арстан вздрогнул от неожиданности и повернул голову в сторону от окна.

Перед ним стоял толстоватый пожилой мужчина в идеально сшитом костюме и ярком галстуке. Его чисто выбритое лицо излучало доброжелательность и уверенность в себе. На мгновение Арстану показалось, что он видел его где-то.

— Не возражаешь, если я присяду?

Арстан молча показал жестом на стоявший перед незнакомцем стул, куда тот сразу же водрузил свое грузное тело, закинув ногу на ногу. Он не переставал улыбаться и был в этом похож на добродушного старичка — владельца итальянской забегаловки недалеко от этого кафе, где они с Марией частенько заказывали пиццу и кальцоне. Но, в отличие от хозяина пиццерии, свой мизинец на левой руке он украсил крупным перстнем с ярким изумрудом. Арстан начал подозревать неладное. Незнакомец сразу перешел к делу, и через мгновение все стало понятным.

— Ты меня не знаешь, но это нормально. Я бизнесмен. Специализируюсь на инвестициях в недвижимость. Как в Огайо, так и в других местах, включая Канаду. Я читал о тебе в газетах.

Его взгляд стал серьезным и колючим. Арстан понял, что дуновение ветра, могущее обрушить картонный домик разработанного им плана, как никогда близко. Незнакомец продолжил:

— У меня есть прекрасный проект. Новый жилой комплекс, тут, в Кливленде. Отличное место, транспортная развязка рядом, прекрасный торговый центр неподалеку. Я ищу партнера, кто бы мог вложить деньги со мной в это дело. Риска почти нет, народ уже стоит в очереди на покупку. *Capicisi?*

Незнакомец пристально смотрел на него. Изумруд на мизинце сверкнул в лучах неожиданно выглянувшего из-за облаков солнца. «*Capicisi?*» — прозвучало в голове у Арстана едва ли не самое известное итальянское словечко на этом континенте после «апоге». Он вспомнил статью в «Кливленд Таймс», прочитанную несколько месяцев назад, и узнал незнакомца. Тот вытащил визитку и положил ее перед Арстаном.

— Позвони мне. Но не затягивай! Это предложение, от которого невозможно отказаться.

Он встал, многозначительно, но в то же время с пренебрежением окинул взглядом Арстана и, не прощаясь, направился к выходу. Арстан проводил его взглядом. Незнакомец уселся в ждущий его черный джип «Линкольн», который тут же покинул парковку перед кафе.

Арстан глубоко вздохнул и покачал головой.

Жизнь не переставала тестировать его способности к выживанию. Он вспомнил репродукцию картины, что видел в книге сестры Динары, той самой, на немецком языке. «Стяжательство» — так назывался фрагмент более крупного полотна, описывающего ужасы ада. Некий монстр заливал в глотку грешника расплавленные золотые монеты. Если на месте грешника представить Нурдина и его, Арстана, то монстром, их терзающим, мог бы оказаться Мурат-байке, он же Зельцер. Или теперь вот этот хлыщ с перстнем на мизинце. Они бы могли работать по очереди, подумал Арстан и усмехнулся своей мрачной шутке. Он еще раз вздохнул и допил уже остывший кофе.

Дождавшись, пока джип скроется за поворотом, он посмотрел на оставленную незнакомцем визитную карточку. Надпись на черной глянцевой поверхности витиеватым золотым шрифтом гласила: «Фрэнк Скарпелли, президент. Бонасера Энтерпрайзес».

18.

Пограничник громко шлепнул штамп в паспорт Марии и раскрыл второй.

Пробежавшись глазами по первым страницам, он внимательно посмотрел на Арстана через пластиковое окошко и вновь опустил взгляд в паспорт. Затем снова взглянул на невыспавшегося от долгого перелета пассажира — в этот раз с нескрываемым подозрением.

— Альваро Лопес? Калифорния?

Арстан молча кивнул.

Пограничник стал изучать его паспорт с таким рвением, что казалось, документу устроен настоящий обыск. Он сосредоточенно перечитал каждую страницу и, щуря глаза, даже просмотрел на просвет. Он вращал его в разные стороны и легонько царапал ногтем обложку — в надежде обнаружить что-то, известное только ему. Когда Арстан был уже готов поверить, что пограничник начнет пробовать паспорт на зуб, как золотую монету, тот вдруг так же громко, как и в первый раз, шлепнул ему штамп и протянул Арстану оба паспорта.

— Добро пожаловать в Турецкую Республику.

— Gracias³¹, — ответил пограничнику Арстан на неродном ему испанском и устало улыбнулся.

Вот уже год, как Арстана звали Альваро.

Он потихоньку привыкал к новому имени, хотя Мария, родители и Алия (через скайп или ватсап) по-прежнему звали его Арстаном. Вообще-то он хотел взять имя Леон, что по-испански означало то же самое, что и Арстан на киргизском, — лев. Но Мария убедила его, что Альваро звучит куда типичнее. Сочетание нового имени и ее, Марии, фамилии давало Арстану самое необходимое, чтобы полностью раствориться среди миллионного латиноамериканского населения Лос-Анджелеса, — заурядность. Такая заурядность была важна в случае, если итальянцы из Кливленда во главе с Фрэнком Скарпелли вдруг станут искать его в Калифорнии, а искать там Альваро Лопеса — все равно что искать Джона Смита в Лондоне.

Поменять имя в Америке — сущий пустяк с точки зрения законодательства и стоит гроши. Он стал Альваро в Огайо, а получил водительские права уже в Калифорнии. Но вот учить язык Сервантеса и Лорки пришлось основательно — какой же Альваро из Лос-

³¹ Спасибо. (Исп.)

Анджелеса не говорит на испанском как на родном? Сменить фамилию было тоже нетрудно: он формально женился на Марии (в Лас-Вегасе, в одном из тех странных брачных агентств, где даже не надо выходить из машины, чтобы получить сертификат о браке) и взял ее фамилию. Это и правда было формальностью, красавица из Синалоа была уже на шестом месяце беременности.

А вот разрулить ситуацию с выигранными деньгами было куда сложнее.

Помогло везение. Если можно так выразиться. Арстан не рассматривал сорванный куш как удачу: выигрыш принес ему и Нурдину огромные проблемы. Везение было в том, что Клычу-байке, как депутату парламента Кыргызстана, с легкостью дали американскую визу. Арстан в течение трех дней вел переговоры с ним и Зельцером, шлифуя план и убеждая заинтересованные стороны. Он убедил Мурата-байке, что без Клыча ничего не получится, потому что именно у него есть виза, а также дипломатический статус, который может все упростить. В конце концов Мурат, будучи здравомыслящим бизнесменом, пусть даже криминального толка, согласился разделить выигрыш с Клычем: визу ему получить не светило, а доверять такие деньги кому попало не хотелось. Клыч-байке, в свою очередь, также согласился на эту схему, поскольку не хотел иметь проблем с Зельцером в Бишкеке; в некотором смысле оба они являлись равновеликими величинами по степени влияния, как догадался Арстан (и это тоже было везением). Он также понимал, что у Клыча мог быть свой, альтернативный, план, как поступить с деньгами и отрезать от них Мурата, но это уже были не его заботы. Все остальные, кому Нурдин перепродал билет, были оставлены за бортом. Некоторые из них, предвкушая золотой дождь, взяли крупные кредиты и даже потратили их. Подписчик из Алматы купил себе новенький джип «Лексус». Байке из Каракола — землю в Теплоключенке и табун лошадей. Когда выяснилось, что Нурдин исчез, эмоции забили через край, ходили слухи, что разъяренные парни из Казахстана даже выписали контракт на его голову.

С деньгами сложилось именно так, как он и предполагал, — в самых лучших традициях постсоветского капитализма их было решено оставить в Америке и вложить в какое-нибудь прибыльное предприятие. Классическое «бегство капитала». Лишь с одним любопытным нюансом — капитал «убежал» до того, как появился. Клыч-байке, прилетевший в Кливленд спустя неделю, открыл счет в банке, и Арстан в тот же день перевел ему всю сумму, за исключением их с Нурдином комиссии. Предусматривая требование не брать комиссию, Арстан был готов расстаться и с ней, но и Клыч, и Мурат были настолько довольны результатом, что даже не стали обсуждать какие-то «несчастные», как выразился депутат, двадцать шесть тысяч долла-

ров. «Оставь себе! Чай ичип кой!»³² — весело и небрежно бросил ему Зельцер через ватсап, получив сканерную копию выписки из банка. В тот момент Арстан опять вспомнил про «Джеки Браун» — как и Макс Черри, он взял лишь комиссию, легко расставшись с полумиллионом долларов, который никогда ему не принадлежал.

Нурдин после бегства в Талас два дня, как на иглоках, провел у Салимы-эже, двоюродной сестры его матери, а на третий, сказав всем, что едет в российский Екатеринбург, отправился в Урумчи, где у него были контакты с тех давних времен, когда он, будучи подростком, помогал отцу-дальнобойщику возить китайский ширпотреб на Дордой. Арстан иногда говорит с ним через скайп. Жизнь его радикально изменилась, и теперь Нурдин живет и работает под другим именем. Но опять на складе сантехники на пыльной окраине Урумчи, шлифуя уйгурский и с трудом запоминая китайские иероглифы, нужные для ориентирования в океане смесителей, кранов, унитазов и раковин. Он отпустил бороду, поправился и перестал быть похожим на себя. Он, бывает, звонит родителям по скайпу, но никогда не говорит, где он находится и как долго его не будет. Арстан теперь каждый месяц посылает понемногу деньги из доли Нурдина его больной матери.

Перед тем как покинуть Кливленд, Клыч-байке позвал Арстана в ресторан. Был он улыбчив и оживлен и делал все, чтобы создать непринужденную атмосферу, постоянно шутя со своей переводчицей, чей яркий макияж делал ее похожей на модель из женских журналов Марии. Через несколько минут разговора стало понятно, что он рассчитывал на помощь Арстана по части вложения денег в Америке. Клыч-байке был полноценным продуктом киргизских родоплеменной и государственной систем и был очень ограничен как в своем понимании развитого капитализма, так и в знании английского языка. Арстан извинился, сказав, что он сам слабо разбирается в инвестициях тут, в Америке, или где бы то ни было вообще, но вот есть в Кливленде один специалист, который как раз ищет партнера по вложению капитала в недвижимость. Новый жилой комплекс. Здесь, в Кливленде. Отличное место, транспортная развязка рядом, прекрасный молл неподалеку. Риска почти нет, народ уже стоит в очереди на покупку. Carisci, то есть түшүндүрүзбү? Он извлек визитку Фрэнка Скарпелли и протянул ее Клычу-байке. Тот с интересом ее рассмотрел, но, не шаря ни бельмеса в английском, передал карточку переводчице. Он выглядел озадаченным. Возможно, черный матовый фон и яркие золотые буквы были перебором даже для не привыкшего скромничать байке. Сославшись на занятость, Арстан поблагодарил депутата за угощение (правда, кроме воды, он так ничего и не попробовал) и откланялся. Клыч-байке попросил оставаться на связи и добавил, что позвонит

³² Выпьешь чаю! (Кирг.)

ему, как только решит, куда вложить деньги. «Зачем?» — спросил Арстан, не понимая, что тому еще может быть нужно от него. «У тебя золотое прикосновение, ты фартовый», — ответил ему Клыч-байке, выразительно подняв указательный палец в воздух. «Нам надо бы еще поработать, есть планы», — добавил он. Арстан вежливо улыбнулся, кивнул и попрощался с ним и переводчицей. У них был номер его мобильного телефона и даже адрес, по которому он проживал с Марией. Это его не сильно беспокоило. Пусть звонит. Аренда квартиры была закрыта еще вчера, а сотовый сервис будет отменен уже через час. В Калифорнии, куда они с Марией улетали этой ночью, он возьмет себе новый мобильный номер. Но уже как Альваро Лопес.

Что касается его доли комиссии, то Арстан не стал оставлять ее себе. Деньги, полученные от лотереи, дорого ему стоили, и он не хотел иметь с ними ничего общего. Он не только похудел и осунулся; теперь в середине его пышной шевелюры пролегает неровная серебристая полоса. Деньги из своей части он понемногу каждый месяц шлет в Кыргызстан Алие с Валеркой. Он не скрывает этого от Марии — как бухгалтер, она все равно бы об этом узнала. Но она не возражает, понимая, что бедность в Кыргызстане примерно такая же, как и в мексиканском Синалоа. На жизнь в Лос-Анджелесе им хватает. Пока Мария нянчится с малышом, Арстан, как и прежде, пишет код. Калифорнийская компания, где он теперь трудится, разрабатывает и продает программное обеспечение — вот ведь ирония судьбы! — в многочисленные казино в Лас-Вегасе и Атлантик-Сити. Это не сильно его беспокоит. Какая, в конце концов, разница, какой процесс программировать, колдовать для него биты и байты — игру в покер или управление госпиталем? Перед булевой алгеброй все равны, как говорил его лектор по системному анализу в университете штата Огайо.

Арстан не рискует посещать Кыргызстан.

Больше всего в этой ситуации его расстраивает, что он не может видиться с родителями в старом доме на окраине Бишкека, в котором вырос. Он скучает по запаху свежих боорсоков, которые готовила его мать, и по старой груше во дворе, куда они с отцом залезали каждую осень, чтобы собрать урожай ароматных желтых плодов с медовым вкусом. Динара уехала в Германию и, судя по всему, вряд ли вернется когда-либо в Бишкек. Но когда он предложил родителям и сестре встретиться в Анталье, все с радостью согласилось.

Они сидели за длинным столом в ресторане у моря. Легкий бриз тербил волосы его сына, сидящего на коленях у Динары. Мать с отцом, расположившись с обеих сторон от нее, не переставали забавлять малыша, в то время как бойфренд сестры, худосочный русоволосый немец с суровым именем Харальд с интересом наблюдал

за происходящим. Мария налила всем вина и с теплотой посмотрела на родителей мужа — бабушки и дедушки в своем обожании внуков выглядели совершенно одинаково как в Мексике, так и в Кыргызстане.

— Харальд хочет, чтобы мы попробовали эмигрировать в Америку, — вдруг сказала ему сестра по-английски.

Худосочный немец утвердительно кивнул. Арстан пригубил бокал с вином и улыбнулся.

— Конечно, приезжайте! Вам понравится в Калифорнии. Юрген Клинсмани и Арнольд Шварценеггер давно уже там.

Харальд громко рассмеялся. Динара добавила:

— Мы сейчас работаем над этим вопросом. Кстати, наши соседи по улице через три дома вниз выиграли грин-карту в лотерею. Представляешь, как повезло!

Арстан усмехнулся и сделал глоток из бокала.

Он бы мог сказать сестре, что понятие «повезло» очень растяжимое и может неожиданно наполниться смыслом, от которого седеют волосы на голове; что удача не всегда оказывается такой, какой кажется на первый взгляд; что он с некоторого времени больше не играет ни в азартные игры, ни в лотереи, ни даже в покер с друзьями. Ярко-зеленая поверхность моря покрылась полуденными отблесками, и казалось, что волны танцуют. Слабый бриз изящно колыхал волосы его сына на руках у сестры. Пышная прическа Марии осветилась нимбом средиземноморского солнца, как тогда, в Кливленде, когда он впервые встретился с ней в отделении «Вестерн Юнион». Отец с матерью сияли счастьем, лепеча что-то внуку. Арстан улыбнулся, вспомнив, как Клыч-байке назвал его фартовым, допил вино из бокала и ответил сестре:

— Вот это выигрыш!

Р. С. Данная история является чистым вымыслом, любое совпадение дат, имен, фамилий и названий (бизнесов, объектов недвижимости, средств массовой информации и т. п.) — абсолютная случайность.

Варвара ЗАБОРЦЕВА

ПИНЕЖАНКА

Птица перелетная

Не зимую на Севере,
Но глаза его серые
Манят в земли болотные
С птицами перелетными.

Чмокнет алые мочки мне,
Обольет белой ноченькой
Да водой, ой, холодной,
Скажет речка: «Дородно* ей.
Теплу воду не здесь ищи.
Знай, как зябко в лесной глуши».

Не зимую на Севере,
Но поморка по вере я.
Не иконой, иконкою
Станет снимок вдогонку, и
Пусть на нем улыбается
Город в сереньком платъице.
Его улицы вышиты
Деревянными крышами
По-над речкой холодной.

Птица я перелетная.

---

* Дородно (местн.) — здесь: хватит, достаточно.

* * *

Последний житель списанной деревни,
Лохматый пес без клички и хвоста
Глотает воздух. Вовсе не весенний.
Встречает март у бывшего моста.

Смиренно ждет: когда же на рыбалку?
Хозяина не нюхал целый год.
Лохматый пес. Он северной закалки.
А значит, дозимует. Доживет.

Открыт назем, как вспоротое брюхо.
Гниют штаны на голых вешалах.
Никто не даст по пьяни оплеуху
И косточку не кинет со стола.

Он звал как мог. Настойчиво. Напевно.
Морозы пережил. А по весне
Последний сторож списанной деревни
Покинул пост

В холодной тишине.

Жениху

Я сошью тебе рубаху —
Только замуж позови.
Сразу заметишь пряжу,
Коли сшито по любви.

Белы ночи по озерам
В тонку нитку собираю.
Скромным северным узором
Распишу подол к утру.

Если любопытный очень,
Подойди да посмотри,
Как вплетаю в поясочек
Краски клюквенной зари.

Как говаривала мама:
«Губы сильно не мажуй.
Все равно желанный самый —
Северянки поцелуй».

* * *

Малина бьет в колокола,
Роняет в полдень тень на стекла,
Зовет — но нет ответа в окнах,
А у дверей стоит метла.

Малина бьет в колокола,
Колотится в глухие избы:
«Поспевшу ягоду поись бы,
Пока червю не отошла!»

Малина бьет в колокола,
Срывая тишины завесу:
«Не мри живьем. Имеет вес и
Слово дряхлого села».

Малина бьет в колокола,
А после опадет. Звянет.
Ведь на малиновой поляне
Крапива всюду проросла.

* * *

Я сплету венок
на Иванов день.
Цвет ромашковый
на себя надень,
Плач напевный мой —
долю жалкую,
Да не смейся над
пинежанкою.
Отпущу венок
по реке в ночи,

Лепестки его —
                        слезы девичьи.
Ты плыви, венок
                        желто-ангельский,
По течению —
                        до Архангельска,
Вниз по Пинеге
                        пронеси свой цвет,
От Варварушки
                        передай привет:
«Все тоскую я,
                        милый, суженый,
В цвет печаль вплела,
                        будто в кружева.
Ты храни венок,
                        цвет ромашковый,
Скоро-скоренько
                        будем рядышком».

Сирень и шиповник

Около голой увядшей часовни
Солнце ловили сирень и шиповник.

Он был сильнее. Старее. Мудрее.
Чтобы сирень подрастала скорее,
Дал тонким веточкам место повыше —
Пусть этот город сиренью подышит!

Вскоре, назло всем апрельским прогнозам,
Старый шиповник убили морозы.

Дедушка, слышишь?..
Мы все так похожи.
Скроюсь под инеем
Тоже.
Чуть позже.

Александра ТЕРЕНТЬЕВА

ДВА РАССКАЗА

Из цикла «Сказки о пустоте»

Вера

Вера отвлеклась от фильма, посмотрела в иллюминатор. Небо заметно посветлело. Иллюминатор с краев был покрыт инеем. Стюардесса унесла недопитый кофе. Вера выключила ноутбук, сложила столик.

Вскоре показались блеклые, укутанные ватой огни города. «Туман», — подумала Вера. Пока самолет заходил на посадку, Вера рассматривала центр, с волнением узнавая очертания: Ангара, сквер Кирова, Карла Маркса, Советская, ИВАИИ... Наконец самолет приземлился. Спускаясь по трапу, Вера глубоко вдохнула холодный влажный воздух и подумала: «Я дома?»

1.

Вера уехала из Иркутска, когда училась на последнем курсе журфака. Она выиграла конкурс Свободного университета Берлина на изучение фотографии. Домой приезжала редко. Сначала — пару раз в году, чтобы увидеть родителей, а после того, как те переехали в Новороссийск, лишь однажды — на свадьбу Оксаны.

Тогда было как-то неловко, неудобно. Оксана, с которой они сидели рядом на лекциях, гуляли по набережной, взявшись за руки, стала чужой, незнакомой. Шикарная свадьба, дорогое платье, сложная прическа, кольцо с бриллиантом. Она постоянно дергала Веру — просила сфотографировать ее, мужа, родственников: «Вер, ну давай, как ты умеешь...» Вера наводила объектив, но не видела кадра, не понимала его. Приглашенный фотограф терпеливо ждал, украдкой с восхищением ее разглядывая.

Вера не могла поверить, что на третьем курсе хотела фотографировать только Ксану. Та была диковатой, мальчишески угловатой, резкой, много курила. Вера все пыталась поймать правильное освещение,

которое подчеркнуло бы и без того острые скулы. Когда Вера уезжала в Берлин учиться, Ксана сказала только: «Ну, ты давай там...» Ответила на письма Веры она лишь однажды. Написала, что у нее все хорошо и приложила фото со спины — она побрилась налысо и еще больше похудела. А потом — пропала на пять лет. Вера смирилась, как смирялась когда-то с ее немотивированными вспышками ярости, когда Ксана могла швырнуть в нее бокал с недопитым вином, или приступами буйной радости, когда она вприпрыжку бежала по Карла Маркса, чтобы успеть поймать момент, когда солнце садится за Ангару. Вера лишь улыбалась уголками губ, стараясь не упустить подругу из виду.

Когда они встретились снова, Оксана округлилась, отрастила волосы до плеч и начала жить на позитиве. По пути на свадьбу Вера провела почти сутки в самолетах, где от нервного ожидания не могла ни есть, ни спать. Она еле выдерживала бесконечные тосты и слова восхищения молодыми. Все пыталась безуспешно поймать Ксанин взгляд, чтобы снова чуть улыбнуться и почувствовать, как глаза застилает мягкая баюкающая пелена, отгораживающая их двоих от мира. Вера уехала, как только начались пьяные танцы, сославшись на джетлаг. Уже вернувшись в Берлин, где после университета нашла работу в местном офисе агентства N, она как можно скорее обработала фотографии и отправила их Оксане. Ту они не впечатлили, о чем она сообщила, не стесняясь в выражениях, — это было третье письмо (вторым было электронное приглашение на свадьбу). Вера решила, что больше в Иркутск не вернется. С тех пор с Оксаной они не общались.

Но вот — Вера снова в Иркутске, чтобы прочесть короткий курс о фотографии на родном факультете.

Такси стояло на светофоре на углу Советской и Декабрьских Событий. Парк вокруг усадьбы Сукачева уже пожелтел. Уличные фонари зябко подрагивали в растворяющемся тумане. Вера невольно начала думать, как бы поймать эти розоватые короны на фоне сиреневого неба. Загорелся зеленый, и такси тронулось. Кадр получился смазанным.

В гостинице она приняла душ и, не разбирая чемодан, рухнула спать.

Проснулась Вера около полудня. За окном было солнечно, блестело высокое лазурное небо. Вера полистала Facebook, собралась было написать Стасу, что уже приехала, но не смогла себя заставить — хотелось провести время наедине с городом, который никак не хотел отпустить ее от себя.

2.

Она вышла из отеля и направилась в сторону набережной. С реки уже тянуло осенней прохладой и будущими дождями. Вера перешла дорогу и вышла на берег. Ангара разбрасывала кругом солнечные блики,

уоставшие за лето тополя что-то лепетали напоследок. Мимо пробежал молодой человек в наушниках. Вера подошла к лестнице, спускавшейся к воде. Кое-где ступени осыпались, обнажив скелет арматуры. Двенадцать лет назад река плескалась у самого края, бунтовала, стараясь дотянуться выше. А теперь съежилась, отступила, обнажив галечное дно, начавшее зарастать травой. Вера резко отвернулась, смутившись, будто ненароком увидела тщательно скрываемые приметы старости. Машинально сфотографировала мост через Ангару, спускавшийся с высоко-го левого берега, и пошла в сторону университетской библиотеки.

Вера жадно глотала влажный воздух, стараясь задержать его в легких подольше, не вслушиваться в тревожный голос, затянувший свою партию в дальнем уголке сердца. Она замедлила шаг, пытаясь поймать возносившее ее когда-то ощущение полета, чтобы хоть на пять минут вернуться на двенадцать лет назад, просто идти, придумывая небылицы, каждая из которых могла бы оказаться правдивой.

— Вера?! — вдруг раздался вопль откуда-то сбоку.

Она повернула голову: по бульвару резво семенил толстяк.

— Стасик?! — не веря своим глазам, воскликнула Вера, тут же ощутив укол совести за то, что сразу не написала лучшему университетскому товарищу, с кем они спасали друг друга на экзаменах и выручали деньгами, болтали сутки напролет и заливали дешевым вином неудачные романы.

— Ты вообще нормальная? Ты почему не позвонила?! Я собирался тебя завтра встречать с оркестром, — смеясь, кричал он, подняв и закружив Веру.

— Сорян, я решила не напрягать тебя. Вставал бы, мучился... — Вера улыбалась, стараясь скрыть неловкость.

— Ну все, теперь придется отменять оркестр, платить неустойку, — не унимался Стас, аккуратно опуская Веру на землю. Она чуть качнулась.

— Слу-ушай, а ты что-то еще лысее стал. — Вера попыталась сменить тему разговора, преувеличенно внимательно разглядывая его блестящую на солнце голову. — Специально фотку в FB не меняешь, чтобы тебя из друзей не удаляли?

— Мать, ты — лучшая! — в тон ответил Стас. — Знаешь, как утешить мужчину в разгар кризиса среднего возраста.

— А то! — Вера поднялась на цыпочки и чмокнула его в лоб.

— Ты чё вообще делаешь-то? Пойдем по кофе тяпнем?

— Давай. Я пошла поснимать, но меня что-то рубит после перелета.

— Вот-вот. Тебе камера всегда была дороже меня... — Стас галантно предложил Вере свернутую калачиком монументальную руку.

— Ты — вне конкуренции. — Вера с удовольствием оперлась на нее, во всем доверившись Стасу.

Он повел ее вдоль набережной, отвешивая один комплимент за другим. «Как постарел», — с болью подумала Вера, украдкой оглядывая друга, с которым общалась последние три года только в месенджерах. Возле пивного ресторана, вход в который был оформлен в английском стиле, Стас остановился: «Прошу» — и церемонно пропустил ее вперед.

Интерьер был выполнен с претензией на лондонский паб минимум со столетней историей. Но Вера точно помнила: здесь была ведомственная столовая, где можно было неплохо пообедать за восемьдесят рублей, если прикинуться аспирантами из соседнего института. Вера посмотрела на Стаса, который остановился в проходе и сиял, наблюдая за ее реакцией. Но прежде чем она произнесла уже готовую сорваться с языка колкость, к ним подлетела хостес:

— Здравствуйте, Станислав Викторович! Позвольте, я провожу вас за столик.

— Спасибо, Катя. Все хорошо?

— Да, на вечер почти все столики забронированы.

— Супер!

Катя провела их к столику, расположенному чуть поодаль от других, в углу зала. Оставила одно меню для Веры и ушла.

— Станислав Викторович... — тут же передразнила Вера, еле сдерживая смех. — Это и есть твоя кафешка?! — Вера села, изобразив готовность внимательно выслушать историю успеха.

— Не, а в чем проблема? — Стас сиял от гордости. — У тебя, любовь моя, память как у рыбки гуппи — пять секунд. Я писал тебе вообще-то!

— Блин! Ты писал: «Я сделал кафешку на месте столовки с тараканом». Ты кафешки вообще видел?

— Ой, все... Чё ты к словам цепляешься? Ну, паб сделал. Так лучше? Был в Лондоне, понравилось. Думаю, чё бы дома такой не сделать? Я тут сам, между прочим, все придумал, родил, можно сказать, в муках! — патетически завершил тираду Стас, откинувшись на спинку стула и уперев руки в край стола. Вид у него был как у сытого кота. — А ты выбирай, выбирай, — кивком головы указал он на меню, — тут вкусно, не отравят.

— Я надеюсь, — ответила Вера, открывая папку. — Ты хотя бы поваров поменял? Я этого таракана никогда не забуду.

— Ой, мать, молчи! Я польсел, пока поваров искал.

— А-а-а... — со смехом протянула Вера.

Подошла официантка, приняла заказ и, обворожительно улыбнувшись хозяину, ушла.

— Ну, как ты? — начали они почти одновременно и попадали со смеху.

— Давай ты! — сказала все-таки Вера, опустив голову на скрещенные на столе руки, как делала всегда, когда слушала рассказы Стаса об очередном прожекте или несчастной любви.

— Да, собственно... — замялся Стас, оглядываясь, — работаем...

— Я все хотела спросить: неужели на телевидении так много платят? Как это все вообще?

— Ну как тебе сказать, — протянул Стас. — Выборы же губернаторские у нас вернули. А у меня программа о политике, рейтинги... Туда-сюда. Договорились, в общем, я в счет долга взял там за одну кампанию, вот, столовку. Ну, там, своих немного вложил. Ну, ничё так, идет бизнес.

— Ваш кофе. — Официантка вернулась, поставив перед ними по большой чашке капучино.

— Спасибо, Юля, — поблагодарил Стас. Юля просияла и ретировалась.

— Понятно... А я вот — в родные пенаты.

— Хоть так тебя заманить, — тепло улыбнулся Стас. — Какие вообще планы?

— Да не думала особо. Может, на Байкал сгоняем?

— Запросто! С ночевкой. — Стас заговорщически улыбнулся.

— Хм... — Вера кокетливо ухмыльнулась в ответ, по дурацкой привычке помешивая ложечкой кофе, в который никогда не добавляла сахар. — Посмотрим...

— Ты скажи, как надумаешь, я наколдую чё-нить, — быстро, будто отмахнулся, ответил Стас. — Ксане не писала еще? — неожиданно тихо спросил он.

Вера помолчала несколько секунд, сделала глоток кофе, переложила ложечку на другую сторону блюдца. Юля принесла омлет. Они напряженно молчали, пока официантка расставляла на столе тарелки, приборы и склянки с перцем и солью.

— Нет, — ответила Вера, когда они остались вдвоем. — Думаешь, стоит? Я все никак от свадьбы отойти не могу, — принужденно пошутила она.

— Ну, слушай, столько воды утекло, — тихо сказал Стас. — Ксана всегда была дерганая, чё я тебе-то объясняю. Думаю, на самом деле она будет рада. — Он грустно улыбнулся. И Вера отметила, какими глубокими стали его морщины, лучами расходившиеся от уголков глаз. Раньше они исчезали, стоило только Стасу стать серьезным. Теперь — были видны постоянно.

— Зачем? У нее своя жизнь. Нет больше нашей развеселой троицы. С чего ты вообще о ней заговорил?

— У Ксаны невеселая жизнь. Ей нужна поддержка. Она пыталась покончить с собой. Я не знал, как тебе сказать после ваших этих всех...

— Твою мать... — вырвалось у Веры. Она молча смотрела на Стаса.

— Мы тогда опубликовали ее стихи сборником, не помню, говорил тебе, нет. Не все их поняли, короче. Были разгромные отзывы. Ты же помнишь наш жж-шный террариум? Ее доставали сволочи всякие. Она бросила писать — тогда еще делилась со мной. Я говорил ей, что не нужно слушать, что все — фигня. Потом Вадим этот придурочный всплыл. И вот вся эта свадьба. Я надеялся, после развода как-то наладится. Нашел ей няню для сына. Приятель у меня, Генка, помнишь, на два курса младше нас учился? У него сайт городской. Уговорил взять ее выпускающим. Она вроде даже повеселела, работала. Посещаемость при ней вдвое выросла. Журналисты на нее молятся. Генка ее главредом назначил — зарплата, все. А она... Полгода назад где-то — Генка рассказывал со слов девчонок — пришла утром уборщица и нашла ее в кабинете без сознания. То ли таблеток наглоталась, то ли чё. Вызвали, короче, скорую. Откачали. Девчонки треплются. А она — молчит. Вообще ни слова. И не подпускает к себе.

Вера молча смотрела на остывший омлет.

— Ты ее знаешь — она пошлет, все, что хотела, она мне уже сказала тогда, после свадьбы.

— Попробуй, — умоляюще посмотрел на Веру Стас.

— Ладно, я пойду. — Вера вдруг начала суетливо собираться. Скомкала салфетку, лежавшую на коленях. Поднимаясь, задела вилку. Та упала со звоном.

— Вера...

Вера остановилась и, посмотрев Стасу прямо в глаза, сказала:

—Пока.

3.

Вера вышла из ресторана, быстрым шагом — до берега Ангары. Остановилась у парапета, закрыла глаза, ветер сдувал с ресниц слезы. Сердце отбивало шаманский ритм, что есть мочи колотя в какой-то потаенный барабан. Трясущимися руками Вера достала телефон, открыла почту, стала искать Ксанино последнее письмо, страшась найти там предвестья дикого шага, понять, что это она, Вера, не остановила самое дорогое существо на свете, но поисковик ничего не находил. Вера перешла в мессенджер, начала писать Ксане, молясь, чтобы этим номером она все еще пользовалась. Потом стерла все, убрала телефон и зашагала, куда понесли ноги, будто закупоренная в стеклянном сосуде, не пропускающем из внешнего мира ни свет, ни звук, ни запах. Очнулась на перекрестке Ленина и Карла Маркса. На противоположной стороне улицы величественно умирала некогда лучшая гостиница города, где когда-то Колчаку доложили о подходе 5-й армии, а

теперь на фасаде красовалась гордая надпись: «Дворец профсоюзов». Вера засмотрелась на элегантные решетки балконов в стиле модерн, узор которых повторяли барельефы в простенках между огромными витринными окнами первого этажа. Машинально достала камеру и начала снимать, стараясь сквозь объектив разглядеть суть города, прячущуюся под ветхой штукатуркой.

Наконец удовлетворившись сделанными кадрами, Вера пошла дальше, почувствовав облегчение. Вдруг в кармане тренча загудел смартфон. Вера достала его.

Оксана Потапова: «Я могу рассчитывать на твой звонок?»

Вера остановилась как вкопанная. «Стасик, чтоб тебя!..»

Vera Aronberg: «Да, конечно. Я просто сегодня только прилетела, еще толком не пришла в себя :)».

Оксана Потапова: «Двойное утверждение подразумевает отрицание. Я поняла. Хотела предупредить, Рудольф в понедельник попросил меня прийти. Не хотелось неприятных сюрпризов. Вот».

Вера не верила своим глазам. Это была та же Ксана, с которой они перекидывались записками на лекциях. Та же безапелляционность, никаких уменьшительно-ласкательных суффиксов. Вера буквально видела, как Ксана, говоря «вот», выглядывает из-под длинной челки и щелкает зажигалкой.

Vera Aronberg: «Это был бы приятный сюрприз».

Оксана Потапова: «А».

Вера подождала еще минуту, но Оксана больше ничего не написала. Тогда Вера убрала телефон и с колотящимся сердцем пошла дальше.

4.

Стас растерялся. Забросил свой капучино. Не о такой встрече он мечтал, конечно. Он полюбил Веру еще в универе, как любят лучшего дворового друга детства, как человека, которому можно позвонить в четыре утра и сказать: «Че-то как-то хреново все...» — и быть понятым. Конечно, они пытались встречаться, но из этого ничего не вышло. Хотя друг друга они совершенно не стеснялись и в постели сумели реализовать свои самые смелые желания, стебаться и ржать друг над другом им нравилось больше. Поэтому начавшийся было на втором курсе секс-марафон как-то сам собой сошел на нет. Зато осталась куча времени для ночных посиделок за мартини и сигаретами, мечтаний о великом будущем и планов, где бы заработать пять-десять тысяч, чтобы заплатить за комнату и еще немного на пожить и выпить. Все это Стас ценил больше всего. Больше девушек, которые были у него тогда и после. Потому что только с Верой он мог выдохнуть и быть самим собой, не пытаться казаться «приличным», «умным», «продвинутым», «крутым». А просто отпустить себя — как

тогда, в один прекрасный августовский день, когда они не вылезали из постели почти сутки.

Теперь Стасу было не по себе из-за того, что он расстроил Веру, не смог подтолкнуть ее к разговору с Оксаной, которую тоже любил, но издалека и всегда немного побаивался. Стас рыкнул на официантку Юлю, которая хотела забрать недопитый Верой кофе и недоеденный омлет. Он знал: ни писать, ни тем более звонить сейчас не стоит.

Вера и Ксана идеально дополняли друг друга. Когда Стас смотрел на них, то недоумевал, зачем существует весь остальной мир. Завораживала их странная и какая-то первобытная связь, он так и привязался к обеим сразу. Стас помог Ксане после развода с работой, с няней, но без Веры стать другом по-настоящему не сумел.

Виделись они редко — только на каких-то мероприятиях, куда он приходил как модный ресторатор, а она — как главный редактор самого популярного городского сайта. А потом произошел вот тот случай. Стас переживал, как если бы обещал Вере заботиться о непутевом подростке, но провалил задание. Ему не хватало слов, он не понимал мотивов Ксаны и побаивался ее ледяного взгляда из-под челки.

Стас решил, что девушкам надо встретиться лично. Он надеялся, что Вера справится лучше него. Он позвонил Рудольфу и попросился на Верину лекцию. И от имени Ксаны тоже. Потом заказал еще один капучино и углубился в изучение отчета за месяц.

5.

В ночь на понедельник Вера спала очень плохо. Просыпалась каждые полчаса, смотрела на часы в телефоне, вздыхала, ворочалась и проваливалась в вязкую тревожную дремоту. Проснулась разбитая в восемь утра. После разминки и пяти километров по набережной почувствовала себя немного лучше.

Пара у Рудольфа была в двенадцать. Вера спокойно позавтракала и обстоятельно проверила план лекций и подготовленные еще в Берлине презентации. Немного теории на основе работ Барта, Сонтага, Капы, Рэя, Беньямина, иллюстрации, разбор местных примеров. Вместо третьей и четвертой лекций Вера по просьбе Рудольфа будет со студентами снимать в городе, а пятая встреча станет завершающей, на ней будут отмечены лучшие работы. Для Веры это был первый подобный опыт, она долго сомневалась, стоит ли все это затевать, но Рудольфу — человеку, научившему ее держать в руках фотоаппарат, — отказать в мастер-классе для его студентов не смогла.

На факультет она пришла почти на час раньше, чтобы пообщаться со всеми преподавателями. Много изменилось, но, к счастью, не все: Вера с нежностью обходила студентов, сидящих, как и она когда-то, на полу в узком коридоре. Но теперь со смартфонами, а не с книгами.

Ксана пришла к самому началу лекции. Вера заметила ее боковым зрением, пока настраивала с Рудольфом проектор, и резко повернулась к ней. Ксана едва улыбнулась.

— Оксаночка, здравствуйте! — обрадовался Рудольф. — Спасибо, что нашли время. Станислав еще обещался, но, боюсь, опоздает, как обычно.

— Для вас — всегда! — по-настоящему улыбнулась Ксана.

Прозвенел звонок. Студенты начали рассаживаться, Вера, так и не успев ничего сказать, поспешила к кафедре.

Первые десять минут она страшно нервничала, все прислушивалась к себе — не дрожит ли голос. После того как, стараясь не шуметь, но от этого производя еще больше грохота, в аудиторию с извинениями ввалился Стас, будто исчезли эти двенадцать лет, стало легко и просто, хотя стройный план полетел в тартарары: студенты увлеклись, перебивали, задавали массу вопросов. Вера рассказывала, как работает, вспоминала случаи из практики, рассуждала об этике в профессии. К концу лекции Вера даже забыла о том, что Ксана в аудитории.

После звонка студенты обступили ее и продолжали спрашивать, но уже о более приземленных вещах: как получить заграничную стипендию, что самое трудное в работе, сколько она получает. Вдруг один мальчик в очках со стильной массивной оправой спросил: «А вы можете вернуться в Иркутск?» Вера растерялась и начала тянуть что-то невнятное: «Ну что значит “можете”? Я скучаю, конечно. Это мой родной город...» Мальчик торжествующе улыбался.

— Так. Антипов! Мне кажется, вам уже пора на следующую пару! — скомандовал Рудольф, бросив на Веру извиняющийся взгляд.

— Интересная у тебя жизнь. — Оксана подошла, когда Рудольф выпроваживал из аудитории последних студентов и Стаса, который уже начал с кем-то нудный разговор по мобильнику, а Вера выключала ноутбук.

— Рутина, как везде, — сдержанно улыбнулась в ответ Вера. — Я рада тебя видеть...

— Вера, спасибо вам! — К ним подошел Рудольф. — Я опасался, по правде сказать: нынешнюю молодежь очень трудно увлечь — еле досиживают лекции. Но вы их вроде бы сумели заинтриговать.

— Сумела-сумела, — неожиданно тепло сказала Ксана. — Я даже надеюсь, что под это дело уговорю кого-нибудь снимать для нашей галереи — ее обновлять надо каждый день, а хороших снимков на самом деле мало.

— Прекра-а-асная идея! А потом я этого увлеченного, как вас, буду только на экзаменах видеть блеющим о том, что у него много работы, — притворно возмутился Рудольф.

Они поболтали еще немного, и Вера с Оксаной вышли на улицу. Солнечные блики прятались в уже пожелтевшей листве окрестных берез.

— Может, пройдемся? — неуверенно спросила Вера, избегая Ксаниного взгляда.

— Можно — у меня отгул.

Вера наконец смогла посмотреть Ксане прямо в лицо. Та улыбалась. Вера смогла дышать, сбрасывая с каждым вздохом, как тяжелый груз, все годы, что они не виделись, все слова, что друг другу не сказали. Тревожный голос притих.

Минут десять они шли молча. Ангара текла расплавленным золотом. На парапете сидели две чайки.

— Ты почти не изменилась, — осторожно сказала Вера.

— Уж да уж, — ухмыльнулась Ксана. — С нашей последней встречи я потеряла пятнадцать кэгэ, большую часть волос, свежесть ланит и мужа.

— Зато чувство юмора осталось, — парировала Вера.

— Мое — со мной, — рассмеялась Ксана. Она остановилась. — Я тоже рада, что ты здесь, — сказала она, посмотрев Вере в глаза.

— Что случилось?

— Что-то пошло не так, — ухмыльнулась Ксана, возобновляя движение. — Классика — встретил смазливую студентку, я его послала.

— Тебе плохо?

— Нет. Нормально.

— А сын как?

— Да он и не помнит его, по ходу. Ни разу не спрашивал.

Вере захотелось обнять Ксану, но она не решилась.

— А ты как? — спросила Ксана, доставая из сумки пачку сигарет.

— Нормально — работаю, — улыбнулась Вера.

— Это правильно. Я — тоже. Хочешь? — Ксана протянула ей открытую пачку.

— Давай, — обрадовалась Вера. — Сто лет не курила, — начала она оправдываться, закашлявшись после первой затяжки.

— Так у вас-то дорого.

— О! Это — да! — рассмеялась сквозь дым Вера.

6.

Они сидели в круглосуточной пиццерии на Ленина, потягивали кофе из пластиковых стаканчиков, на столе в одноразовых тарелках лежали надкушенные куски пиццы. Раньше они втроем со Стасом часто приходили сюда, когда уставали слоняться по городу летними ночами, когда под утро возвращались из клуба, но никак не могли разъехаться

и выдумывали свою прекрасную будущую жизнь, опираясь на пошатывающиеся, папахивающие хлоркой столы.

— А здесь всегда была такая тоска? — брезгливо протянула Ксана, озираясь по сторонам.

— Нет, конечно! Здесь был мишленовский ресторан!

— Черт возьми, мы ведь реально это ели. — Ксана с подозрением рассматривала свой кусок пиццы.

— Ну, готовили лучше. — Вера подняла тарелку на уровень глаз, внимательно изучая содержимое.

— А серьезно — ты бы вернулась сейчас? — неожиданно спросила Ксана.

Вера долго молчала. Потом сделала глоток уже холодного кофе и ответила:

— Даже не знаю. Иногда я думаю об этом. Такое чувство, будто я что-то забыла сделать. Собиралась-собиралась и забыла. Здесь, мне кажется, я начинаю вспоминать, видеть что-то снова. Это небо, вода, воздух... Но и Берлин я люблю уже, мне тяжело без него... Работа опять же...

— Ну, да... — протянула Ксана. — Я иногда думаю, было бы хорошо, если бы ты не уезжала.

— Почему? — Вера пристально посмотрела на Ксану.

— Это была бы другая жизнь.

— Не факт, что лучше.

— Не факт, — меланхолично отозвалась Ксана.

Обе замолчали. В пиццерию зашли трое юношей и две девушки, продолжая громко обсуждать случай с каким-то Коляном. Они скинулись на пиво и две пиццы, а потом долго обсуждали, с чем брать.

— Мы такие же были? — спросила Ксана.

— Да, — грустно ответила Вера.

— Я бросила писать, — безучастно сказала Ксана.

— Я знаю.

— Стасик, чтоб его...

— Почему?

— Без понятия. Не могу. Ни слова. — Ксана сделала паузу, долго смотрела в темное окно, отражавшее юную компанию, галдевшую над одной из девиц, которая пыталась что-то кому-то объяснить по телефону. — Помнишь нашу книгу? Ты обещала к ней фоток.

— Я присылала, — тихо ответила Вера, чтобы не было слышно, как дрожит ее голос.

— Я помню. Как-то не пошло. Я хотела вырастить это, выносить. Чтобы звучало... — Ксана оборвала себя на полуслове.

Обе замолчали. Смотрели на компанию молодых людей, уже получивших две свои пиццы и жадно хватавших куски.

— Все мое писательство закончилось теми стихами. Все идеи умерли. О чем вообще была наша книга?

— О человеке, который путешествует вслед за дождем.

— А-а-а...

— Не нагнетай, ты просто устала. Возьми отпуск настоящий. На месяц. Сына бабушке отдай. Или Стасику — он будет рад. Выдохни.

— Ты мне еще йогу порекомендуй и психотерапию. При чем здесь... Закончилось все. Вот они тоже мечтают покорить мир. — Ксана злобно кивнула на компанию. — Но мир их тупо сожрет.

— Крушение иллюзий — часть жизни, — неуверенно заметила Вера.

— Спасибо, кэп! — Ксана начала распалиться. — Как жили-то без тебя?! Почему всё так? Я не понимаю. Кругом вечно все копошатся, что-то едят, пьют, срут, трахаются, ипотеку берут. Чтобы что? Какая разница, в каком состоянии сдохнуть? Все равно пусто кругом. У меня есть сын — значит, я не умру, он станет моим продолжением. Черта с два. Кирилл — отдельный человек, он не я, не только я. Он за меня ничего не поправит. Он мне в могиле свет не включит. Полжизни прошло. И больше ни одной долбаной строчки. Ни одной. Не получается, не могу. Я думала, я пишу — значит, я существую. Но я выдумала то, чего никогда не было... Никогда. Что ты знаешь о пустоте? — Ксана вдруг повернулась, и Вера с ужасом увидела ее лихорадочные глаза, остервенелые от замурованной внутри боли. — Что ты знаешь о невозможности сказать, когда каждый день — напоминание о беспомощной немоте? Когда мечта оказывается болотным огоньком? Что ты знаешь о пустоте, которая окружает тебя? В которой не за что ухватиться, некого позвать и некуда вернуться, потому что во времени нет обратного пути? Время — как собачий хвост, его не поймать, только преследовать. Где я свернула не туда, где ошиблась, где потеряла себя? Почему решила, что я могу писать? Откуда вообще берется эта уверенность? Вот ты почему знаешь, что ты — фотограф? Почему ты знаешь, а я — нет? Ведь все на самом деле — никто, куски мяса, сырье, из которого через миллиарды лет образуется нефть будущего. Просто не каждый готов смотреть правде в глаза. Прятаться за собственным отражением в зеркале всегда спокойнее, чем пытаться себя разглядеть по-настоящему. Мудрость в том, чтобы смириться и просто пройти путь из ниоткуда в никуда, не обременяя себя лишними попытками дотянуться до звезд.

— Ты писала офигенно. Тебе просто нужно отдохнуть, — повторила Вера шепотом.

— Не сочиняй! — резко и громко оборвала Ксана. После долгого молчания продолжила будто сама с собой: — Смотрю вот на Кирилла и боюсь. Какой будет его жизнь? Как узнать наверняка, что все сложится хорошо, что он не будет мучить себя василисками?

— Он будет счастлив, если ты будешь рядом, — тихо сказала Вера.

— Знаю, — еле слышно после долгой паузы ответила Ксана. Вера что есть сил молча обняла ее — слова путались, мешали друг другу, превращая язык в тяжелого неповоротливого слизня. Ксана осталась сидеть неподвижно.

В отеле Вера долго не могла уснуть. Снова и снова звучал в голове голос Ксаны, снова и снова запоздалым потоком пополам со слезами лились признания. Вера кляла себя за то, что не сказала, не поймала то самое главное, волшебное слово, которое бы все исправило, все вернуло, все залечило. Брала телефон, чтобы позвонить Ксане, но вспоминала о ее сыне и пугалась. Смотрела в зеркало и не видела в нем себя. Под утро Вера выпила таблетку снотворного и решительно улеглась спать.

7.

Вера и Стас шли по Карла Маркса. На следующий день ей нужно было лететь в Москву, а оттуда — в Берлин. Оба молчали. Стас очень переживал: за неделю он привык, что Вера снова рядом. Теперь снова придется пересчитывать часовые пояса, чтобы выбрать подходящее время для звонка по Skype, и постепенно перейти лишь на редкие сообщения в Telegram.

Вера пыталась запечатлеть город, звенящий прохладой сентябрьский воздух. Она знала, что Стас расстроен, как всегда, поэтому не заговаривала первой, выжидая момент, когда он наконец выскажет разом все, что думает. Как правило, это сильно облегчало последующую коммуникацию.

— Вера, может, тебе вернуться? — решительно вступил Стас.

— Стасик, не начинай, пожалуйста. Я не могу. Я люблю Иркутск, конечно, но моя жизнь — там. Моя работа — я люблю ее вообще-то! — Вера глупо отделялась второсортными отговорками, презирая себя за то, что говорит их именно Стасу, но не могла остановиться.

Стас вздохнул. Несколько минут они шли молча. Под ноги изредка попадались и робко, испуганно шуршали первые опавшие листья.

— Я поговорила с Ксаной. Ей совсем хреново. Ты пригляди за ней, пожалуйста, — попросила Вера, не поднимая головы.

— Я стараюсь, — развел руками Стас, — но ты же знаешь...

— Да, — кивнула Вера.

Утром Вера улетела. Она расплакалась, когда самолет набирал высоту над городом — сверкающая Ангара, знакомые очертания улиц, прожекторы стадиона «Труд», Иркутск-II... Вера отвернулась от иллюминатора и уставилась невидящими от слез глазами в книгу.

Через месяц Оксану насмерть сбила машина на пешеходном переходе — водитель решил обогнать притормозивший впереди автомобиль. Вера прилететь на похороны не успела — была в командировке в Нью-Йорке. Стас с помощью знакомых добился того, чтобы Вадима лишили родительских прав, и усыновил Кирилла.

Данила

Данила ехал в машине по третьему кольцу. Было далеко за полночь, дорога была свободна, машина летела, довольно урча. Данила был спокоен: документы о продаже китайцам доли в металлургической компании подготовлены — его отдел сработал на сто процентов. Осталась последняя проверка, и все — можно выходить на сделку. А это значит — нехилый бонус, который компенсирует все недосыпы и ссоры с Мариной.

Дома Данила быстро разделся, бросив костюм на диван, принял душ, поставил телефон заряжаться и упал спать — проснуться нужно было уже через четыре часа.

Едва открыв глаза, Данила понял, что проспал, — за окном было светло. Схватил телефон — 9:15. Через сорок четыре минуты он должен быть в офисе. Данила начал лихорадочно собираться. Спустя пятнадцать минут он был одет и открывал карту на телефоне, чтобы понять: брать машину или спускаться в метро. Карта пробок загружалась вечно. А когда появились первые очертания улиц, Данила провалился в темноту.

* * *

Сначала он почувствовал холод, потом — сквозь темно-коричневую мутную тьму начали пробиваться огни. Голова была словно привинчена к чему-то холодному и твердому. Внутри еле колыхалась густая боль, веки были свинцовыми. Пытаясь сориентироваться, он стал ощупывать поверхность под собой — было похоже на дерево. Подождав, пока боль стабилизируется, Данила с усилием открыл глаза. Над ним в непроницаемом коричневом небе нависали измученные зимой голые ветки деревьев, злоеще подсвеченные розовым снизу и сбоку. Данила поднялся. Деревянная поверхность под ним оказалась лавочкой в тупике вычищенной парковой дорожки. Вокруг лежал свежий, пушистый снег, окрашенный в тот же тревожный розовый. И не было ни души — лишь печально молчали деревья.

Голова по-прежнему была будто не своей — дорожка под ногами опасно кренилась. Но Данила заставил себя сделать несколько осторожных шагов, стараясь не расплескать боль, до краев заполнившую голову. Медленно двигаясь прочь из тупика, Данила пытался вспом-

нить, как он здесь очутился. Ни одной мысли. Он выходил с работы ночью. А дальше — темно-коричневая вязкая мгла. Но с каждым шагом идти становилось легче. Данила ускорился, полной грудью вдыхал холодный воздух, ощущая, как боль стекает в землю, а шаг становится тверже. По расчищенной тропинке Данила вышел к парковой калитке, за которой открывался совершенно пустой огромный проспект. Ни одной машины на проезжей части, ни одного пешехода на тротуаре. В домах на противоположной стороне улицы горели все окна, все до одного, ровным желтым светом. Ни одно движение не тревожило их безмятежного спокойствия. Город будто захлебнулся тишиной, накрывшей его вместе с мягким блестящим снегом.

— Так даже лучше, — равнодушно пожал плечами еще не до конца вернувшийся в себя Данила. Он поднял воротник пальто и пошел, как ему показалось, в сторону центра.

Тротуар был вычищен, но асфальт проезжей части укрывал ровный, без единой морщинки розовый саван. Данила шел, не думая, не анализируя тишину, не пугаясь ее. Он шел, с наслаждением делая каждый шаг и каждый вдох, полностью подчинившись геометрии улиц, сворачивал то вправо, то влево, спускался в подземные переходы, срезал бесцельный путь затерянными, кривыми переулками. Город принимал его, подчинял своей замысловатой логике, превращал в собственную декорацию.

Спустя почти час Данила оказался на бульварах. Горели фонари, декадентски мерцали гирлянды на обнаженных ветвях. Остановившись, Данила засмотрелся на уходящую вверх перспективу. Казалось, так можно идти вечность — делая круг, снова и снова выходить на перекресток, не имеющий ни начала, ни продолжения. Что-то произошедшее с Данилой давно, в прошлом, стало неважным, несущественным, было вытеснено тишиной и ровным светом чуть розоватых фонарей.

Повернув голову, Данила увидел бар. Место показалось знакомым, и он свернул с бульвара в направлении огромных, в пол, окон, деликатно подсвеченных изнутри. Данила толкнул дверь — она легко поддалась. После ночного города ослеплял даже приглушенный свет над стойкой. В зале никого не было. В углу висела плазма, где начинался какой-то футбольный матч.

— Есть кто-нибудь? — громко спросил Данила и удивился, как глухо прозвучал его голос.

Ответа не было. Данила отвлекся на начавшийся матч. Играли «Челси» и «Арсенал». Данила иногда смотрел матчи британской лиги, но не помнил, чтобы планировалась такая встреча. «А хотя... какой сегодня день?» — лениво подумал он, снял пальто и шарф, не отрывая взгляда от экрана. Матч оказался интересным — «Челси» забил уже на третьей минуте из какой-то совершенно невыигрыш-

ной позиции. Трибуны ревели. Так прошел первый тайм («Арсеналу» не удалось отыграться). Данила начал подумывать, не налить ли себе пива, раз уж все равно никого нет. В бар никто не заходил — в окно было видно, что на улице стеной валит пушистый снег, за стойкой тоже было пусто.

— Пива? — вопрос будто из воздуха возникшего бармена заставил Данилу вздрогнуть.

— Черт! — воскликнул он. — Извините, вы меня напугали. Я думал, тут никого нет.

— Раз бар открыт, значит, кто-то должен быть, — улыбнулся бармен, наливая гостю светлого пива из одного из кранов.

— Спасибо, — поблагодарил Данила за протянутый стакан. — Логично, конечно. Но сегодня так пустынно.

— Разве? — поднял брови бармен, вопросительно посмотрев в окно. Бульвар было не различить за белой пеленой. — Не заметил.

Данила усмехнулся:

— У вас, видимо, хорошая наценка, раз это для вас нормально.

— Разбираетесь? — с интересом спросил бармен, протирая стакан для виски.

— Немного, — довольно улыбнулся Данила. — Считал как-то один проект, думал, не вложиться ли...

— И что?

— Да как-то, — пожал плечами Данила и сделал большой глоток, — не рискнул.

Он улыбнулся и отсалютовал бармену пивом.

Бармен, рассмеявшись, взялся протирать следующий стакан.

Игра подходила к концу: «Арсенал» во втором тайме сумел забить ответный гол, но «Челси» на последней минуте вырвал победу, воспользовавшись ошибкой защиты.

— Прекрасный матч! — Данила удовлетворенно отодвинул от себя второй пустой стакан.

— Возможно, — пожал плечами бармен, выключая плазму. — Я не фанат.

— А зачем тогда включили? — удивился Данила.

— Так это для посетителей

— А-а, — иронично протянул Данила, демонстративно оглядывая пустой зал.

Там ровно стояли небольшие столики, всю длину витринного окна занимала высокая стойка, вдоль которой аккуратно, через равные промежутки были расставлены барные стулья. На улице по-прежнему мело. Вдруг картинка начала крениться и раздваиваться. Неприятный холодок пробежал у Данилы в районе затылка, наполненный пивом желудок скрутило спазмом, начало тошнить. Стараясь сохранить иро-

ничное выражение лица, Данила повернулся к бармену. Тот меланхолично натирал очередной стакан.

— Так все-таки, на чем вы зарабатываете? Или это — прикрытие для подпольного казино? Для обнала? — попытался пошутить Данила, но голос в вязкой тишине прозвучал искусственно.

— А зачем? — не отрываясь от стакана, бросил бармен.

— Аренда, закупка алкоголя, ваша зарплата в конце концов, — растерялся Данила, беспокожно заерзав на стуле. Немного успокоившийся мозг молниями пронзали воспоминания: город, парк, лавочка, офис, сделка.

— А зачем? — с улыбкой повторил бармен, оторвавшись от стакана и посмотрев Даниле прямо в глаза.

Данила не смог отвести взгляд. Глаза бармена были настолько темными, что зрачок едва можно было различить. Бармен не моргал. Его лицо выражало бесконечную усталость.

— Я умер? — неожиданно для самого себя спросил Данила. Голос его был ровным и спокойным.

— Откуда мне это знать? — не повел бровью бармен.

— Других объяснений у меня нет, — выдал Данила, удивляясь тому, что произносит.

— Виски? — с профессиональной улыбкой спросил бармен.

Данила не ответил и снова посмотрел на погруженный в полумрак зал — этому интерьеру не нужны были люди. Он уже был идеален.

— Macallan, восемнадцать лет, — бармен уже держал в руках увесистую бутылку, когда Данила вновь к нему повернулся.

— А почему нет? — ответил Данила, в растерянности ероша волосы обеими руками. — На работу-то завтра все равно не нужно.

— Это важно? — спросил бармен и поставил на стойку хрустальный стакан со звякнувшими на дне тремя кубиками льда.

Данила задумался. Ему нравилось то, что он делал, нравилось понимать, как из \$50 млн сделать \$100 млн, нравилось, что ему доверяли сложносочиненные сделки, нравилось быть в центре событий, нравилось изящным жестом протягивать визитку со звучной должностью. Но это все было словно о каком-то персонаже старого фильма, который крутили много лет назад в кинотеатре на окраине города. Данила вспоминал бренды галстуков, но не свое отражение в зеркале над идеально завязанным узлом. А здесь и сейчас Данила смотрел, как бармен не спеша открывает бутылку и наливает виски цвета темного янтаря в стакан. Кубики льда чуть сдвинулись под натиском, издав слабый треск. Яркий, манящий запах защекотал ноздри.

— Нет, уже не важно, — помолчав, ответил Данила и сделал первый глоток.

Бармен, будто не услышав ответ, начал закручивать бутылку. Не дождавшись реакции, Данила пожал плечами и продолжил пить.

Напиток приятно обжигал, по телу разлилось тепло. «А умереть совсем неплохо», — подумал Данила, делая новый глоток. Бармен отвернулся от него и возился с кофемашиной. Оба долго молчали. По мере того как виски заканчивался, разбуженные им горячие волны уступали место затаившемуся где-то в районе затылка охлаждающему беспокойству. Даниле хотелось остановить это чувство, свернуть ему шею, как куренку, хотелось выбежать прочь, вернуться домой, в офис, в свою машину, в свою жизнь.

— Я не готов, — выдохнул Данила с силой. Бармен обернулся, поставил перед собой еще один стакан для виски, достал бутылку, налил.

Данила будто не видел его. Он не мог остановиться.

— Я так не хочу. Я не успел, я ничего не успел. Сделка, Марина. Мы в отпуск собирались, чтобы все было хорошо. Я хотел — предложение. Не сейчас. Я так не хочу. Я не хочу. Не сейчас. Почему так? Я не могу сейчас! Я не готов, понимаешь?! Понимаешь, я не готов! — Данилу трясло как в лихорадке, он судорожно цеплялся за свои планы, словно герой кино, который пытается обогнать надвигающееся наводнение, взбираясь по веревочной лестнице. Он оперся на стойку и отчаянно, на спор, не мигая, как в детской игре, пытался разглядеть зрачки собеседника.

— Да мне, в общем-то, похер, — пожал плечами бармен, потягивая свой виски.

Данила осекся и замолчал. Мысли посыпались друг за другом звенящими кривыми осколками, он пытался схватить хоть какую-нибудь, проверить на прочность, удержаться на поверхности этой вязкой тишины, как на спасательном плоту. Но стоило прикоснуться, они обращались в острое, опасное крошево, которое тут же тонуло в окружающем морозе.

Бармен сделал долгий глоток. Повернул голову в сторону окна. Снег прекратился. Виднелись глазированные фонарями свежие сугробы. Бармен посмотрел на Данилу — тот уставился невидящим взглядом в какую-то точку на стеллаже с бутылками.

— Да перестань. Отличный вечер, отменный виски, — примирительно сказал бармен, подливая в опустевший стакан Данилы. — Вы все приходите, что-то говорите, убеждаете, уверенные, что вот сейчас вы что-то скажете и все изменится. Но ничего не можете сказать, ни слова. Мямлите, рыдаете, вспоминаете кого-то, угрожаете. Чего вы от меня хотите? Вот ты же нормальный чувак. Хоть ты пойми. Не ко мне вопрос. Я не могу ничего изменить в вашей жизни. Да и не хочется, честно говоря. Зачем портить вечер? Выпей.

— Да я больше сам с собой, — грустно ответил Данила. И, отпив виски, усмехнулся, посмотрев бармену прямо в глаза: — Есть риск, от которого не захеджируешься.

— Увы, — согласился бармен, отсалютовав своим стаканом.

— Я как-то в детстве пытался представить себе, как умру, — тихо начал рассказывать Данила, отпив немного из своего стакана. — Накрылся одеялом с головой и подумал, что так теперь будет всегда и что я не смогу выйти, а кругом будет свет и только вокруг меня — темно. Начал задыхаться и отбросил одеяло. Была ночь. Моя комната: стол с лампой, где я делал уроки, обои, постеры... Это было реально, а смерть — нет. А теперь — наоборот...

Данила оборвал себя, повернулся к окну и стал смотреть на заметную снегом улицу. Вид успокаивал. Метавшийся по телу колючий ужас затих где-то в районе желудка.

— Как-то даже не знаю, что сказать-то... — Данила посмотрел на бармена.

— Раз не знаешь, то и не говори.

— Наверное, нужно?

— Кому?

— Я думал, ты мне скажешь, — растерялся Данила.

— С какого? Я просто угощаю тебя виски, — поднял одну бровь бармен и посмотрел Даниле в глаза.

— Да я понял, — усмехнулся тот, залпом осушил стакан. — Что там? — кивнул он в сторону двери.

— Ничего, — ответил бармен, перекатывая свой стакан в ладонях.

— Ну я как-то так и думал, — сказал Данила и, поднявшись со стула, стал надевать пальто и шарф. — Спасибо за матч и за виски.

— Не за что, — тепло улыбнулся бармен, секунду помедлив, прежде чем пожать протянутую руку.

— Сколько с меня, кстати? — спросил Данила, доставая бумажник.

— Успокойся. За счет заведения.

Данила улыбнулся бармену, поправил узел шарфа и направился к двери. Уже взявшись за ручку, он повернулся и сказал: «Прощай!»

Бармен отсалютовал стаканом. Данила вышел. Дверь за ним несильно закрылась. Бармен допил виски, убрал бутылку и принялся мыть посуду.

Мария ФРОЛОВСКАЯ

КУПИТЕ ЛЕТО

* * *

А мы стоим под желтым фонарем,
читаем Блока и едим печенье.
Когда умрем — а мы с тобой умрем, —
мы просто выйдем из его свеченья.

И не заметим поначалу, как
сместились мы по отношению к смерти.
Ведь светит свет, и задувает ветер,
и первый снег садится на рукав.

* * *

У Лихобор перебегают рельсы
какие-то смешные чуваки.
Иди сюда, пожалуйста, погрейся,
я рыбку выпускаю из руки,
она плывет, она в тебя вплывает,
она в тебе взрывается теплом.
Во мне стучат и звякают трамваи,
во мне гудит неведомый циклон.

Но ты не думай, я не беспокоюсь,
я просто тоже превращаюсь в поезд,
мне надо ехать, весело трубя,
мне надо петь усталым пассажирам,
что живы, живы, все на свете живы.
Все дальше удаляться от тебя.

* * *

Была я однажды маленькой, и мне подарили шарики,
На палец надели петельку, сказали: «Не отпускай!»
Но я отпустила шарики, я знала, что это — правильно:
Веселым воздушным шарикам в ладони моей тоска.

Я знала, что так и водится, по сказкам и по преданиям:
Свободу волшебной щуке, а Коньку-Горбунку — вдвойне.
Когда подо мной подломится, когда надо мной затянется,
Я их позову, и шарики опять прилетят ко мне.

И я не боюсь начальника, тринадцатого и пятницы,
Зачетов, и стоматологов, и тонкого льда весной.
Но с каждой моей ошибкою и с каждым чужим предательством
Один из воздушных шариков взрывается надо мной.

* * *

Наверно, существуют города
за дальним мысом, за соленым морем,
а здесь — мои холодные ладони,
и в них лежит тяжелая вода.

И если я ладони разомкну,
вода вернется в длинную волну,
о берег разобьется, как слепая.
И в городах, далеких и чужих,
какой-то мальчик в комнату вбежит
и крикнет: «Мама! Звездочка упала!»

В отпуске

Долго планируют.
Ссорятся из-за отпусков:
Ленке-то дали на июль,
а мне говорят: подожди.
А в сентябре море холодное, да и вообще дожди.

Ждут, достают купальники, меряют, плачут.
Заказывают на Wildberries.

Укладывают в чемоданы всякую мелочь,
 а нарядное выбирают до последнего вечера —
 вроде уже не девочки, а хочется, чтоб сидело.

Синее-синее, белое-белое.
 И идут по белому, такие неловкие,
 словно китихи, выброшенные на берег,
 как дирижабли, запутавшиеся в собственных веревочках.
 Море рокочет раз.
 Вечерами красятся,
 не забывают об украшениях,
 обгоревшие руки прячут в рукава «три четверти»,
 даже туфли на каблуках в чемодан вместились.
 И идут по двое,
 еще более одинокие от этой парности,
 по набережной, где пахнет солью и водорослями так,
 что кружится голова.

Море рокочет два.
 Отмечают мысленно:
 вино выпито, мидии съедены,
 загар, наверное, будет, пока не облезет.
 Две экскурсии, чтобы вынести что-то полезное.
 Сувениры Кате, Сереже, Лиле
 купили.
 Можно лечь на песок с чувством честно выполненного,
 ждать, когда уже выплывет
 маленькая такая лодочка,
 на корме человечек в зеленой шляпе и с удочкой,
 а на удочке звездочка — чья-то душа,
 болтается и горит.
 Море рокочет три.

* * *

Кривые подмосковные антоновки
 сгибаются под яблоками желтыми.
 Качаются вагоны полусонные,
 о черепицу барабанят желуди.

У станции с корзинками и ведрами
 стоят старушки, нависает радуга.

Купите лето, сочное и твердое!
Чтоб сладко пахло, чтоб хватило надолго.

Чтоб на балконе, выстланном газетами,
оно плыло над миром замороженным,
светя ночами отраженным светом
сквозь золотую тоненькую кожицу.

* * *

«Москитные сетки на окна, ремонт ПВХ»,
«продам/поменяю участок». Качаются ветки.
И желтые пуговицы пижмы, и крик петуха,
и рыжие крыши, и дождик, холодный и редкий,

и свет телевизора за занавеской в окне,
и щели ступенек, и велика остов железный —
все болью такой отзовется, замкнется во мне,
как будто прощаюсь, как будто все это исчезнет.

Как будто не выдумать сердцу отчизны иной,
чем Ржавки и Черусти, чем подмосковные гетто,
где дикие вишни, лете́йским залитые светом,
где всеми забытые не обретают покой.

Олег ОСТАНИН

ВСТРЕЧИ С СЕВЕРОМ

Р а с с к а з ы

Вместо предисловия

У меня растут два прекрасных внука — Геранюшка и Платошка. Одному четыре года, второму год и пять месяцев. Это такие интересные ребятки, что я, как дед, прощаю им все возрастные шалости.

Время очень скоротечно. Ученые-физиологи утверждают, что память развивается у человека с четырех лет. Я помню свой день рождения, когда мне исполнилось пять, очень четко, ясно и красочно. Многие события храню в голове с того времени, когда мне не было и четырех. Может, и мои внуки кое-что от общения со мной запомнят. Ну а если не запомнят, то пусть эти маленькие рассказы-воспоминания останутся им на память обо мне и моем детстве, об их прабабушке и прапрабабушке. Сам я лишен был знаний и воспоминаний о своих предках. Пусть мои внуки сохраняют в памяти хоть что-то об очень интересных и дорогих для меня людях — северянах.

Ватрушка

Мой первый праздник дня рождения я запомнил только потому, что его мне устроила бабушка. Наверное, именно ей спасибо, что я через всю жизнь пронес чувство благодарности и желание делать добро своим близким. Даже так — передавать добро и благодарность как эстафету, не задумываясь.

Например, когда моей мамочке исполнилось восемьдесят лет (к этому возрасту она внешне стала очень похожа на свою маму — мою бабушку), препятствия тому, чтобы отметить этот день, были очень серьезные. Во-первых, я оказался по работе далеко на Севере и прилетел с некоторой задержкой. Во-вторых, мама была серьезно больна, и у меня даже появились мысли, не ухудшит ли долгое сидение за сто-

лом ее самочувствия. В-третьих, в последний момент мне сообщили, что здание с рестораном, где я планировал провести это торжество, закрывается на ремонт... Но Бог услышал мои молитвы, и праздник я организовал так, как хотел, и именно в том здании, в котором когда-то училась, а впоследствии долго работала моя мама. Все прошло как по нотам. Все веселились, и даже мамочка танцевала. Ей подарили много подарков, цветов, были ее студенты, соседи, знакомые, родня... Все остались довольны. Это был последний мамин день рождения, который мы смогли отметить все вместе.

Так что семя доброты, посеянное бабушкой, проросло в моей душе, хоть и осознал я это только сейчас.

Итак, мне в ту пору должно было исполниться пять лет.

Была весна, май. Деревня Верхоиковская, где я жил вместе с бабушкой Анной Афанасьевной Останиной, была отрезана от остального мира «распутой». Очень интересное, емкое, чисто русское и, мне кажется, северное слово. Оно отражает и время года: это весна или осень, — и состояние дорог, как правило, грунтовых, которые покрываются глубокими лужами или вязкой грязью. По таким дорогам существовавшие в пятидесятые годы двадцатого века российские грузовые автомобили продвигались с большим трудом. Ехали они очень медленно, с продолжительными остановками, а иной водитель, встретив лужу величиной с озеро, разворачивался и возвращался обратно, чтобы не утопить машину вместе с грузом. Гужевого транспорт не мог проехать совсем: сани не шли, так как снег уже частично успевал растаять, а телеге мешали колеи из льда. Пешком по таким дорогам тоже ходить было весьма, говоря по-современному, экстремально. Можно было, поскользнувшись на льду, угодить в глубокую лужу или оставить подметки сапог в глубокой и вязкой грязи.

Ближайшая деревня — усадьба, островок цивилизации, находилась в трех верстах от нашей Верхоиковской. Там была школа, почта, правление колхоза и магазин с интересным названием «сельпо». В этом магазине, как в современном супермаркете, продавались всевозможные товары: от керосина, пороха и дроби до шоколадных конфет и лошадиных хомутов. Несмотря на специфическую смесь запахов столь различных товаров и продуктов, в маленьком, рубленном из круглых бревен домике, где размещался магазин, всегда было чисто и даже уютно. Это было одно из моих любимых мест, сюда мы с бабушкой в течение всей зимы ходили каждую неделю за белым пшеничным хлебом. Эти походы в магазин занимали целый световой день, и возвращались мы, как правило, поздно вечером.

У бабушки был запас жита — ячменного зерна, которое она сама выращивала в поле около дома. Вероятно, этому полю уже два столетия и вскормило оно не одно поколение Останиных. Сейчас на нем

выращивает картофель мой двоюродный брат — единственный, кто сохранил деревенский уклад жизни Останиных. А я, наверное, последний из всего рода, кто видел, как бабушка весной вручную засеивала это поле ячменем, а осенью серпом жала колосья и вязала их в снопы. Потом она сушила эти снопы над печью в овине (я еще застал ямы и срубы этих овинов). Зерно ей молотил ее сын, мой дядя Анатолий, уже на комбайне. Он же и молот зерно в муку на деревенской мельнице. А караваи хлеба («каравашки» — в северном говоре) бабушка пекла сама в русской печи. Мне на всю жизнь запомнился кисловатый запах и привкус этих свежее испеченных каравашек. Больше я никогда и нигде не ел такого вкусного хлеба — именно ячменного.

Иногда, когда мука заканчивалась, бабушка приносила из сеней ручную мельницу. Мельница состояла из двух деревянных чурок, поставленных одна на другую. К чуркам были прикреплены два плоских камня, в верхнем было отверстие, а еще к нему крепилась ручка. Зерно засыпалось в отверстие, я вращал деревянную ручку, а вот куда высыпалась мука, я сейчас не могу вспомнить. Вероятно, процесс вращения занимал все мое детское внимание. Помню только, что и бабушка, и мама говорили мне, что на этой мельнице мололи зерно все годы Отечественной войны.

Пшеницу бабушка не выращивала, и за белым пшеничным хлебом как раз и совершались наши походы в сельпо.

Скорее всего, к весне у бабушки и зерно, и мука закончились. А тут — мой день рождения. Первые годы своей жизни я провел в семье моего деда по отцу, но тот период мне не запомнился и дни рождения тоже. Первый осознанный мною праздник по этому поводу устроила именно бабушка Анна Афанасьевна.

Зимой того года мы с ней были в гостях у нашей родни — на дне рождения Люси Лагуновой. Люсина бабушка и мой дед были родными братом и сестрой и ко времени описываемых мною событий уже покоились на деревенском погосте. По северным понятиям мы были очень близкая родня. Мать Люси, Анна, очень уважала мою бабушку и всегда ее называла «дядина Тимошина» — то есть «жена дяди Тимофея», — и никак иначе, потому что так было принято в этой северной деревне. Здесь даже саму деревню называли в честь моего деда и прадеда — Останской. Когда мы с бабушкой пришли, вся семья Лагуновых была в сборе: пятеро ребятшек — Тоня, Валя, Люся, Коля и маленький Вася — и их родители Иван Федорович и Анна Максимовна. По случаю праздника все девушки были в платьях, их волосы — прибраны в косы и уложены венком на голове, а мужская половина нарядилась в свежие ситцевые рубашки, за исключением маленького Васи, который был завернут в пеленки и пицал в зыбке.

Накануне вечером бабушка подстригла мне волосы, истопила баню, помыла и напарила меня и вымылась сама. Перед походом в

гости она надела на меня новые бумазейные шаровары и такую же курточку. Я носил эти вещи очень редко: бабушка мне их не давала для ежедневной носки. Сама она нарядилась в черную юбку и синюю вязаную кофту, которую ей привезла из Москвы моя мама, а на голову повязала белый ситцевый платок.

Тогда же я впервые узнал, что на день рождения положено дарить подарок. Моя бабушка подарила Люсе отрез ситца на сарафан. Этот подарок, завернутый в плотную упаковочную бумагу из магазина, она подала мне и велела вручить имениннице. Я видел, что братья и сестры подходили к Люсе и дарили ей кто новый карандаш, кто тетрадку, кто стирательную резинку — ластик. Иван Федорович подарил дочке маленькую коробку цветных карандашей. Люся принимала подарки молча и складывала их на стол. Я не помню, чтобы кто-то долго говорил или поздравлял ее — северная сдержанность. Мой подарок был самым большим по размеру. И когда Люся его развернула, то заулыбалась, от радости запрыгала, закружилась и завернулась в тонкую ткань. Затем подбежала к зеркалу и долго разглядывала себя, пока Анна Максимовна не пригласила всех к столу.

Стол был застелен скатертью, а не клеенкой, как в обычные дни. На нем стоял кипевший самовар, были расставлены тарелки, а не глиняные плошки, как всегда. Поначалу подали обычный деревенский ужин с горячими мясными щами, на второе — вареный картофель с селедкой. А вот на десерт были испечены многочисленные традиционные шаньги из ячменной муки: и с картофельным пюре, и с творогом, и с лесными ягодами, а кроме того — пироги с капустой и кулебяки с треской.

Но самым диковинным кушаньем, которое я запомнил, было сгущенное молоко, которое подали к чаю. Такого вкусного продукта до этого праздника никто из деревенских детей не то что не пробовал, но и никогда не видел. Анна Максимовна положила каждому в чайное блюдце по две ложечки деликатеса. Железная банка с синей этикеткой быстро опустела. Чай из чашек наливали в блюдца, чтобы напиток быстрее остывал, и со свистящим звуком втягивали за щеки. Так как деликатесной сгущенки было мало, перед каждым гостем прямо на скатерти лежала горка твердого сахара. Взрослые сами раскалывали этот сахар специальными щипцами, а детям его накололи заранее. Так было принято пить чай на Севере. Сахар клали в рот и запивали душистым индийским чаем. Еще, специально для моей бабушки, на стол было выставлено варенье из морошки.

Так я узнал, что такое день рождения и как его празднуют.

Бабушка понимала, что мне необходимо общение со сверстниками. А в нашей деревне, состоящей из четырех домов, в ту зиму я был единственным ребенком. Кроме того, здесь не было ни электричества, ни радио. Бабушка не знала грамоты и все новости узнавала от де-

ревенского почтальона, из писем моих родителей, которые ей читали соседи, и от продавщицы в магазине. Другого источника информации ни у нее, ни у меня не имелось. Я, вероятно, и забыл бы про свой день рождения, но бабушка мне напомнила и сказала, что к празднику надо готовиться заранее.

Вначале бабушка обследовала в сених ларь для муки. Для верности она даже меня опустила в этот высокий ящик, чтобы я венником смел остатки муки со дна. Но ларь был пуст, и мести было нечего. Зерно у бабушки еще оставалось, но молотье его надо было на колхозной мельнице, а она работала редко, и туда необходимо было везти полный мешок. А тут весна и распута...

Бабушка задумалась. Мы решили, что сходим в сельпо и купим муку и другие продукты.

То, что дорога размокла, представляло для нас значительное препятствие. Зимой и ранней весной бабушка возила продукты из магазина на деревянных санках. Сейчас предстояло нести поклажу в холщовом солдатском заплечном мешке — сидоре. У бабушки были кирзовые сапоги, а у меня — только валенки с галошами. Моя мама собиралась прислать мне сапоги, а прислала кожаные ботинки. Обувь была хорошая и красивая, но для такой дороги совсем непригодная. Решено было, что я пойду в валенках с галошами, а ботинки бабушка возьмет в мешок и я их надену уже на подходе к магазину.

Вышли мы из дому рано утром, предварительно позавтракав и прихватив с собой последний каравай хлеба и немного сала, которые положили в тот же мешок. Бабушка в одну руку взяла посох, в другую — мою ладошку, и мы тронулись. Шли по тропинке, по самому гребню дороги, где еще были кое-где снег и лед. На вершинах холмов тропинка была покрыта сухим песком, но в низинах тонула в лужах. Бабушка посохом мерила глубину луж, переносила мешок, затем возвращалась, я садился ей на спину — и она переносила меня через сырые участки дороги. Сама она при этом шла по лужам. Несколько раз мы останавливались для короткого отдыха. К полудню солнце светило во всю мочь, снег и лед таяли на глазах, а лужи увеличивались в размерах. Лицо бабушки покрылось бисеринками пота, мне было жарко и хотелось пить, я чувствовал усталость.

Наконец мы добрались до дома Лагуновых. Анна Максимовна приняла нас радушно. Мои сырые валенки, носки, бабушкины сапоги и онучи она пристроила для просушки на горячей русской печи. Поставила самовар и напоила нас чаем, а потом предложила мне полежать на печи, а бабушке — на кровати. Я мгновенно уснул в тепле. Сколько проспал — не помню, но проснулся от приглушенного разговора. Анна Максимовна советовала бабушке не будить меня и сходить в магазин одной, а меня забрать на обратном пути. Или даже оставить у них на несколько дней погостить, а когда станет ведро, Иван Федо-

рович отвезет меня домой на колхозной телеге. Но бабушка наотрез отказалась: она объяснила, что я буду ее искать и все равно сбегу, «а там и до греха недалеко». Уж лучше она меня разбудит и мы пойдем вместе. При этих словах я вскочил и стал одеваться.

Анна Максимовна дала бабушке свои сухие сапоги, мне надели мои новые ботинки, и мы снова тронулись в путь. То ли полуденное солнце подсушило дорогу, то ли так благотворно сказался отдых, но до магазина мы дошли сравнительно быстро. Там нас ждала очередная неприятность. В продаже не было пшеничной муки, из которой бабушка собиралась испечь праздничные пироги и шаньги. Бабушка так расстроилась, что я даже разглядел это на ее обычно непроницаемом лице. Продавщица Аля тоже заметила бабушкино разочарование и решила как-то скрасить наше горе. Она угостила меня самой вкусной шоколадной конфетой и сказала, что это мне подарок. Затем посоветовала бабушке взять серой муки. Оказывается, продавали и такую — это была смесь пшеничной и ржаной муки. Аля насыпала нам увесистый холщовый мешочек. Потом, чтобы поднять бабушке настроение, она прошептала, что у нее есть кое-что, чего еще никто в деревне не пробовал и что как раз подходит к празднику. Она достала банку, похожую на ту, что мы видели на дне рождения Люси, только этикетка была коричневой. Бабушка даже улыбнулась, но спросила, нет ли сгущенного молока. На что Аля сказала, что это почти то же самое, только вкуснее и называется «кофе со сгущенным молоком». Бабушка купила банку кофе, шоколадные конфеты, карамельки-подушечки, две буханки пшеничного хлеба, сушки и очень дорогие и твердые розовые калачи. Их, вероятно, больше никто не брал из-за дороговизны, но бабушке нравился их праздничный розовый цвет, и она их иногда покупала.

Мы уже собрались уходить, и тут Аля сообщила, что в столовой леспромхоза пекут пирожки из пшеничной муки, а сегодня туда как раз завезли свежий творог. Мы с бабушкой направились туда. Столовая была пуста: ее в основном посещали вербованные рабочие и обеденный перерыв у них давно закончился. Продавщица дала бабушке большой кулек пышных, еще теплых ватрушек с творогом. Бабушка совсем успокоилась и сказала: «Вот теперь и на стол есть что поставить!» Выйдя из столовой, мы направились к штабелям бревен неподалеку, сели на бревна и стали есть мягкие, душистые, теплые ватрушки. Они были даже вкуснее, чем те, что пекла сама бабушка Анна Афанасьевна. Она сказала, что в столовой и дрожжи лучше, и мука другого помола и сорта.

Мы уже доедали свои ватрушки, когда из-за штабеля выскочила тощая бездомная собачонка. Она несколько раз тоненько тявкнула, легла на пузо и заскулила. Затем, виляя хвостом, поползла в мою сторону. Я от жалости чуть не подавился ватрушкой. Поскольку ел я медленно, у меня оставалась еще третья часть ватрушки, и я уже хотел отдать ее собаке, но бабушка, будто читая мои мысли, подошла и про-

тянула собачонке свою ватрушку. Та схватила угощение и бросилась наутек. Бабушка сказала мне: «Ешь сам, и пойдем. Путь долгий. Устанешь, если будешь голодным».

И хотя мне было всего пять лет, я тогда впервые понял, что для меня делает эта скупая на проявление чувств женщина. Бабушка никогда не говорила, что любит меня, я не помню ее поцелуев — только объятия. Она не рассказывала мне сказок — просто их не знала и, возможно, сама никогда не слышала. Но, будучи уже старой и больной женщиной, она в тот день половину пути пронесла меня на спине. Она обнимала и согревала меня, когда я засыпал в огромной темной избе зимними полярными ночами. Она ни разу не оставила меня ни у каких знакомых, зная, что я буду переживать и искать ее. Я понял, хотя и был ребенком, что в те годы она мне фактически заменила мать.

К вечеру, мокрые и грязные почти до пояса, мы добрались до своего дома. Последний километр пути преодолевали в сумерках, от усталости почти не разбирая дороги, и шли прямо по грязи и лужам. Бабушка несла тяжелый заплечный мешок с продуктами. Иногда она останавливалась, проверяла посохом глубину лужи и входила в воду. Я шел следом, и холодная вода обжигала мне ноги. Едва мы вошли в дом, бабушка скинула мешок и бросилась раздевать меня догола. Затем принесла из сеней огромный медный таз, вытянула крючком из печи горячий медник — двадцатилитровый медный горшок для кипячения воды, на металлических санках. Вылила кипяток в таз, разбавила холодной водой, усадила меня в таз, как в корыто, а сверху стала поливать из ковшика. Тепло разлилось по моему телу. Потом она насухо вытерла меня вафельным полотенцем, одела в теплое белье и шерстяные носки, усадила за стол и налила горячего чая.

Пока я пил чай, она грела свои ноги в том же тазу, добавив кипятка. Тоже выпила чаю, затем достала из шкафа большую бутылку из зеленого стекла, с узким горлом. Я знал, что там у нее хранится чудодейственная настойка на ей одной известной «волшебной» траве. Это зелье бабушка пила очень редко, но оно помогало ей от всех болезней: от колик в животе, от зубной боли, от простуды. Им же она натирала больные суставы. Мне она раньше никогда его не давала. Но в этот раз налила половину маленького стаканчика и заставила меня выпить. Я сделал глоток... Как будто огонь обжег все мои внутренности! Я закашлялся. Бабушка допила за меня из стаканчика остатки настойки и велела мне ложиться спать на теплую печь. Я провалился в сон.

Утром я проснулся от шипения самовара, запаха свежего хлеба и еще чего-то очень вкусного, чего я раньше не пробовал. Бабушка колдовала у печи, яркие блики от пламени делали ее лицо оранжевым. На сковороде шипели блины, в тарелке на столе их была целая горка. Я вскочил и бросился к бабушке. На улице сияло солнце, оно, казалось, хотело попасть в каждое из наших маленьких окон. В избе было

тепло и уютно. Бабушка обняла меня, прижала к себе, а потом отправила умываться.

Так начался мой первый сознательный день рождения.

Челюсть

То утро запомнилось Вовке ярким солнцем в окне, набухшими почками березы, стучащей ветками в стекло, огромными блестящими лужами и еще лежащим местами снегом — весна пришла на Север. Зябко съежившись под тощим одеялом на узкой металлической кровати, стоящей за печкой, Вовка не до конца проснулся. Но стылый воздух из сеней, из-за плохо закрытых дверей заставил его свернуться в комочек, а разухабистое (куда там будильнику!) «кукареку» петуха, предводителя пяти кур, из ящика-курытника, простоявшего всю зиму на кухне, окончательно прогнали сон. Вовка бы еще повалялся и, не выпрастывая рук из-под одеяла, одному ему известным движением ног и тела подтолкнул бы тонкое солдатское сукно под себя, а голову закрыл подушкой — и получился бы почти спальный мешок. Но из черной фибровой тарелки репродуктора (сейчас этот раритет не найдешь и в музее) раздался бодрый голос диктора, объявляя московское время, а затем сразу и новости.

В голове у Вовки тут же промелькнула, как на экране в кино, череда мыслей-картинок.

Первая. Если тарелка вещает, значит, отец в шесть ноль-ноль уже был на работе. Слава богу! Последнюю неделю он держал всю семью в напряжении, каждый день «отмечая» значительное событие в своей жизни. До этого глава семьи полгода откладывал свою инвалидскую «пенсию», а получку и даже «аванец» до копейки отдавал матери. К рюмке не прикладывался. И все ради того, чтобы за эти полгода трижды съездить на попутках в райцентр в поликлинику, к зубному технику. Тот вставил ему пластмассовые зубы, из-за которых рот отца не закрывался. Зато теперь, несмотря на ругань матери, отец всегда довольно скалился и хвастал, что закусывать отныне может даже огурцом, а не только «крошенинкой» — хлебом, размоченным в супе.

На работе он должен был включать аппаратуру в деревенском радиоузле и делал это в любое время года, в любую погоду. Хромая на укороченной с детства ноге, каждый день пешком ковылял три километра по бездорожью и в дождь, и в мороз. Работал без выходных и отпусков, в любом состоянии. «Чтобы сельское население могло вовремя узнавать, чем живет страна!» — так на прошлой неделе сердито наставлял Вовкиного отца председатель колхоза, в очередной раз подкараулив его, нетвердо стоящего на ногах и держащегося одной рукой за ручку двери, а другой на ощупь, без света включающего тумблеры на щите радиорубки. Сразу вслед за стуком упавшего тела председатель услышал: «Пик, пик, пик... Московское время...»

Ремесло радиомеханика, по сельским меркам легкое, но безденежное, — только для инвалида. Деревенские мужики и за дело-то это не считали. Как председатель ни честил Вовкиного отца, как ни угрожал выгнать с работы «к едрене фене», пить отец не бросал. И с работы его не увольняли. Кто пойдет на это место за гроши? Справедливости ради заметим: алюминиевые громкоговорители на столбах хрипели и вещали в деревне все положенное им время.

Вторая мысль, промелькнувшая в Вовкиной голове, была такой: в доме тихо — значит, мать ушла на скотный двор, а младшего брата отвела в детский сад.

Третья... Вовка увидел на стуле рядом с кроватью чистые и выглаженные рубашку и пионерский галстук и вспомнил, что сегодня двадцать второе апреля — праздник, день рождения Ильича.

Вовкино сердце забилось чаще, детское чело нахмурилось. Он вспомнил прошлогодний праздник, и стыд жаркой волной окатил его с ног до головы. Воспоминания были невеселые — хоть в школу не ходи. Раннее детское самолюбие в тот год долго страдало от насмешек товарищей. Но, как говорила покойная бабушка Анна Афанасьевна, «от судьбы да от себя не сбежишь». Идти надо, а то еще что-нибудь похуже выкинет эта самая судьба. И с мрачными предчувствиями Вовка умылся под рукомойником, попытался мокрой ладошкой поправить торчащие на затылке два вихра и пошел одеваться.

Обычно в этот день уроки заканчивались рано. Принаряженные к празднику ученики собирались в актовом зале школы на торжественное собрание, где звучали речевки малышни ко дню рождения дедушки Ленина. Учителя со сцены наставляли своих подопечных опять же словами Ильича: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» Затем все классы, выстроившись по двое, под дробь барабанов с наклеенными заплатами и нестройный хрип трех мятых горнов выходили на улицу, в школьный сквер.

В тот раз хулиганистые старшеклассники нарочно застряли в дверях, создав пробку. Ребята на год-два помладше, кажется, только этого и ждали. И вот уже вихрастые семиклашки, предвкушая толкотню, с визгом кидаются к выходу, словно маленький табунок застоявшихся жеребят, кажется, снося все на своем пути... Но не тут-то было! К двоим старшеклассникам, дрогнувшим под напором малышни, уже присоединился верзила Камоля — трехкратный второгодник, о котором и участковый милиционер, и военрук давно вздыхали: «Такого бы битюга да в армию запрячь! И деревня бы пожила спокойно пару лет...» Камоля, ухмыляясь ртом, полным зубов самоварного золота, подпер своим квадратным задом загородивших дверной проем одноклассников. Первый натиск был отражен. Семиклашки отскочили — Камоля увесистой, как лопата, ладонью отвесил их бритым затылкам

пару звонких затрещин. Но, зло кривясь, только отбежали на несколько шагов и снова кинулись к дверям. Камоля замешкался, повернувшись к нападавшим спиной. Братья-двойняшки, завязтые драчуны, не упустили этот удобный момент и тут же в прыжке лягнули Камолины ягодицы. Верзила хрюкнул от неожиданности и полетел головой вперед на площадку, где его и принял в свои лапищи военрук.

Подобное повторялось довольно часто, так что процедура ликвидации последствий была уже отработана. Вслед за топочущим, летящим табуном седьмых и шестых классов на площадку парами двинулись все остальные. Их взорам открылась красочная и одновременно назидательная картина. Камоля стоял на полусогнутых ногах, так как был на голову выше ростом коренастого, с толстой шеей военрука, бывшего десантника и штангиста, любимца детворы. Всегда загорелое лицо последнего освещала белозубая улыбка. В сжатых квадратных кулаках его вытянутых рук помещались не только ухо, щека и часть носа Камоли, но и все лицо одного из его подельников. Головы хулиганов были прижаты к стене. Виновные не просили о пощаде, не дергались, только из раскрытого рта Камоли стекала струйка слюны. Впрочем, они и не могли говорить, да и дышали-то только носом. Когда последняя пара учеников покинула зал, бузотеры были отпущены со сказанным нараспев северным напутствием: «Не хорошо-о-о, ой не хорошо-о-о, робята! Неладно вы себя ведете...»

Казалось, после такого недоросли должны без сил плюхнуться на пол. Как бы не так! Переведя дух, Камоля подмигнул хватавшему ртом воздух дружку-второгоднику, с диким воплем: «Москва — Воронеж, не догонишь!» — перемахнул через перила, с грохотом приземлился на площадку нижнего этажа и, все так же вопя, понесся вслед за всеми. Военрук побледнел, дрогнул на мгновение, наверняка подумав про себя: «В следующий раз буду держать дольше. Сломал бы этот идиот себе ноги — я бы сел в тюрьму!»

А в это время в садике за школой, у памятника Ленину, учителя выстраивали ребятню в две линейки. Принаряженные октябрята со звездочками на белых рубашках у мальчиков и белых фартучках у девочек были выстроены в первом ряду: они готовились стать пионерами. Напротив них, по другую сторону аллеи, стояли девочки-пионерки, тоже в белых фартуках, но с красными галстуками. Каждая из них держала в руках второй галстук, заранее купленный и принесенный октябренок. Обычно после торжественной клятвы, данной октябрятами, девочки-пионерки повязывали своим подопечным галстуки, а затем все разбегались по домам.

Но только не в тот, злополучный для Вовки год.

Следует заметить, что памятник Ленину, изображавший вождя мирового пролетариата примерно в пятилетнем возрасте, был предусмотрительно поставлен на довольно высоком кирпичном постаменте —

таком, чтобы ребятня не могла дотянуться до верхнего края руками. Но наука отцов-коммунистов не прошла совсем даром для подрастающего поколения. Фраза: «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!» — воспринималась школьниками в прямом смысле. И несчастный памятник штурмовали не только старшекласники, играя после уроков в догонялки, но и малышня — подставляя друг другу спины и влезая на пьедестал. Во время перемен только самый ленивый школяр не тренировал руку, запустив снежком в глаз вождю.

Памятник находился сбоку от школьного здания, в аллейке из берез и чахлах кустиков акации, и педагоги делали вид, что не замечают, чем занимается на переменах детвора. Директор школы периодически устраивал им разнос за недостаток воспитательной работы — в том числе совсем не прозрачно намекая на состояние памятника. Учителя, в свою очередь, периодически вызывали в школу родителей самых отъявленных «снайперов». Но от этого памятник не становился краше. Маленький Ильич стоял с облупленным носом, в облезлых шароварах и больше смахивал на сбритшего усы и потерявшего папаху Тараса Бульбу, чем на пятилетнего ребенка.

Для районного начальства этот памятник был еще той проблемой. Его установили довольно давно — в сороковые годы. Районная строительная артель, ваявшая такие шедевры по формам-трафаретам, лет двадцать пять назад развалилась из-за отсутствия заказов, и поставить новый памятник своими силами не было никакой возможности. А чтобы нанять скульптора и заказать новый в областном центре, не хватило бы бюджетных денег всего поселка. Для начальства у директора был запасен еще один аргумент, объясняющий непрезентабельный вид вождя, а именно — низкое качество старого строительного материала, к которому совершенно не пристают обычные отечественные краски, а только импортные. Под этот памятник директор получал в райцентре два ведра хорошей польской олифы, которую, как рачительный хозяин, использовал потом для покраски пола в спортивном зале. А памятник каждую весну покрывали обычной бронзовой краской на обычной российской олифе. Справедливости ради скажем, что каждый год в день рождения своего прототипа памятник горел на солнце, как начищенный медный самовар.

Каким образом это достигалось — разговор отдельный. Так как денег в школьном хозяйстве постоянно не хватало — и снег весной с крыши скинуть надо, и саму крышу починить, и ремонт за лето сделать, и кочегарку к отопительному сезону подготовить, да мало ли что еще может потребоваться в таком беспокойном хозяйстве, как школа, — директор был вынужден привлекать к работе родителей непутевых чад. Родители исполняли порученное безвозмездно — в качестве шефской помощи и ради положительных оценок по поведению для своих оболтусов. Но были такие дела, за которые даже за деньги никто братья не хотел, не то что бесплатно.

Туалет «свободного падения» почему-то именно к весенним праздникам наполнялся до критической отметки да к тому же оттаивал — и издавал такое амбре, что запахи скотного двора по сравнению с ним казались ароматом духов «Шанель № 5». На первом этаже, в раздевалке, работала Анна Павловна — скромная, тихая, воспитанная женщина. Всю жизнь она отдала школе. Сначала учительствовала, а выйдя на пенсию, уже несколько десятков лет встречала ребятню по утрам, раздевала и одевала, забирая и выдавая пальтишки, куртки и шапки. Когда запахи нужника заполняли коридор первого этажа, она прикладывала к лицу носовой платок, смоченный духами. Этот платок был сигналом директору, на который тот реагировал как бык на тореадора с красной тряпкой. Лицо директора багровело, и в этот день (как будто в другие дни ходил по школе в противогазе) он начинал с утра звонить по телефону во все инстанции, почти везде слыша в ответ или отказ, или неопределенное обещание, а то и грозный рык: «Ты директор, ты и решай!»

И решение приходило — каждый раз примерно одно и то же.

На окраине деревни стоял сарай, громко называвшийся уксусно-химическим заводом. Деревенские звали его просто «уксусный». Работали там два человека, а начальником значился бывший одноклассник директора школы. Заводик выпускал уксус для технических надобностей. Но иногда, для тех же целей, на нем вырабатывали семидесятиградусную, как сейчас бы назвали, спиртсодержащую жидкость. А попросту — древесный спирт, прозванный местными «сучком». Небольшой запас этого зелья всегда хранился в молочной фляге, запертой в сейфе у директора заводика. В «уксусный» и направлялся директор школы, чтобы получить от бывшего одноклассника пятилитровую полиэтиленовую канистру спирта «на хозяйственные нужды».

В этот раз, как и в прежние годы, по дороге с «уксусного» директор зашел в радиоузел. Долго уговаривать Вовкиного отца не пришлось. Опохмелив страждущего радиомеханика чарочкой «сучка», директор нашел в углу порожнюю, толстого зеленого стекла бутылку из-под вина с названием «Биле Мицне». В народе такие сосуды за их размер называли «бомбами» или «голенищами». Аккуратно перелив часть спирта в бутылку, директор заткнул ее пробкой и спрятал в свой бездонный портфель, куда помещалась и канистра. Пообещал расплатиться сразу после выполнения основной работы. А отдельное вознаграждение посулил за гораздо более престижное дело — покраску памятника.

Отец Вовки пошел домой переодеваться в рабочую одежду, а директор с видом генерального конструктора после успешного запуска космического корабля, напевая и не морщась, прошел вонючим коридором мимо раздевалки и Анны Павловны к себе в кабинет.

На телегу водрузили бочку-«говновозку», в телегу запрягли старого школьного мерина, и началась работа, повторявшаяся каж-

дую весну. Ковшом на длинном шесте Вовкин отец вычерпывал содержимое уборной и аккуратно переливал в бочку. Когда последняя наполнялась, отвозил ее в поле, опрокидывал и возвращался... Так он трудился весь день, до глубокой ночи. К утру вонь из уборной исчезла, перебитая запахом хлорки, обильно насыпанной на дно и стенки деревянного сруба туалета.

Рано утром двадцать второго апреля Вовкин отец пришел домой к директору школы. Директор вынес бутылку и предупредил, что пить можно будет только после покраски памятника.

Вовкин отец вытащил из школьного сарая лестницу, прислонил ее к голове Ильича, развел порошковую краску на дне ведра олифой и аккуратными движениями сверху вниз начал красить. Когда половина работы была сделана, а краска в ведре закончилась, он спустился, чтобы устроить перекур, наполнить ведро и отхлебнуть из бутылки. Разводить спирт времени не было, поэтому он глотнул прямо из горлышка. Сначала горячая струя обожгла пищевод, но затем приятно потекла в желудок. Отец свернул «козью ножку», насыпал махры, затянулся... Голова закружилась — сказались ночная работа и отсутствие закуски. Вскоре он уже не помнил, сколько раз поднимался и снова спускался по лестнице, каждый раз отхлебывая. Когда памятник был выкрашен, сил у отца хватило только на то, чтобы спуститься и уронить лестницу в кусты.

Пришедшие в школу учителя заметили и блестящий на солнце памятник, и изменившийся запах в коридоре. Настроение у всех было праздничное. Сияло солнце. Рабочий день обещал быть коротким, и у каждого на него были свои планы. Прошла линейка в зале школы, начался прием в пионеры. Рывкнули с хрипом горны, затрещали барабаны. И вдруг на призыв старшей пионервожатой, стоящей спиной к памятнику: «Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!» — вместо дружного «всегда готовы!» раздалось: «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает!»

Вовка стоял в строю ни жив ни мертв. Из-за памятника поднимался отец, его лицо, как и лицо статуи, было сплошь покрыто бронзовой краской. Девчонки взвизгнули. Отец не удержался на ногах и рухнул. Некоторые из ребят заржали. Пионервожатая поспешно объявила, что линейка закончена. Часть ребят разбежалась, самые любопытные подошли посмотреть на распростертое тело с зажатой в руке бутылкой. Но и они вскоре разошлись. У многих в семьях отцы порой позволяли себе выпить допьяна, некоторые еще и дебоширили.

Вовкин же отец был в жизни тихим, беззлобным человеком. Любил Вовку с братом, мастерил самодельные игрушки и дарил обоим сразу, чтобы никому не было обидно. Летом в жаркие вечера водил сыновей купаться на реку и научил обоих плавать. В воде его увечную ногу не было видно, а сильными руками он владел в совершенстве.

И пьянствовал-то он из-за своего физического недостатка, из-за того что не мог найти нормальную работу, как все деревенские мужики, в лесу или в поле.

Площадка вокруг памятника опустела. Стояла весна, и земля была еще холодной. Сколько времени отец так пролежал до линейки, Вовка не знал. Он хотел приподнять бесчувственное тело, но оно было слишком тяжелым для подростка. Пытался разбудить отца — безрезультатно. Позвать на помощь взрослых Вовка постеснялся, а сбегать за матерью не решился, зная, что, кроме ругани в отцовский адрес, ничего не услышит. Стыд, беспомощность, жалость к отцу и злость на него — все это он испытывал одновременно.

Время шло. Весенний день подходил к концу. И вдруг решение проблемы пришло само собой. Вовка побежал домой, кликнул младшего брата-толстяка, самого сильного в старшей группе детского сада. Схватив легкую кровать-раскладушку, они вдвоем пошли к школе. Пока Вовка переворачивал лежащего отца, младший брат подпихивал под его тело раскладушку со сложенными ножками. Затем Вовка приподнимал один конец раскладушки, а брат разгибал ее ножки. В результате отец оказался лежащим не на земле, а на раскладной кровати. Сгонять за старым одеялом для младшего брата оказалось делом пяти минут.

Отправив младшего домой, чтобы мать не хватилась и не искала их всех, Вовка остался сторожить отца. К вечеру поднялся холодный ветер, и отец наконец пришел в себя и повернулся на кровати. Пружинны противно заскрипели. Вовка растолкал его, и вместе, шатаясь и то и дело останавливаясь передохнуть, они побрели домой...

И вот опять этот праздник!

В этом году отец выкрасил памятник за неделю до торжественного дня. Директор сделал для себя выводы и изменил порядок ремонтно-хозяйственных работ. И что обидно, «аванса» Вовкиному отцу не налил совсем, а «зарплату» выдал разведенную и в мелкой, полулитровой, таре. Затем, как всегда весной, «благовонием» напомнил о себе туалет. С ним Вовкин отец справился за два дня до праздника и, конечно, две ночи ночевал в радиорубке: в одиночку воевал с зеленым змием, а вернее — смаковал вторую поллитровку, на сей раз неразведенного «сучка», растягивая удовольствие.

В день праздника он чувствовал себя скверно. Опохмелиться было нечем, «халтур» с выпивкой больше не предвиделось вплоть до Первомайских праздников. Домой идти было страшно из-за неминуемого скандала с женой. И отец отправился в школу.

К алее с памятником не подходил, прятался в кустах и наблюдал за ребяташками со стороны. Увидел своего Вовку-восьмиклассника, его худую шею, торчащую из воротника купленной на вырост рубашки,

не по годам серьезное лицо. Вспомнил, как сын на днях объявил, что после окончания восьмого класса собирается уехать в город поступать в техникум... И ком подступил к горлу этого несчастного, в сущности, человека, казалось, сделавшего все, чтобы ничего не чувствовать в этой жизни. Слезы потекли по его щекам, молчаливые рыдания сотрясали грудь. У него не было больше душевных сил жить. Обойдя аллею с другой стороны, хоронясь, он зашел в пустую школу через черный ход. Хотелось спрятаться, отсидеться, переждать этот приступ отчаяния. Выворачивающая нутро рвота накатила на него как раз рядом с туалетом. Он блевал в зловонное, накануне вычищенное им отверстие. Затуманенный алкоголем мозг уловил необычный звук упавшего предмета, но отец не обратил на это внимания.

Домой он вернулся поздно вечером, уже трезвым. От жены не ускользнул скрип притворенной двери в боковую комнату. Перед каждым примирением отец возвращался с работы трезвый и несколько дней ночевал отдельно.

Мать, хмурая и неулыбчивая женщина, утром следующего дня за завтраком заметила: «Что-то ты не скалишься сегодня». Отец вскочил как ошпаренный, заметался по комнате, быстро одеваясь. Был еще пятый час утра — родители вставали рано. Разбудил Вовку и зашептал ему в ухо: «Беда, сынок, выручай! Помоги найти зубы, обронил вчера где-то в школе. Да матери не говори — убьет!» Он сам себе боялся признаться, где его зубы, хотя смутная догадка уже начала не просто сверлить мозг, а бить в него отбойным молотком. В кладовке прихватил моток бельевой веревки, заправил керосином давно висевший без дела фонарь «летучая мышь».

Утренняя шустрость отца насторожила мать. Она встала в проеме двери, и уйти от ее прямого, как выстрел, вопроса было невозможно: «Ты зачем ни свет ни заря поднял парня и куда тебя несет нелегкая, пропойная ты рожа?!»

Пряча глаза, отец взмолился: «Степанида! Не мешай ипусти нас, ради бога! Пока детвора в школу не пришла, надо зубы найти, которые я вчерась в школе обронил. А то затопчут! А Вовка мне поможет...» «Обронил? — ухмыльнулась мать. — Ну идите». И освободила проход.

Тут отец вспомнил о подаренном сыновьям в прошлом году детском конструкторе. В нем был большой магнит. Прихватив и его с собой, отец бегом кинулся к школе, Вовка едва поспевал за ним. Они зашли через незапертый черный ход и сразу направились к туалету. Когда Вовка заглянул туда, отец уже поджигал фитиль фонаря, затем опустил его на веревке в дырку. Беззубая улыбка озарила его лицо. В темном вонючем чреве, на дощатом полу, обильно посыпанном хлоркой, белыми зубами кверху лежала его новенькая, блестящая крючками челюсть.

Тут уж сон с Вовки слетел окончательно. Надо было торопиться. Скоро придут ребята, и тогда — прощай, школа! От насмешек не будет жизни ни ему, ни брату, ни всей их семье.

Магнит, опущенный на веревке, не хотел подцеплять челюсть. Тогда отец передал веревку с фонарем Вовке, а сам куда-то убежал. Вернулся он с длинным шестом и с тем самым черпаком, которым два дня назад работал. С трудом, потев от напряжения, они опустили тяжелые «инструменты» в отверстие и подняли драгоценную пропажу. Отец тут же сунул ее в карман брюк.

Старый школьный сторож еще спал в своей каморке на чердаке. Отцу и Вовке казалось, что они покинули здание незамеченными. Они не догадывались, что Анна Павловна появляется в школе раньше всех. Впрочем, откуда ей было знать, для чего они приходили.

Дома Вовкин отец, брэнча ведрами, побежал за водой. Новой мочалкой и хозяйственным мылом он долго тер свою драгоценную находку, раз за разом полоскал, меняя воду, в банном тазу и ушел на работу, замочив ее в чугунке, найденном под печью. Предупреждать Вовку о том, что все случившееся нужно сохранить в тайне, он не стал. Этого и не требовалось.

Вечером, вернувшись с работы, он принес с собой новую зубную щетку и бумажную коробку зубного порошка и долго драил пластмассовую челюсть под струей из раковины. Мать удивилась: «Чего ты стараешься? И так новая...» Отец промолчал. Затем достал из шкафа припасенную на торжественный день — а также на день, когда нечем будет опохмелиться, — бутылку тройного одеколона, вылил ее содержимое в чайную чашку и опустил туда свою челюсть. Мать опять не удержалась: «А не жирно тебе будет? Покойница Анна Афанасьевна, царство ей небесное, считай, два десятка лет зубы на ночь в кипятке замачивала, а ты — в одеколоне! Никаких денег на твои зубищи не напасемся!»

Утром отец гордо вставил челюсть в рот и, не завтракая, с не закрывающимся в улыбке ртом ушел на работу. Из черной тарелки ровно в шесть ноль-ноль Вовка услышал: «Пик, пик, пик... Московское время...»

Вовка поступил в медицинское училище в областном центре. Вечерами подрабатывал санитаром в наркологическом отделении. После окончания второго курса летом трудился в студенческом строительном отряде. На заработанные деньги привез отца в город и пролечил у знакомого врача-нарколога кодированием и иглоукалыванием. И отец бросил пить!

Получив диплом фельдшера, Владимир остался работать в наркологическом диспансере.

На окраине деревни выстроили большую трансляционную телевизионную вышку, куда отца Вовки перед самой пенсией взяли в штат по рекомендации председателя колхоза.

Вовкин брат стал хорошим плотником, после службы в армии вернулся в деревню, выстроил новый дом, женился и живет рядом с родителями.

Следы Камоли затерялись после нескольких отсидок за хулиганство.

Перед выходом на пенсию старый директор школы все же добился, чтобы из райцентра присылали специальный автомобиль для чистки выгребных туалетов.

А памятник Ленину по-прежнему стоит рядом со школой. Лукавил старый директор: из хорошего бетона была отлита статуя. По распоряжению нового, молодого директора памятник красят старшеклассники-акселераты, чтобы своим страшноватым видом он не пугал малышню. День рождения Ленина двадцать второго апреля в школе отмечать перестали.

Яколёвна, Яколёвнушка

Деревня Верхоиковская возвышалась «на угоре» — это на северном, архангельском говоре значит «на холме», — у слияния двух небольших лесных речек. Состояла деревня из четырех домов. В конце пятидесятых годов двадцатого века в ней проживали три старушки с внучатами дошкольного возраста. Деревня, окруженная лесами, а зимой еще и заметенная снегами по самые крыши, имела одну грунтовую дорогу, по которой из центральной усадьбы ходил или гужевой, или автомобильный транспорт — очень редко, да и то проездом. На севере России зачастую пятнадцать — двадцать километров между деревнями и за расстояние никто не считает, а считают эти деревеньки соседними.

Центральная усадьба находилась от Верхоиковской в трех верстах. Но кто те версты мерил? Старики, коих я застал живыми, говорили, что еще в конце девятнадцатого века деревенская дорога именовалась Питерским трактом и вдоль нее стояли крашенные известкой и смолой верстовые столбы. Но когда их в последний раз ставили или меняли, никто уже не помнил. А шутка «Семь верст до небес, да все лесом» жива в северных деревнях до сих пор.

Итак, в деревеньке из четырех домов в шестидесятом году жили три старушки и два внука. Крайний справа, самый крепкий двухэтажный дом принадлежал моей бабушке — Анне Афанасьевне Останиной, по имени моего деда Тимофея имевшей прозвище Тимошина. В следующем, тоже крепком, но одноэтажном доме жила семья старушки Липы. Ее полное имя было Евсклидия, но в деревне все ее звали Липой. У нее было двое внучат, но с ней жил только старший

внук Сергей, мой закадычный деревенский приятель. В четвертом, последнем, тоже крепком, двухэтажном доме жила одна старушка, сестра моего деда, — Мария Ивановна. Ее дочь и внуки жили в центральной усадьбе, где и она часто и подолгу бывала. Так что фактически постоянными обитателями деревни были жители только трех домов.

Третьим домом по порядку была маленькая, неказистая избушка, серая от времени, с какой-то ершистой крышей. Доски кровли («тес» по-северному) были уложены неровно и торчали в разные стороны. Издалека эта избенка походила на нахохлившегося воробья. Наличники двух подслеповатых маленьких оконеч по фасаду, казалось, никогда не знавшие краски, дополняли это сходство. В этом домике жила самая старая из всех старушек — бабушка по прозвищу Яколёвна. Ей в ту пору было больше восьмидесяти лет. Муж ее Яков погиб еще в Первую мировую войну.

Ее избушка не имела рубленых сенеи и скотного двора — обязательных архитектурных составляющих северной деревенской избы. Вместо них был дощатый коридорчик, в котором хозяйка когда-то держала козу и пару овец. Своей коровы, опять же обязательного в крестьянской семье домашнего животного, Яколёвна тоже никогда не имела. Даже по самым скромным меркам деревенских зодчих позапрошлого века называть это строение избой можно было только с большой натяжкой.

Из коридорчика маленькая деревянная дверь вела сразу в дом, где половину светелки занимала беленная известью глинобитная русская печь. В парадном углу под образами стояли деревянный стол, покрытый старой, вылинявшей от времени до неопределенного цвета клеенкой, и две лавки, а справа от двери — деревянная, опрятно заправленная серым суконным одеялом кровать. На кровати Яколёвна не спала, а спала на деревянной лежанке, пристроенной к печи, — голбце. На стене висели, как атрибут технического прогресса, часы-ходики с ржавым жестяным циферблатом без цифр. К цепям этих часов был подвешен маленький чугунный утюг. Вероятно, стандартные гири плохо выполняли свою функцию, и Яколёвна подвесила его, чтобы ускорить движение стрелок. Стрелки этих часов, кажется, соревновались в беге. Яколёвна никогда не смотрела на циферблат своими подслеповатыми глазами, а определяла время по солнцу, по свету и еще по многим природным приметам. Часы ей кто-то подарил, и они ей нужны были, «чтобы тикали», так она говорила. И все понимали, что часы просто нарушают затянувшуюся тишину этой хибарки и скрашивают одиночество хозяйки.

В светелке всегда было прибрано, некрашеный пол выскоблен речным песком, немногочисленные глиняные крынки вымыты и уложены на бок на полке около печи. У кровати на вешалке висели серая ватная фуфайка и старый, в кожаных заплатах зимний овчинный тулупчик с воротником из кроличьего меха. Все пожитки не то что скромно говорили о бедности хозяйки, а как бы однажды стоном-выдохом крикнули о ее нищете — и замолкли на всю оставшуюся жизнь.

И вот в такой избушке, не знавшей ремонта, прожила всю свою жизнь на то время самая пожилая из трех деревенских старушек. Я даже не знал ее полного имени. Все звали ее по северному обычаю то Яколёвной, то Яколёвкой, а то и Яколёвнушкой.

Яколёвна пережила времена самодержавия, Первую мировую войну, в которой потеряла мужа, революцию, коллективизацию, финскую и Вторую мировую войну. Всю жизнь она занималась крестьянским трудом. После образования колхоза работала в нем до глубокой старости, причем за трудодни, то есть не получала никаких денег, а только продукты питания — такая была система оплаты в колхозах. Она одна вырастила дочку, та уехала в областной город, там состарилась, так и не выйдя замуж, стала пенсионеркой и в деревню к матери приезжала нечасто. Говорили, что дочка звала Яколёвнушку жить в город, но та наотрез отказывалась. Фактически Яколёвна всю свою жизнь безвыездно прожила в этой деревне, в этой избушке.

Когда в преклонном возрасте Яколёвна уже не смогла работать, щедрое социалистическое государство рабочих и крестьян назначило ей пенсию — пять рублей в месяц. Яколёвна не знала грамоты. Пенсию она получила после хлопот правления колхоза, и то деньги эти были ей назначены «по утере кормильца», то есть на убиенного еще в Первую мировую войну мужа. Жила Яколёвна скромно, довольствовалась малым. Весной, летом и осенью возилась в маленьком огорожке, питалась тем, что вырастила, да молоком от козы. Колхоз помогал ей, выделяя для козочки сено, а весной мужики пахали плугом ее огорожок. Северные люди умеют помнить добро. Зимой мамыши из соседней деревни и поселка леспромхоза нанимали Яколёвнушку нянчиться с малышкой и расплачивались тем, что кормили старушку. Так почти два десятка лет она работала «нянькой по вызову». Несколько поколений ребятни вынянчила Яколёвнушка.

К моей бабушке Яколёвна относилась очень уважительно. Мой дед, когда еще был жив, годами обеспечивал старушку дровами из леса. Затем эстафету по доставке Яколёвне дров принял его сын, мой дядя, пока не уехал в другое, дальнее село. В северных деревнях без дров жить невозможно — край суровый, зимы длинные и холодные. А в избе должно быть тепло, для этого печи топят два раза в сутки. После моего дяди дрова для Яколёвнушки стал заготавливать наш родственник Иван Федорович. Он жил в центральной усадьбе, что в трех верстах от нашей деревни, имел большую семью с пятью ребятами, большое подсобное хозяйство. Он был искусным плотником и столяром, трудягой — сейчас назвали бы трудоголиком: работал в колхозе и в леспромхозе по двадцать часов в сутки, без выходных и отпусков и слыл отменным хозяином.

Обычно дрова заготавливают в марте, когда снег в лесу становится тверже, покрывается коркой — настом. По насту легче вывозить бревна на лошадях, сани не проваливаются в глубокий снег. В марте

день становится длиннее, и можно больше выполнить работы засветло. Но в том году весной по неизвестной причине Иван Федорович дров Яколёвнушке не привез. Потом наступило лето, и необходимость ежедневно топить печь отпала.

Тихим и жарким июльским вечером Яколёвнушка кормила своих кур. Вдруг звенящую тишину забытой всеми деревеньки нарушил рокот автомобиля. Грузовик подъехал прямо к избушке Яколёвны. Из кабины вышли Иван Федорович и водитель. Открыв деревянные борта грузовика, они принялись скидывать на землю тяжеленные сырые сосновые чурки. Пот струился по их лицам. Яколёвнушка, причитая и рассыпая хвалы Богу и благодарности, вынесла работникам медный ковшик холодного квасу, при этом виновато сказав: «А бражки-то и нету-у-у...» Водитель махом осушил ковш, Иван Федорович отказался. Яколёвна, поманив крючковатым пальцем Ивана Федоровича во двор, достала из кармана передника узелок из носового платка и дрожащими руками развязала его. В узелке оказался новенький, предательски хрустящий на всю деревню зеленый трешник — банкнота номиналом в три рубля. Эти деньги были всей наличностью Яколёвны, целым состоянием, почти месячной пенсией. Трясущимися пальцами, с беззубой улыбкой она протянула Ивану Федоровичу свою единственную на сегодняшний день ценность, при этом нараспев произнося: «Храни тя Господь, Иванушко Федорович, прими за труды свои...»

Необычность ситуации состояла в том, что ни мой дед, ни дядя, ни сам Иван Федорович денег за дрова с Яколёвны никогда не брали. Край наш лесной. Дрова для нужд колхозников выписывали «попенно»: после рубки деревьев лесничий, такой же деревенский мужик, считал пни и назначал небольшую оплату, доступную всем, в соответствии с законом. Свой труд по раскряжевке бревен и колке дров мужики просто дарили Яколёвне. Вывозили бревна из лесу на колхозных лошадях, тоже бесплатно для колхозников. Так десятки лет и Яколёвна получала дрова.

А вот нанять автомобиль считалось дорогим удовольствием. Машины для вывозки бревен были только в леспромхозе, где на этом зарабатывала приезжая шоферня. Расплатиться с ними можно было, выставив им две бутылки водки, это примерно шесть рублей — огромные деньги для неимущих старушек.

Почти девяностолетняя Яколёвнушка наверняка втайне надеялась, что Иван Федорович откажется от ее трех рублей. Но в этот раз был особый случай. Иван Федорович нанял машину и должен был расплатиться с водителем. Он взял драгоценный трешник и тут же отдал его шоферу. Скривив потную рожу, водила тихо матюгнулся, но вовремя посмотрел на Ивана Федоровича — и умолк под твердым взглядом нашего родственника. Водитель был из приезжих, но знал Ивана Федоровича, его непререкаемый авторитет бригадира вальщиков леса, знал, что даже директор леспромхоза здоровается с бывшим

фронтником-разведчиком только за руку. О физической и нравственной силе Ивана Федоровича, о его справедливости и честности в ближайших деревнях ходили легенды. Вероятно, перед вывозом дров они с шофером договаривались о большей сумме, которой в данный момент ни у кого не оказалось...

Водитель молча хлопнул дверцей и укатил. А Иван Федорович, как будто ничего и не произошло, принялся таскать чурки и укладывать их в штабель для просушки.

Спустя несколько дней Яколёвна зашла к нам во двор. Бабушка пригласила старушку в дом, но та отказалась и несмело начала бесхитрое повествование: «Намедни Федорыч-то неожиданно дрова мне привез, охорони его Господь! А сегодня я была в сельпе, за спичками ходила, а он проезжал мимо крыльца сельповского на телеге. Я ему: “Доброго здоровьёшка, Иван Федорыч!” А он головой кивнул да как лошадь понюжнет! Да и укатил, подняв пылишшу! Обиделся, наверное. Мало денег-то я ему дала...»

Бабушка дипломатично промолчала.

«Наверное, пятерку денег-то надо было дать, — продолжала соседка, — а у меня только трешник от пензии-то и остался».

Бабушка опять промолчала. Иван Федорович был мужем племянницы моего деда. По северным понятиям — очень близкий родственник, поступки которого бабушка не могла обсуждать, какими бы они ни были. Многих в деревне Иван Федорович снабжал на зиму дровами. Но тут он вынужден был заплатить водителю-чужаку свои деньги. Причем заплатить не за родственницу. Обе старушки это понимали.

Яколёвна говорила, а бабушка молчала. Яколёвна пришла получить моральную поддержку, совет от своей ближайшей соседки. Наверняка ей хотелось выговориться, освободить душу от терзавших ее сомнений и чтобы бабушка одобрила ее действия. Яколёвна продолжала: «Я со следующей пензии подам ему еще два рубля... Но рубли давать как-то неловко. Мало как-то... Подам еще один трешник. Но опять же шесть-то рублей — это мно-о-ого, больше пятерки-то... Была бы пятерка-то сразу, сразу бы и подала. А то вот, осрамилась...»

Бабушка молча порылась в кармане своего передника. Извлекла оттуда такой же, как у Яколёвны, узелок из носового платка. Кошельков эти старушки никогда не имели. Развязала узелок, помогая себе зубами, так туго он был завязан, извлекла из него звенящую мелочь и помятый старый трешник и протянула его соседке: «Возьми, Яколёвнушка, и отнеси Ивану Федоровичу. Не надо ждать целый месяц. Скоро август, дожди, надо печь топить, а у тебя дрова-то не колоты».

«Ой, да что ты, Тимошина! Да сама-то как?» — запричитала Яколёвна.

«У меня внук на лето приехал, а с ним пятерку денег дочка послала, так что проживу, — отвечала бабушка. — Бери и отнеси Федоровичу».

Непродолжительный диалог, свидетелем которого я был, закончился. Яколёвна, несмотря на то что день клонился к вечеру, быстро собралась и по тропинке юрко засемила своими короткими, кривоватыми, покрытыми выпуклыми синими жилами ногами, чтобы протопать три версты и отдать злополучную трешницу Ивану Федоровичу. По пути она шепотом благодарила Бога за доброту соседки и ее родственника.

Через пару дней вся деревня снова услышала шум автомобиля. На этот раз все жители деревни высыпали на улицу. Вечерело, но солнце летом на Севере светит долго — полярный день. Машина подъехала к дому Яколёвны. Из кабины выскочил тот же водитель, молча, открыв борта, принялся сваливать чурки. Ивана Федоровича с ним не было. Обычно одной машины дров не хватало, чтобы прожить зиму в тепле. Но Яколёвнушка о второй машине дров и не мечтала, а что самое главное — и не договаривалась. Она, как всполошившаяся курица-наседка, бегала вокруг грузовика, хлопала себя руками по бокам и возмущенно кудахтала. «Мил человек! Да что ж ты творишь-то! — причитала она. — Да нету у меня больше денег-то!.. Да чем же я с тобой расплачусь-то... Аспид ты этакой!..» Ее негодование было совершенно искренним. «В жизни в долгах не хаживала, а тут срамота-то какая-а-а!» — чуть не плача, голосила Яколёвнушка.

Водитель продолжал кидать тяжеленные, смолистые, свежие сосновые чурки.

Бабушка молча подтолкнула меня: помоги, мол. Для меня, мальчишки, эта работа была как интересная игра. Вслед за мной в кузов неуклюже влез мой приятель, полноватый Сережка. Смеясь и дурачась, мы вдвоем довольно быстро скатывали чурки. Машина опустела.

Яколёвнушка немного угомонилась и вынесла шоферу квасу. Осушив ковшик, тот сказал ей: «Успокойся, мать! За все уже заплачено». Хлопнул дверцей и укатил восвояси. Так мы никогда и не узнали, как расплатился с водителем за дрова Иван Федорович. Но старушки больше не обсуждали между собой этот вопрос.

Некоторое время спустя Иван Федорович приехал и расколол все подсохшие чурки. Работал он колуном и топором сноровисто, до поту, несколько вечеров подряд. А мы всей деревней укладывали дрова в длинные, невысокие белые поленницы под навесом и вокруг избушки.

Через год моей бабушки не стало. Она приехала к нам в гости в Архангельск и умерла здесь — неожиданно, мгновенно — от остановки сердца. Вероятно, у нее был инфаркт миокарда.

Позже, уже работая врачом, я узнал от деревенских жителей, что Яколёвнушка жила в деревне почти до столетнего возраста. Потом она ослепла, и престарелая дочка забрала ее на жительство в город. Там Яколёвнушка пережила и свою дочь, та умерла раньше нее. Дальнейшая судьба этой старушки мне неизвестна.

Виктор КОВРИЖНЫХ

КРОТКИЕ ОГНИ

* * *

На западе — запад, на севере — север.
У тихих берез чисто выкошен клевер.

Посадит картошку мужик в огороде,
затем урожай увезет на подводе.

Ты выстрелишь словом — и сдвинутся своды,
и, смысл утерев, заплутают народы.

Но только картофель взойдет в огороде,
все встанет на прежнее место в природе.

Метель

Мгла и ветер которые сутки!
Не бывало такого давно:
Разыгралась метель не на шутку,
Хлещет хлопьями снега в окно,

Так кружит, хмарь вздымая клубами,
Словно в этих метельных кругах
Заблудилась бездомная память
О безвестно пропавших в снегах.

То и дело во мраке окрестном
Чьи-то тени сквозят меж ветвей.
Сунешь руку в метель — и воскреснет
Зябкий голос, неведомо чей.

И ознобом, восставшим из праха,
Продерет и внезапно качнет
От глубин первобытного страха
До ослепших от скорби высот!..

Так тревожно, и нету покоя,
Не отыщешь в Заветах ответ,
Словно в мире случилось такое,
Чему даже названия нет.

Элегия
(В вымирающей деревне Мамонтово)

...Дворик, заросший бурьяном,
птичьих свистулек горсть.
В этом краю деревянном
я опоздавший гость.

Мохом покрытые крыши,
в землю осели углы.
Ветер чуть слышно колышет
скорбную крону ветлы.

Сумрак вечерней печали,
кроткие тают огни...
Будто здесь век не звучали
юные звонкие дни,

словно здесь горе приснилось
в прошлых провидческих снах...
Память моя заблудилась
в прожитых мной временах.

Полны прощального блеска
тусклые стекла в пыли,
на лубяных занавесках
сказок цветы отцвели.

Смутный предания воздух
зябко сквозит из дверей,
и совпадает их возраст
с возрастом грусти моей...

* * *

Тихий ветер вечернего поля,
на душе так светло и легко,
братья: Гена, Сережа и Коля —
мимо дома идут моего.

Вот прошли палисадники улиц,
вот проходят речной пережат,
вот на холм поднялись, оглянулись,
помахали рукой, улыбнулись
и ушли в невозвратный закат...

Есть, наверное, память иная,
что живет над селеньем любим
и, чего мое сердце не знает,
языком объясняет своим:

тихим ветром, и шелестом листьев,
и виденьем за ветхой избой
с голосами далеких и близких,
что когда-то здесь жили с тобой.

Всхлипнет ветер, как птица в тумане,
и предстанет, что было в былом:
мама вяжет носки на диване,
чинит лампу отец за столом...

Наталья ДРАГАН

ОПАСНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ

Р а с с к а з ы

«Прощай, Париж, я улетаю в Лондон!..»

Все новости дома престарелых первым всегда узнавал Мишка. Как на работу, он приходил на проходную и сидел там часами, пока ребят из их психоневрологического отделения не собирали в столовую. Он очень любил первым встречать стариков, приезжающих на проживание, важно провожал растерянных поступающих в приемное отделение, рассказывая о прекрасной жизни в усадьбе и выспрашивая интересные подробности их судеб. Попутно интересовался ценами на рынке, погодой за забором интерната и непременно рассказывал, что живет он в усадьбе давно, болеет «гофренией», или как ее там, мечтает научиться писать и вернуть дееспособность, чтобы найти маму, которая его стесняется и совсем не приезжает, хотя он ее ждет на проходной каждый день.

Когда в усадьбе появился Моргунов, его тоже первым встретил Мишка. Оглядев пожилого мужчину в летной куртке, схватил его дорожную сумку и, не отрывая от новичка восхищенного взгляда, повел его длинным путем оформляться.

Передав Моргунова в руки медиков, Мишка поспешил сообщить интересную весть всем.

— Ура-а-а! У нас теперь летчик будет! Летчик приехал! — выкрикивал он восторженно, останавливаясь в каждом отделении. — Настоящий! Он мне значок парашютный подарил, смотрите!

Мишка выпячивал грудь, на которой, действительно, красовался блестящий парашютик с номером 25. Он, улыбаясь, тер его кулаком, любовался, оттопырив футболку, и бежал с криками «ура» дальше по интернату.

Через полчаса вся усадьба уже говорила о новом проживающем в потерянной летной куртке. Все хотели его увидеть, познакомиться, пообщаться. Некоторые даже потянулись в сторону карантинного отделения, чтобы посмотреть на новенького и узнать подробности.

— Ну, не знаю... — высказывался дед Василий в курилке. — Неизвестно еще, что этот летчик за птица. И почему ему приспичило жить в интернате — что он на дом-то себе не налетал?

— Эт смотря какой летчик, — не согласился с ним сосед по комнате — Офицеров. — Ежели военный, дык может и израненный быть, инвалид... — Он затянулся аккуратно свернутой, тщательно облюбованной самокруткой. И подытожил, выпуская густой вонючий дым: — Вот определят его на прожитье, тогда и узнаем. Чего гадать?

Моргунов не был инвалидом и вообще отличался от всех поступавших обычно стариков. В свои шестьдесят восемь он был крепок здоровьем и настолько в здравом уме, что вызвал зависть даже у принимающего доктора. Почему этот человек решил, что не может справиться с жизнью самостоятельно, и приехал в интернат, было интересно всему персоналу. Да, он одинок и уже не молод, но ведь не немощный старик! Отнюдь: осанистый, широкоплечий пожилой мужчина с кудрявым чубом и щедрой улыбкой на широком лице, которое трогало своей открытостью и молодых медсестер, и проживающих стариков. А свой единственный костюм Моргунов носил так, что, зажмурившись, можно было воочию увидеть его в форме бравого летчика, невзирая на возраст и седину на висках.

Новенький объяснил свое решение тем, что ни жены, ни своего жилья у него нет, так сложилось, а с родственниками он не ужился. Ну а почему бы, собственно, ему и не переехать в интернат? Возраст пенсионный, «ветерана труда» заработал, пенсия приличная — имеет право и пожить на всем готовом.

Моргунов постоянно со всеми шутил. Его присказка «Прощай, Париж, я улетаю в Лондон!» заставляла старушек улыбаться и краснеть.

— Ну надо же, какой дед поступил! — делились между собой дежурные медсестры. — Давно пенсионеров-военных у нас не было. Одно удовольствие с такими работать.

— А вы слышали, сколько он пережил?! Сколько всего перевидал! Одно слово — герой. Но какой простой, светлый!

— Вот сколько раз замечала: чем человек значительнее, тем он проще в жизни. Классный старик!

Поселили Моргунова в отделении «Активное долголетие», в комнате со спокойным и неконфликтным Кузьмичевым. Тот первым из

проживающих узнал, что Моргунов служил в военной авиации и часов налетал немерено, что пришлось ему побывать в беспокойных точках, — и, естественно, расспросил об интересных подробностях военной летной службы.

Старик Кузьмичев радовался такому соседству. Старался соответствовать Моргунову. По утрам стал вместе с ним делать зарядку, за компанию обливался холодной водой, даже предлагал свою помощь, когда Моргунова просили что-нибудь починить: оказалось, что летчик с любой техникой на «ты».

Многое изменилось в отделении с появлением нового проживающего. Все как-то оживилось, подтянулось. Новенький быстро стал популярен. Постоянно вокруг него собирались компании, слышались смех, шутки, песни.

Он подружился даже с бабой Марусей, а эта гордая женщина после смерти мужа никого не впускала в свою жизнь. Она считала, что все лучшее, что могло, с ней уже случилось, а теперь, в таком возрасте, любое проявление беспечности и, не дай бог, увлеченности — не что иное, как пошлость, слабохарактерность и оскорбление памяти ушедшего. Одним словом — баловство. О душе надо думать.

Высокая, сухая, с непременным шарфиком на шее и мелкой химией на коротких жидких волосах, крашенных басмой, баба Маруся напоминала строгого школьного завуча, коим и являлась до самой пенсии. Душилась она подаренными еще на работе в школе духами «Белая сирень», аромат которых от времени утратил былую свежесть и превратился в приторно-сладкий дурман.

Познакомившись с Моргуновым, баба Маруся долго противилась проснувшимся вновь чувствам и скрывала свою симпатию. Старалась не встречаться лишней раз с летчиком в столовой и телевизор смотрела исключительно в своей комнате, перестав посещать коллективные посиделки в холле. Но когда он приглашал прогуляться по саду, ее угловатое старое тело обретало былую легкость, морщинки разглаживались и она улыбалась, благоухая сиренью, как поздняя весна перед знойным летом.

Вскоре все в усадьбе знали, что военный летчик, почти герой Моргунов ухаживает за неприступной бабой Марусей. Ей втайне завидовали. А он скажет так залихватски: «Прощай, Париж, я улетаю в Лондон!» — и уводит ее в сад, накинув себе на плечи летную куртку, которая ему безумно шла. Идут по тротуару под ручку, разговаривают. Моргунов, как мальчишка, забежит вперед и, вышагивая лицом к любимой, вдруг громко и раскатисто начнет декламировать Тютчева, жестикулируя, размахивая руками, глядя в ее улыбающиеся глаза и совсем не опасаясь упасть:

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, спрошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Потом, переполненный эмоциями, целует её руку и, нежно обняв за плечи, тихо читает стихи о любви почти шепотом, почти на ухо, и от этого замирает у обоих сердце и покрывается мурашками спина, как в юности. Хотя нет, в юности было по-другому, естественно, а вот теперь, когда, казалось, подобное уже невозможно, каждое свидание волнует во сто крат сильнее. Каждая мурашка дорогого стоит.

Прошел год. К этому времени половина интерната щеголяла «моргуновскими» поговорками и пересказывала его геройские рассказы, а Моргунов с бабой Марусей решили пожениться, чтобы жить в одной комнате. Конечно, старушка с трудом решилась на такой серьезный шаг, но терпеть пристальное внимание проживающих к их с Моргуновым бурно развивающемуся роману было выше ее сил. Любое прикосновение друг к дружке во время прогулок тут же становилось темой для обсуждений. Уединиться возможно было только у одного из них в комнате, если соседи, войдя в положение, предоставляли такую возможность, — что тут же подмечали любопытствующие. Устав от накала эмоций и всеобщего внимания, Моргунов сделал бабе Марусе предложение, которое та, взвесив все за и против, благосклонно приняла, предупредив, что фамилию, с которой прожила большую часть жизни и сроднилась, менять не намерена.

В отделении начали готовиться к свадьбе. Соседки крутили из кальки, проволоки и гофрированной бумаги цветы для украшения холла. Баба Маруся заказала швее бежевое платье в пол со вставками из кружева, которое они купили с Моргуновым в новом дорогом магазине, там же, где и рубашку для летчика. Написали заявление в загс. Назначили дату, даже посмотрели большую, светлую комнату, подготовленную специально для них.

И вдруг к Моргунову явился гость.

— К «Парижу» брат приехал! — кричал Мишка, как всегда торчавший на проходной. — Брат! Родной! Взаправдашний!

Откуда он взялся? Зачем?..

Всего сутки погостил брат в усадьбе — и жизнь перевернулась.

Оказалось, что Моргунов не военный летчик. И даже вообще не летчик.

Всю свою жизнь он был электриком в колхозе «Путь Ильича». Хорошим электриком. Были в его жизни женщины, много женщин,

но ни одна не осталась с ним. Было много вина и много лжи. Жизнь прошла не так, как хотелось.

Однажды проснулся Моргунов поздно вечером с глубокого похмелья в пустом отцовском доме. Позвать бы кого, да никто не придет: разогнал всех, кого можно было, а кого нельзя — те сами ушли из его жизни. Один он. Обошел пятистенки, не зажигая света. Остановился у рамки со старыми, выцветшими фотографиями. Свет от окна падал на улыбающегося деда. Рядом в тени оставались отец и младший брат Петька. Их не было видно, но они были там и осуждали его, Моргунов это знал. А ведь он сейчас, наверное, одного возраста с дедом на фото...

— Не смотри на меня так, — вслух сказал Моргунов, глядя на чубатого старика в кирзачах. — Я сам уже дед... вернее, был бы уже давно дедом, если бы...

Он осекся и, замолчав, покачал головой.

— Нет у меня внуков и детей нет. Пустой я, дед. Пф-ф-ф! — шумно выдохнул он, опершись руками о стену, прогоняя дурноту. — Пустой, и жизнь моя пустая и бесполезная.

В тишине осуждающе тикали отцовские ходики.

Моргунов усмехнулся:

— Подвел я вас, мужики. Но не перечеркнешь ведь да набело не перепишешь. Года уже не те. Поздно. Нету у меня в этой жизни ничего. И не держит меня здесь никто.

— Петька! — погладил он в сумерках фотографию там, где должен был стоять брат. — Забирай мою половину дома! Дарю. Уезжаю я. Да... Уеду туда, где меня никто не знает. Я решил. Буду жить так, как всегда хотел, как загадывал. Хорошо буду жить, по совести. Слышишь, дед? Может, не поздно? Как думаешь? Не умирать же еще! Может, успею?

Наутро Моргунов был трезв и полон сил, даже помолодел. Теперь у него все будет по-другому! Он все придумал. Оформил документы в лучший интернат для пенсионеров, полностью сменил гардероб и написал завещание на свои полдома в пользу младшего брата. Достал из шкафа старую летнюю куртку, забытую соседом, и отправился в новую жизнь.

Одного не мог предугадать Моргунов. Не захотел мириться Петька с тем, что старший брат живет в богадельне, даже очень хорошей. Вот и приехал его вернуть. Благими намерениями, как говорится...

Моргунов не сбежал, оказавшись разоблаченным. Свадьба у них с Марусей. Полюбил он. Другая жизнь у него, назад не вернуться. Ему теперь все и исправлять. В который раз в жизни ему опять все исправлять?!

Усадьба гудела, как улей. Все были в шоке.

Баба Маруся молчала, поджав губы, и ни с кем не разговаривала. Плохой знак.

— Марусенька, ты прости меня! — нарушил ее одиночество Моргунов.

— Нет-нет! Даже не начинайте! — выставила вперед руки баба Маруся, словно защищаясь. — Я не знаю вас, Моргунов, совершенно не знаю, как выяснилось. И Моргунов ли вы вообще? Вот зачем вы все это придумали? Нагородили огород из подвигов, куртка эта дурацкая... Ненавижу вас! Вы же не ребенок. Вы вообще в своем уме?! Как можно взять и украсть целую жизнь? Хотя что-то в ваших словах было правдой?.. Хотя какая теперь разница? — сказала она потухшим голосом. — Все кончено. Уходите. Не нужны мне ни вы, ни ваша правда. Какой позор на старости лет!

— Правда в том, что ты нужна мне, Маруся, понимаешь? И у нас будет семья, настоящая! Это правда. Семья, которой у меня никогда не было. Правда, что ты мне очень дорога и я хочу быть с тобой до конца, до последнего вздоха. Это и есть правда. Да, я соврал... И я не знаю, как теперь быть. Как все исправить?

— Опять ты все врешь, — баба Маруся перешла на «ты». — Не хочу видеть тебя, никогда не хочу слышать о тебе, никогда! Уходи...

Она заплакала и вытолкала его за дверь.

Прощаясь, братья долго разговаривали. Моргунов исповедовался, как в последний раз, как перед священником, и впервые в жизни не лгал. Тяжело давалась ему эта правда. Потeya и заламывая руки, он каялся в обманутых надеждах и причиненных обидах. Вспоминал имена, события, поступки и даже тайные мысли, выворачивая свою жизнь наизнанку.

— Ты не приезжай ко мне больше, — попросил он, напоследок обняв Петра. — Не надо. Забудь. Нет у тебя больше брата. Живи так, чтобы не пришлось потом, как мне, на старости лет голову пеплом посыпать, глаза от людей прятать. Я же ведь не просто любви настоящей лишился, понимаешь? — потряс он младшего за плечо. — Я жизнь свою потерял...

Баба Маруся так и не захотела больше разговаривать с Моргуновым, как он ни пытался вымолить у нее прощение. Стала часто ходить в церковь, почти ни с кем не общается.

Моргунова вскоре после отъезда брата перевели в другое отделение — «Милосердие». Он больше не шутит. Мгновенно состарился, похудел, осунулся. Лежит, уставившись в стену, и даже телевизор не включает. Стал путаться во времени, реальности и вымышленном мире. Никого не узнает.

В интернате больше о нем не говорят и не вспоминают его геройские рассказы.

И только кто-нибудь из психоневрологического отделения нет-нет да крикнет по старой памяти в холле:

— Прощай, Париж, я улетаю в Лондон!..

Обманная любовь доктора Нехлюбова

Когда именно он обманулся, Нехлюбов так и не смог себе ответить честно. Он боялся сейчас анализировать свои поступки и тем более чувства, отгонял воспоминания, чтобы не мучиться сомнениями. Все уже произошло. Главное теперь было перетерпеть свалившиеся на него напасти и пережить это личное горе, стараясь принести как можно меньше тревог своей семье — единственным по-настоящему родным людям. Хорошо, что им не сообщили. Если бы Лена узнала, что он попал в реанимацию, непременно примчалась бы в больницу. Стала бы каждый день носить свои бульоны, плакать, заставляя его переживать унижительное чувство беспомощности, стыда и вселенской вины. Он боялся признаться себе в том, что она оказалась права, а видеть этому подтверждение в ее глазах, да еще лежа на койке облаченным в больничную пижаму, было бы для него невыносимо.

Когда доктор оказывается на койке в своей же клинике, процесс лечения обрастает массой сложностей. Всезнающий пациент утомляет лечащего врача непрошеными советами, замечаниями и опасениями. Поэтому, когда консилиум заговорил о выписке, все вздохнули с облегчением.

Пенсию выздоравливающему Нехлюбову оформили досрочно, медицинскую карту и анализы он проверил самолично, сам же оформил выписку из стационара, шлепнув печати у главной медсестры, вместо пижамы надел медицинский халат — и вновь перешел на сторону врачей. А то залежался.

В ординаторской бывшего заведующего хирургией встретили неоднозначно. Кто-то желал ему скорейшего выздоровления, кто-то радовался освободившемуся наконец месту, шушукаясь по углам. Весть о том, что Нехлюбов сразу после выписки уходит на пенсию, быстро разлетелась по отделению. Медицинские сестры, тайком смакуя последние сплетни, опускали глаза, стараясь не встречаться взглядом с уже бывшим начальником, коллеги не задавали вопросов из деликатности. В конце концов, это его решение, имеет право.

Попрощавшись со всеми, Нехлюбов попросил ординатора Сережу отвезти его на вокзал. Не задерживаясь у дежурного поста, он передал ему сумку с вещами и покинул клинику.

— Сережа, вот тебе ключи от моей машины, передай, пожалуйста, моему сыну, — попросил Нехлюбов, как только сел в «москвич» ор-

динатора. — Скажи ему, что доверенность я оставил в бардачке. Там еще кое-какие документы и немного денег. Пусть заберет машину по адресу... — Нехлюбов замолчал и нахмурился. — Ну, он, впрочем, догадается.

— Вашу «семерочку» новенькую? Сыну отдаете? Ничего себе подарочек! — присвистнул ординатор. — Хотя... — Он внимательно посмотрел на осунувшегося доктора. — Вам, похоже, долгое восстановление предстоит. За руль, во всяком случае, еще не скоро. А вы надолго уезжаете?

— Надолго, Сережа. В клинику точно не вернусь. Так что работай, оперируй, я постараюсь быть в курсе твоей практики. Не бойся серьезной работы, не сиди на мелочах, иначе так ничему и не научишься.

— Не знаю, Илья Николаевич... Нет у меня вашей смелости. Я боюсь так, как вы, братья за любой случай.

— А при чем тут смелость, Сережа? Смелым может быть разведчик, солдат, летчик-испытатель. Все эти люди рискуют своей жизнью, своим благополучием во имя какой-то высшей цели. Но «смелый» хирург достоин только осуждения. Он не должен рисковать жизнью пациента, это недопустимо! Не надо такой «смелости». А вот мгновенному принятию решений и столь же быстрому их осуществлению ты должен научиться, потому что медлительность хирурга плохо кончается для больного. Читай, Сережа, труды старых хирургов. У них многое можно почерпнуть. Очень полезный опыт, особенно у земских докторов. Просто клад. Не стесняйся учиться, — улыбнулся Нехлюбов.

— Куда вы все-таки сейчас, Илья Николаевич?

— Не скажу, дружок, пока не могу ничего сказать. И моим там тоже ничего особенно не рассказывай. Просто выполни поручение, договорились?

Не хотел Нехлюбов, чтобы кто-нибудь, особенно его близкие, знал, что он сбежал в дом престарелых. Спрятался от пересудов, злобных взглядов и бесконечных сплетен. Не готов был пока разговаривать с родными, принимать очередное решение. Это он обманулся, его жизнь рухнула, теперь ему нужно было подумать, как быть дальше. Ему сейчас просто физически необходимы были покой и уединение. Но не в монастырь же идти, в самом деле! Скитаться по съемным углам тоже не хотелось, а этот интернат он сам инспектировал в прошлом году в составе общественного совета — отличный вариант, да и в голову никому не придет искать его в подобном заведении.

Персонал интерната был крайне удивлен и обескуражен: никто не ожидал, что известный хирург, к которому ехали лечиться со всей области, вдруг окажется в доме престарелых.

— Он же не старый еще, — шептались в приемном отделении медсестры. — Чего это вдруг?

— Инфаркт он перенес, вот выписка из стационара, — пояснила, перелистав медицинскую карту, принимающий доктор. — И вообще, что за разговоры? Приехал человек — значит, ему это надо. И чтобы не было никаких сплетен! — приструнила она сестер. — Может, ему нужно время для восстановления вдали от родных, или он сменить обстановку хочет, кто знает...

Первый месяц Нехлюбов и правда прожил затворником, насколько это было возможно. Из комнаты выходил редко, с соседями по этажу почти не общался, в мероприятиях не участвовал. Но узнавания все же избежать не удалось. Слухи о том, что теперь в усадьбе живет известный хирург, разнеслись по интернату мгновенно. И потянулись к Нехлюбову посетители из всех отделений — «посмотреть» да «только спросить». Целые очереди у его дверей выстраивались.

Поначалу Нехлюбов всех выпроваживал, посылая цензурно, но подальше. После недели устных отказов приклеил на двери своей комнаты листок, где большими, кричащими буквами написал: «Я НА ПЕНСИИ. Больных и страждущих не принимаю. Я ТУТ ЖИВУ!»

Однако это не принесло доктору ни покоя, ни душевного равновесия. Нехлюбов почти не спал, неделями не менял белья, не брил появившейся, почему-то седой, бороды, бродил по территории усадьбы, словно тень, шараясь от других проживающих и внимательного персонала.

Все же бывали дни, когда в его глазах появлялся блеск надежды, и, словно обуреваемый какой-то идеей, он шел к директору интерната, просил разрешения воспользоваться «восьмеркой», уверенно набирал номер с кодом родного города... И растерянно нажимал на рычаг аппарата, как только слышал на том конце знакомое «алло». Потом он стыдился своего поступка, корил себя, но желание услышать любимый голос пересиливало здравый смысл, и он снова крутил диск телефона...

После нескольких месяцев добровольного затворничества Нехлюбов заскучал. Не привык он бездействовать. Стал выходить вечерами к телевизору и даже проконсультировал нескольких соседей, получив от этого неожиданное удовлетворение. С тех пор доктор взял себе за правило каждое утро после завтрака, гуляя по аллее вокруг усадьбы, наблюдать за проживающими. Он делал пометки в тетрадке в клетку, а потом, проанализировав их, наносил визиты, проводил осмотры и назначал лечение.

— Тебе, Валентин Петрович, так долго валяться уже ни к чему, — наставлял он вечно жалующегося соседа. — А вот несколько се-

ансов электрофореза вот с этим лекарством, — передал он больному листочек с названием, — не помешают. Так что вставай каждое утро и шуруй в физиокабинет, там тебе все сделают, я напишу назначение. А если будешь продолжать валяться, скоро сядешь в коляску. Выбирай.

Надо ли говорить, что после такого внимания к соседям Нехлюбов стал самым уважаемым человеком в усадьбе? Каждый пытался сделать что-нибудь приятное хорошему доктору. С расспросами никто не лез, но все видели, что человек мается в душе, плохо ему. И такую хворь электрофорезом не прогонишь.

— Мы все уязвимы, когда речь идет о любви, — сказал Нехлюбову как-то после осмотра старик из отделения «Милосердие». — Ты, доктор, правильно выбрал место для излечения. Тут вся земля пропитана воспоминаниями, не ты первый плачешь о несбывшемся. Место тут такое — наплаканное.

— С чего вы решили, что я плачу о любви?

— А тут и решать нечего. Счастливых людей здесь не сыщется ни одного, они там, — старик махнул рукой, — за забором. Ты успокойся, прислушайся. Правильное решение найдется.

— Илья Николаевич, а хотите, я вам город завтра покажу? — скрипя колесами и отталкиваясь единственной ногой, подъехал инвалид Костя. — Вы же не боитесь пеших прогулок? Не смотрите, что я на коляске, я все-все в городе знаю! Погуляем?

— А покажи-ка ты мне, Костя, где у вас тут переговорный пункт, — обрадовался доктор. — Давай догуляем до него.

Как он раньше не догадался сходить в переговорный? Не нужно просить директора, не нужно опасаться быть подслушанным и осмеянным. Можно заказать переговоры и наконец выяснить все. Не гадать, не строить предположений, не выдвигать нелепых гипотез, а просто получить ответ. Он уже почти к этому готов.

На переговорный пункт доктор ходил пешком: полезно, ведь движение — жизнь. Уйдет после завтрака и напрямик — через парк, через школу и больничный комплекс, потом по футбольному полю, — неспешно идет на центральную почту в «старом» городе. Дождется очереди, зайдет в кабинку — а поговорить не решается. Сидит за закрытыми дверями под крики телефонистки и звон разрывающегося телефонного аппарата, но так и не снимает трубки. Потом переадресует разговор на клинику или просто уходит, пообещав себе завтра непременно быть готовым к разговору. Съест шарик мороженого, посыпанного шоколадной стружкой, из железной креманки в кафе «Ласточка», почитает газеты, сидя в парке на скамейке под кленами, и возвращается, шурша опавшими красно-желтыми листьями, в усадьбу к ужину.

С месяц Нехлюбов регулярно ходил на переговоры, и дорога из пункта А в пункт Б стала для него основным развлечением в выходные дни. Возвращался он, как правило, под вечер, мрачный и задумчивый. А через месяц стал по субботам уезжать «домой». В пятницу напишет заявление директору с просьбой отпустить на день — и с утра пораньше на вокзал. Дорога в его родной город, в одну сторону, занимала пять часов на рейсовом автобусе.

Так он и курсировал каждую субботу, пока не пришел участковый — разбираться по заявлению.

Выяснилось, что заслуженный доктор каждую субботу приезжал домой, в квартиру, где жила его молоденькая гражданская жена. Хотя какая жена — сожительница. Зная, что в это время она находится в квартире, он разбивал все окна, методично бросая камни, подпирал чем-нибудь входные двери и уезжал. Через неделю все повторялось. Девица писала заявления в полицию, доктор оплачивал штрафы — и продолжал совершать мальчишеские поступки. Наконец, после очередного заявления, состоялся суд, по решению которого Илья Николаевич получил два месяца домашнего ареста и уже не имел права покидать интернат, в котором проживал.

В ходе судебного разбирательства и открылась вся трагическая история Нехлюбова.

Стареющий мужчина увлекся молодой медсестрой. «Банальная история! Бывает», — скажут многие.

Так думала и супруга Ильи Николаевича, когда узнала об интрижке мужа. Надеялась, что все образуется, что он одумается и вернется в семью. Было больно, обидно, стыдно перед взрослым сыном, коллегами, родными. Ведь Нехлюбов — известный человек, выдающийся хирург. Пыталась все сгладить, обойтись без скандалов, без разбирательств на работе. У него операции, ему нельзя мешать. Иначе как же его пациенты?

Молодая любовница оказалась серьезной соперницей.

— Лена, ты только не принимай ничего на свой счет, — обыденно сказал Нехлюбов жене однажды вечером после ужина, — но появилась женщина, с которой у меня начинается новая жизнь. Ты прекрасная! — поспешил он уверить жену тихим, спокойным голосом, как будто они обсуждали меню. — Конечно, мы через столько вместе прошли, у нас взрослый сын, внук, но знаешь, я не испытывал такого прежде. Так получилось, что я не могу без нее, я хочу быть с ней постоянно, каждую минуту. Ты прости, что я тебе об этом говорю, но ты должна меня понять. Ты ведь всегда меня понимала как никто.

Лена смотрела на него, и происходящее, осознаваемое какими-то разрозненными проблесками, казалось ей отвратительным, удушливым, лишенным всякого смысла.

— Ничего не изменится, — продолжал доктор, беря ошарашенную жену за руку, — материально я буду помогать, ты не беспокойся. Мы с тобой просто будем жить отдельно.

И ушел из семьи, правда, развестись пока не решился. Сложно все это. Слишком многое нужно менять. Слишком долго он был женат. И Лена, она ведь всю жизнь занималась домом, он не может ее оставить без средств...

Как серьезный мужчина, Нехлюбов сразу решил жилищный вопрос — не придет же он к молодой женщине в примаки. Тех сбережений, что они откладывали с Леной всю жизнь, хватило на кооперативную квартиру. Чтобы при разводе жена не претендовала на нее — деньги в семье все-таки зарабатывал он, — покупку оформил на любимую. Все равно они теперь одно целое, новая семья.

— Ты свет моей жизни, — признавался влюбленный доктор своей Настеньке. — Никогда прежде я не видел счастья, даже если оно стояло прямо передо мной. Только теперь я живу, мне хочется петь, даже в операционной все стало восприниматься и происходить по-иному — созидательно, что ли... Просто удивительно!

Илья Николаевич наслаждался новой жизнью почти целый год. На работе любимая рядом, не приходится прятаться по углам, дома не нужно никому лгать, можно спокойно жить, любить, строить планы, писать статьи...

Все изменилось случайно, и не только для Нехлюбова.

У операционных сестер сменился график. Дежурство им с любимой выпало в разные смены. Отработав ночь, доктор неожиданно даже для себя перенес плановый прием пациентов, заторопился домой. Хотел порадовать свою Настю. Купил по дороге черешни и уже подходил к дому, когда увидел ее у подъезда с другим. Сначала даже не поверил, что такое возможно, подумал, что обознался, — ведь пара у подъезда целовалась.

Нет, это не могла быть его Настя! Нехлюбов напрягал зрение, пытаясь разглядеть девушку, щурился, поправлял очки, до боли вжимая их в переносицу. Неловко споткнулся и просыпал черешню, которая рубиновыми каплями брызнула на сочную, свежую траву. «Говорил же, что этот кулек из газеты ненадежный!» — Нехлюбов чертыхнулся вслух, наступая на ягоды.

Длинные волосы девушки развевались на ветру, закрывали лицо мужчины, падали волнами на плечи, окутывали влюбленных, и выглядело это красиво, как в кино. И если бы не тревога, не стук сердца, гулко отдающийся в голове, не узнаваемость девичьего силуэта, заставляющая доктора почти плакать, он бы остановился и любовался этой прекрасной парой. А потом девушка повернулась...

Нехлюбов больше ничего не чувствовал, не хотел чувствовать. Не хотел существовать. Он даже не помнил, как оказался в реанимации.

Домой, как мы уже знаем, доктор не вернулся, да и куда — домой? К жене, которую предал, или к сожительнице, которой он, как выяснилось, не нужен?

Потом, уже в интернате, он подумал, что, может быть, все еще можно исправить. Молодая ведь она еще. Просто наделала глупостей, а любит только его, иначе и быть не может. Ведь он звонил, слышал ее голос. Любимый голос. Не могло у них вот так все закончиться, как в пошлой оперетке!

Когда Нехлюбов приехал первый раз, он точно знал, что Настя дома. Походил под балконом, всматриваясь в безразличные глаза окон, посидел на лавочке у подъезда, постоял у двери квартиры. Войти не решился, ждал, что она его заметит и позовет, обрадуется, что он вернулся. Расспросит, где так долго пропадал. Расскажет последние новости клиники: о пациентах в отделении, о плановых операциях. Как все-таки ему не хватало его прежней жизни!

Настя его заметила. Из окна. Она провожала на работу своего мужчину, того самого, и махала ему рукой, пока не заметила Нехлюбова, стоявшего напротив под деревьями.

— Зачем ты пришел? — крикнула она ему в форточку. — Я вещи передала твоему сыну.

— Я зайду, — спокойно ответил доктор, подходя к подъезду. — Это моя квартира.

— Я не открою тебе, даже не думай! — стала вдруг кричать Настя. — Не устраивай сцен, Нехлюбов! Ты смешон.

— Настя, я зайду, давай поговорим.

— Нам больше не о чем разговаривать, я ни в чем не виновата. — Девушка открыла окно и заговорила тише: — Это ты решил, что у нас любовь. Я тебе ничего не обещала, ты мне никто, даже не муж. Ты сам все придумал и решил за всех, так что давай без истерик, возвращайся к жене. Я уже поговорила с твоим сыном, а квартира... Ты сам мне ее подарил. Уходи, не позорься перед соседями, я же могу вызвать милицию!

Нехлюбова охватила такая злость, такая бесконечная обида, что эти мерзкие слова говорит его Настя, его девочка, на которую он не мог налюбоваться, которой готов был простить все, даже измену. Та, ради которой он предал семью, детей, внука, родной дом... А теперь что?

От бессилия он схватил обломок кирпича и швырнул в окно, словно желая уничтожить, разбить, отбросить все оказавшееся в одночасье чужим, отвратительным. Он поднимал камни и кидал снова и снова, пока в квартире не осталось ни одного целого окна, пока звоном бьющегося стекла не заглушил стук своего разрывающегося от боли сердца. Затем он отломил от дерева толстую ветку, поднялся по лестнице и подпер входную дверь, чтобы Настя не смогла выйти из квартиры.

— Чего ты добьешься этим, старый придурок? Ты мне противен! — кричала из квартиры мгновенно ставшая чужой женщина. — Посмотри на себя, ты, плешивый урод!

— Хорошо зафиксированный больной в анестезии не нуждается! — бросил доктор на прощание и вернулся в усадьбу.

Неделю после этого Нехлюбов пролежал в кровати. Он плакал, как в юности, от боли непонимания, обманутых чувств, вероломства женщины и стыда. Он думал о своей жене: как легко он ее оставил, обидел. Вспоминал ее глаза, полные слез и чудовищного разочарования. Настя была права: нет ничего смешнее, чем старый влюбленный осел! Нет ему прощения.

К выходным доктор встал и снова поехал бить окна молодой обманщице. Он считал, что не должен позволять этой вертихвостке спокойно жить в квартире, купленной на деньги его разрушенной семьи.

Два месяца ареста Илья Николаевич честно прожил в интернате. Успокоился даже. Теперь он мог звонить коллегам, общаться, не стыдясь новых сплетен. Ему было все равно. Он делился интересными историями болезней своих новых пациентов, давал советы ординатору Сереже. Тот все-таки не сумел сохранить секрет, и вскоре в усадьбу приехал сын Нехлюбова.

Илья Николаевич даже заплакал, когда увидел сына и когда внук бросился к нему на шею с криком: «Дед!» Сколько важного в жизни он упускает! А еще через месяц приехала родная жена доктора и увезла его домой.

Нехлюбов не стал судиться с Настей. Подаренную любовнице квартиру они с женой посчитали платой за его спокойную старость в семье с родными людьми.

Опасные стремления

Спал Лаврентий этой ночью беспокойно, поверхностно. Ворочался, кряхтел, мял подушку, раскрывался. Перед самым рассветом забылся и вроде как даже сон увидел: дом свой, и деревню, и жену молодую, а потом открыл глаза — и так хорошо ему сделалось, спокойно. «Катя во сне улыбалась — значит, простилась со мной, значит, одобряет, — думал Лаврентий. — Чего же я лежу? — вспомнил он и поднялся. — Я же сегодня переезжаю! И чего мне смерти нет? Сейчас бы не было всех этих хлопот, был бы рядом с Катей своей родной. А теперь неизвестно, что там меня ждет, стоит ли срываться с места. Прирос ведь к дому, к деревне этой. Дом престарелых... Слово-то какое! Престарелый я, стало быть. Новое звание теперь у меня».

Дед убрал постель, собрал нехитрые пожитки и фотографии, заколотил дом.

Провожать Лаврентия вышли все сельские товарищи. Оно и понятно: передовик, ветеран труда, не последний человек. Председатель сказал, что лично отвезет его на своем мотоцикле. Село их Конгресс дальше, так что просто, в любое время, до города не добраться. А у Лаврентия путевка от областного комитета социального обеспечения, не хухры-мухры.

Интернат дед увидел еще издалека.

— Масштаб! — крикнул он из люльки председателю. — Какая усадьба! Вот для народа как строят! Конечно, семидесятые — это вам не сразу после войны.

Идут Лаврентий с председателем по территории, тихо переговариваются, осматриваются.

В приемно-карантинном отделении все оборудование новое, стены и пол в белоснежном кафеле. Зашел дед, огляделся, потоптался у двери в своих старых кирзовых сапогах, а дальше не идет. Стоит, мнется: то поправит ветхую душегрейку, надетую поверх давно не стиранной рубахи, то почешет длинную бороду, то пригладит курчавые непокорные лохмы. Стесняется идти по белому полу.

— Идем-идем, Лаврентий! — толкает его председатель Конгресса. — Зря, что ль, столько километров отмахали? Назад дороги нет.

— Вы не смотрите, — говорит председатель главной медсестре, — что дед немного запущенный. Лаврентий наш — почти герой, везде первым был всегда. Разведчик, одно слово. Просто, как один остался, потерялся в жизни совсем.

— Жена моя родная умерла, — оживился дед, стряхнув с себя робость, — а сыновья разъехались по коммунистическим стройкам в разные концы Советского Союза. Я их сам всему учил, наставлял. У человека должно быть главное дело в жизни. Я ими горжусь! Только не видел уже давно... Нет, они пишут, конечно, исправно. Каждый месяц хвалятся и денег высылают по десятке, да на что они мне, их рубли? У самого на книжке и на черный день достаточно, и на похороны хватит. Только одному что за жизнь, вы же понимаете?

Совсем осмелев, дед подошел к столу медсестры, сел на кушетку.

— Внуков и то нянчить не дают, — махнул он рукой. — Городские все стали, не хотят ехать в деревню, на курортах отдыхают... — Вздохнул в свои прокуренные усы, помолчал. — Тоска, знаете ли, штука липкая. Прицепилась и ест поедом, потому что никакого стремления в жизни больше не осталось. Нет смысла ни в чем, понимаете? — снова повторил дед, убирая с глаз свалившуюся длинную челку и стараясь поймать взгляд медсестры. — Ни цели, ни красоты созидания, ни радости от успехов. Как мы радовались раньше, когда трактора получали новые, когда комплекс новый выстроили! А теперь одна усталость и

бессилие. Даже выходить из хаты стало лень. Баню не топлю давно — какая разница, каким в гроб ложиться? Вот председателю спасибо. Говорит, у вас настоящий пансионат для ветеранов, что мне положено...

— Конечно, положено! — перебил председатель. — Он у нас с самого окончания войны поднимал село. Кем только ни работал: и скотником, и трактористом, и председательствовал немного, и фермой руководил, когда комплекс выстроили. Никакой работы не боялся.

— А как же иначе? — удивился дед. — Главное — было всегда дело, цель, к которой я стремился каждый миг своей жизни. А теперь вот вышел на пенсию — и все, никому не нужен...

В усадьбе Лаврентию понравилось. Удивлялся, как же все хорошо для людей придумано. Одно слово — пансионат. Большие светлые комнаты на двоих. В холле — холодильник и даже телевизор. В селе до сих пор еще не у всех есть, только радио слушают или собираются у соседей «на кино», а тут, пожалуйста, смотри сколько хочешь. В актовом зале концерты каждую неделю. А сад какой! Молодые яблоньки, груши, цветов столько — красота!

Выдали Лаврентию новую рубашку и брюки, кирзачи сменили на удобные туфли, тапочки комнатные подобрали. Отвели к парикмахеру — и оказался дед совсем не старым мужчиной, а без бороды даже представительным.

Зажил пенсионер интересной жизнью: то экскурсии по городу, то поездки в театр или кино, в пансионат то цирк приедет, то артисты с концертом нагрянут. Не остается у Лаврентия времени скучать и хандрить. Стал дед улыбаться и по сторонам смотреть, с другими проживающими знакомиться. Столько интересных людей вокруг, оказывается, даже известные и почетные пенсионеры тут живут!

Однажды вечером, прохаживаясь по саду, подошел Лаврентий к группе стариков, которые о чем-то горячо спорили после просмотра фильма. И тут одна женщина, не согласившись с собеседником, говорит:

— Нет, товарищи, вспомните, как Горький писал: «Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель». А он это точно знал, такой человек не мог ошибаться!

Больше Лаврентий ничего не слышал. Как, как эта женщина могла сказать то, что каждый день повторял себе он, однажды услышав еще перед войной? Лаврентий любовался ею, она казалось ему прекрасной, он до последнего сидел рядом в саду и в конце концов напросился в провожатые.

Незнакомку звали Антонина.

— Я приехала сюда после смерти мужа три года назад, — рассказывала она о себе, пока дед ее провожал до отделения. — Здесь

хорошо, спокойно, не одиноко. Я не привыкла быть одна. Мы всю жизнь с супругом в обкоме проработали вместе. Сразу после института поженились и по партийной линии шли рука об руку, никогда не расставались.

«Какая красивая женщина! — думал Лаврентий. — Образованная, не чета мне. А одета как! И платье кримпленовое, и туфельки-лодочки — таких не купишь в сельпо. Поди, и не тут выдали. Купленные, дорогие. О чем с такой говорить? Не опростофились бы!»

Так запала в душу эта Антонина, что все дни стоит перед глазами. И куда бы дед ни пошел, везде она. Как будто специально.

В воскресенье в интернат должен был приехать духовой оркестр, намечались танцы. Лаврентий решил обязательно пригласить Антонину. Оглядев свой гардероб, придумал купить себе хороший костюм, чтобы соответствовать. Отпросился субботним вечером в город, в магазин.

Оглядев стройные ряды развешанной одежды, дед растерялся от необъятности выбора: и черные, и серые, и коричневые костюмы, и даже щегольские в полоску. С трудом определился Лаврентий с нарядом, примерил галстук. Все отлично сидит. Посмотрел на цену — и обомлел. Он и не думал, что костюм может столько стоить. Хотя когда он в последний раз покупал себе что-то приличное на выход? Даже и не вспомнить... На свадьбу себе и сыновьям. Столько лет уж прошло!

Пересчитал дед свои деньги — не хватает. Можно было бы снять с книжки и вернуться за костюмом позже, но ведь танцы уже завтра, а магазин в воскресенье не работает. Стоит Лаврентий посреди зала с вешалками. Задумался.

Его размышления перебил неприятный пронзительный голос уборщицы.

— Мужчина, магазин закрывается! На выход, на выход! В понедельник придете, — громко выговаривала она, старательно подгоняя деда вслед за другими посетителями к выходу широкой шваброй, оставляющей мокрый след на бетонном полу.

Лаврентий влился было в суетливый поток покупателей, но сделал пару шагов и остановился. Развернулся, кинулся к примерочным — и снова наткнулся на женщину со шваброй.

— Ну куда ты, куда? Чего топчешь-то! — закричала она на него. — Вот ироды! Вам лишь бы пошляться в выходной, а я убирай за вами...

Лаврентий хотел было возразить вредной поломойке, что ему надо бы переодеться — костюм вернуть, даже рот открыл, но отчего-то передумал и, раз так дело повернулось, снова направился к выходу. Почти у самых дверей встретился взглядом с молодой продавщицей. «Ну вот и все! — пронеслось у него в голове. — Опозорят сейчас на

всю ивановскую». Но девушка только улыбнулась и понесла развешивать отложенные и не купленные посетителями костюмы. Лаврентий молча вышел из магазина, комкая руками лацканы пиджака.

Позже он сам себе не мог ответить, почему ушел, не оплатив костюм и не забрав свою одежду. Получается, он украл. А если кто-то все-таки заметил? А вдруг его вычислят по одежде, оставленной в примерочной?

Всю обратную дорогу дед мучился, вспоминая, были ли на рубашке и штанах казенные печати пансионата. Для себя он твердо решил, что в понедельник либо незаметно вернет костюм в магазин, на его законное место, либо рассчитается, сняв деньги с книжки. Главное — пережить выходные и не опозориться, иначе на дружбу с Антониной ему точно рассчитывать не придется.

В воскресенье Лаврентий блистал. Антонина весь вечер смеялась в его объятиях, и они танцевали все вальсы и танго, которые исполнял оркестр. Прекрасный выдался вечер!

В понедельник Лаврентий с самого утра собирался в магазин. Отгладил рубашку, сложил в авоську костюм и галстук. Как назло, в интернат приехала комиссия, и проживающих в город не выпускали. Дед промучился до самого обеда. Ждал, что вот сейчас откроется дверь — и закончится его спокойная жизнь. Разоблачат, осудят из-за этого костюма, может, даже посадят... Но стоило вспомнить горящие глаза Антонины, ее объятия — понимал: нет, все было не напрасно!

К вечеру Лаврентий успокоился. Подумал, раз не хватились, так и пусть останется этот костюм нечаянным подарком.

На следующей неделе дед решил порадовать Антонину. Таковую женщину нужно баловать! Много ли он делал подарков жене? Нет. Может, поэтому и жили они так обыденно? Другие радости у них были, но что, если его Катенька ждала не только на праздники подарков, но и простого внимания, внезапного? Приятных мелочей, не по хозяйству нужных, а для души? Не было в жизни для Лаврентия человека ближе, чем жена его родная. Дышать он не мог без нее, спать спокойно после ее смерти, а про ее душу и не знает ничего. Как так получилось, не объяснить.

С Антониной все по-другому: и думают они одинаково, и про душу ее Лаврентию все понятно с первой минуты. Вот с Катенькой они, бывало, говорят-говорят все по делу, по семейным надобностям, а чтобы просто о мечтах, о книгах, о стремлениях — такого никогда не получалось. Отмахнется уставшая жена и займется детьми и хозяйством. Так и не узнал Лаврентий, о чем на самом деле мечтала его Катя, была ли счастлива...

Теперь все его мысли занимала Антонина.

«Что же подарить такой женщине, чтобы порадовать?» — мучился Лаврентий. — У нас так мало времени осталось для этой радости. Поживем ли еще?»

Придя в галантерейный отдел, дед долго рассматривал шелковые шали, статуэтки, заметил красивую косыночку — вот ее бы подарить, самое оно. Представил, как накинёт Антонина косыночку, как пойдут россыпью нарисованные ирисы по плечам, и заулыбался. А может, лучше духи? Вроде солиднее...

Стал расспрашивать у продавца, какие духи подарить пенсионерке.

— «Красная Москва», говорите, лучше? — рассматривал флакон Лаврентий, принюхивался, морщась. — А цветочные не годятся, что ли? Точно? А самые дорогие духи у вас какие? Покажите!

Дед задавал продавцу незначащие вопросы, попросил принести со склада флакон побольше, а сам незаметно стащил с манекена модную газовую косынку, не удержался. Уж больно она шла к Тониным глазам. Рассчитался за «Красную Москву» и ушел из магазина со скомканной в кармане ворованной косынкой. Шел и улыбался, как мальчишка. Вот удалось же! Снова почувствовал себя молодым, ловким, бесстрашным и влюбленным.

Антонина была в восторге! Старушки-соседки завидовали.

Лаврентий с Антониной привязались друг к дружке. Отношения между ними крепили. Все больше времени проводили вместе за беседами, от которых становилось тепло на душе, и темы неизменно находились, и обсудить всегда было что. Расставались ненадолго, с неохотой.

А у Лаврентия появилась тайная порочная страсть. Каждый раз из своих вылазок в город он возвращался с трофеем. В его жизни снова появилась цель: вызнать, что бы обрадовало Антонину, найти и получить это любой ценой. Вернее — без цены, даром.

С каким азартом дед составлял списки магазинов, в которые нужно сходить, помечал крестиком, в которых уже был! Увлеченно чертил планы с запасными выходами. В мыслях проигрывал свои операции и варианты отступления. К делу подходил очень серьезно, как на войне: пришел, разведал, взял.

Одаривал Лаврентий свою Антонину теперь по-царски. Были там и роскошные шкатулки из ювелирного магазина с изображениями ангелов, украшенные состаренным кружевом и бронзой, и браслет из крупного жемчуга с золотой застежкой, и дефицитные бархатные туфельки, доставшиеся деду непонятно как, по случаю, — и это не считая хрустальных флакончиков с косметикой и парфюмерией, перчаток, зонтов с оборочками и шелковых шарфиков.

Целый год дед ходил «в разведку», пока его не поймали с поличным.

Скандал был страшный. Сначала, пока шло следствие, проживающие-активисты в пансионате провели товарищеский суд. Ох и наслушался Лаврентий о себе всякого! Разнесли его как следует. Главное, Антонину не тронули, не стыдили. Лаврентий прилюдно просил у нее прощения за то, что оказался вором, а вовсе не тем, не таким, каким должен быть...

Антонина молчала. Не плакала, как ожидал Лаврентий, не упрекала, не сказала, что презирает его или, еще страшнее, что не хочет больше видеть.

Потом, наедине, обняла его как-то странно — сильно-сильно, словно смять хотела в объятиях.

— А ты, Лаврентий, оказывается, бандит! — сказала грустно. — Знаешь, никто для меня ничего подобного никогда не делал. Это ужасно, просто ужасно! Я не знаю, что теперь с нами будет, но это ужасно и... очень волнующе. Как ты мог это все придумать, решиться? Это ужасно! — все повторяла она. — Что же с нами теперь будет?

Все вещи, украденные дедом, изъяла милиция во время обыска, даже тот костюм, с которого все началось, только газовая косынка осталась у Антонины. Потом, когда Лаврентия осудили и увезли, она носила ее очень часто. То накинет на голову поверх высокой «улитки», то кокетливо прикроет шею, повязав под строгий костюм, — словно для него, для Лаврентия. Как будто он ее видит. Словно кричит ему: «Помню! Жду!..»

Дед больше не вернулся. Но точно известно, что через год Антонина отчислилась из пансионата. Поговаривали, что эти двое после освобождения Лаврентия уехали жить в его родное село Конгресс. Опасные стремления стали началом новой жизни. Почти как у Горького.

Константин ВОЛЧКОВ

УЖИН

Р а с с к а з

Я ей сразу сказал, что мне нужен пакет, а она даже ухом не повела, начала продукты пробовать. И конечно же, под самый конец спросила: «Вам пакет нужен?» Еще таким приторно-услужливым голосом. Конечно, нужен! Конечно, нужен — куда я всю эту кучу дену, в руках, что ли, понесу? Она пакет достала, бросила его куда-то на край и тут же: «Расплачивайтесь, — говорит. — Картой, наличными?» Да подожди, пожалуйста, пока я все соберу, а то ведь, как только оплата пройдет, сразу начнешь чужие покупки к моим скидывать! Видит же, что я пытаюсь все сложить в пакет по-быстрому, и все равно: «Мужчина, прикладывайте карту, пожалуйста». Хорошо, не таким пороссячьим голосом, как я изобразил, но так же мерзко...

А ты, котик, чего не ешь? Заслушался? Смотри, что у тебя в миске. Правильно, твое любимое лакомство. Кушай-кушай, рыжий, уплетай за обе свои пушистые щеки. Если захочешь, я тебе еще добавлю. А знаешь, что я готовлю? Для чего нарезаю помидоры и огурцы? Зачем нагревается духовка? С какой целью разложены отбивные на противне? Куда ж тебе догадаться! Это все для беленже. Мамино-го коронного блюда. Она всегда на праздники его готовила, и вот я наконец-то решился за него взяться. Смотри, это она мне в тетрадке все подробно расписала. Вкусно будет, ты не представляешь себе! Даже на следующий день, если разогревать в микроволновке, у него такой тающий и нежный вкус. Ощущение такое, будто вокруг ангелы поют. Серьезно тебе говорю, не смотри так! Или я ничего не понимаю в еде.

Хочешь кабачок? Держи-держи, клетчатка тебе полезна. Удивительный факт: микроволновка отнимает до сорока процентов вкуса, представляешь? То есть, вкусив блюдо с пылу с жару, можно сразу на небо улететь. Хорошо становится, как в детстве, когда на кухне за столом сидишь и солнышко так светит, что аж жмуришься. И обои у нас были такие — светло-голубые. Мама ставила передо мной тарелку

с чем-нибудь вкусным и говорила: «Вот, пока все не съешь, из-за стола не встанешь». Целовала меня в макушку и добавляла: «Нет, что ты, это я по привычке. Не ешь через силу, а то желудок растянешь». Но я все равно все съедал и просил добавки. И ничего не растянул.

А еще мама научила, как правильно произносить «беленже». Не топорно по-русски, а с придыханием, чтобы «бэ» была почти как «пэ», «эль» звонко подпрыгивала, а «жэ» стремилась к «ша», но не переходила в нее. Для этого надо язык назад чуть загнуть. Вот послушай только: бе-лен-же. Бе-лен-же... Даже произносится вкусно!

Но тебе, конечно, до этого нет никакого кошачьего дела, тебе бы только на холодильник залезть и посмотреть сверху, будто тут может какая добыча пробежать. Ты же приличный домашний котик, на кого тебе тут охотиться, за моей ногой разве что. Наплевать тебе с высоко-го холодильника на высокую кухню. А зря! Зря! Сейчас была бы у вас своя кошачья цивилизация, делили бы Землю с нами, если бы только были чуть разборчивей в еде, чуть утонченней. Представь только, Евангелие от Котофея, древние кошачьи мифы, первый кот-космонавт или кот-президент. Ходили бы с плетками, погоняли бы неразумных людишек... Да-да, что смотришь так лукаво? Правда, и сейчас погоняете: только мяукнешь — я уже к холодильнику иду кормить тебя.

Вот тебе удивительный факт, а то ты, видимо, никак не возьмешь в толк: цивилизация началась с первого куска мяса, пожаренного на огне. А ты думал? Жареное уже совсем по-другому на мозг влияет, другие цепочки нейронов выстраиваются. А главное — вкус, который заставляет снова его попробовать. Люди случайно, видимо, как-то прикоснулись к таинству жарки, а дальше понеслось. Вот чем знаменита Римская империя? Правильно, своими пирами, где люди ели-пили, перышком горло чесали и снова за еду брались. Да, ты можешь сказать, что это уже совсем другое, это извращение, обжорство. И все-таки. А Сократ где разглагольствовал? На пирах и рынках. А домашнее хозяйство, основа экономики даже сейчас, для чего появилось? Чтобы разная еда была под рукой. А будь какой-нибудь австралопитек таким же, как ты: что нашел, то и съел, — то были бы людишки такими же, как и вы. Не гладил бы тебя никто по первому мурчанию. А то и вовсе бы охотились на таких вот пушистых толстеньких котиков.

Поэтому советую тебе наблюдать внимательно и вникать в процесс — может, станешь еще первым в мире котом — шеф-поваром. Хоть денег заработаешь. Сможешь сам себя содержать, да и меня до кучи, почему нет?

Смотри, как аккуратно: круглешочек за круглешочком выкладываю поверх отбивных. Это первый слой. На него следующий кладу так же тщательно, чтобы ничего не разворошить. Красота?

Вот позвонит мне Лена и спросит, что я делаю, а я скажу, что готовлю. Она удивится, конечно, спросит еще так, шутя: «Пельмени,

что ли?» А я скажу: «Нет, беленже». Она не поверит. Спросит, купил ли я в магазине или заказал. А я опять скажу, что нет, не угадала она. Что я купил только продукты и готовлю все сам. Лена теперь уже очень удивится, скажет, что никогда не пробовала такое интересное блюдо, а я пообещаю и ей как-нибудь приготовить. Она восхитится! Ведь мужики могут только в фастфуд ходить. Некоторые, правда, говорят, что готовка — это их хобби. Но на деле-то это значит, что они могут лаврушку в бич-пакет добавить... А я потом спрошу, как у нее дела, что она кушала сегодня, что на работе было. Хотя мы же на обед будем вместе ходить, получается... Но я все равно буду спрашивать, ради шутки. Забыл тебе рассказать, я же ее почти подловил сегодня в столовой!

Значит, так — пока мой контейнер в микроволновке разогревался, я увидел: сидит одинокой морковкой за столиком, никого рядом нет. Наконец-то! А микроволновка там старая, на всю мощность не греет. Чтобы хоть как-нибудь разогреть, надо минут пять ждать. Я и ждал. Смотрел, как она осторожненько подцепляет каждую картошечку — зрение-то у меня хорошее! — и так медленно подносит ко рту. А рот у нее маленький, аккуратный. И все тщательно прожевывает. Загля-день!

Когда микроволновка щелкнула, я, как хлебушек из тостера, подпрыгнул, так засмотрелся. Вытащил контейнер, поставил на микроволновку и оглянулся еще раз на Лену посмотреть... И вот. Видишь пластырь на большом пальце? Прижал дверцей. Со всей дури приложился. У меня тут же кровь пошла, такая густая и темная. Я сразу к умывальнику подбежал, а повариха одна увидела, дала мне ватку с пластырем. Такая неприятность. Заклеил палец, а Лены уже за столом и нет. И обед остыл.

А так бы я к ней подсел. Ты же знаешь: я свой шанс не упущу. «Привет», — сказал бы, а она бы наверняка застеснялась. А может быть, и не обратила бы внимания. К ней, наверное, каждый день по сто раз подсаживаются всякие, она же красивая... Ну куда лапами! Вот, смотри, я на телефон сфоткал, когда случайно на остановке встретил. Она с кем-то стояла, так что я потихонечку, как настоящий шпион, телефон вытащил и будто в ее сторону и не смотрел. Из-под локтя щелкнул. Ну что ты отворачиваешься? Глупый кот! Тебя вон во двор выпусти по весне, так ты же без разбору на всех прыгать начнешь, а тут морщишься. Вот и сиди на своем холодильнике и мурчи, тарыхтелка! Из-за тебя кажется, что холодильник все время работает.

Знаешь, что странно? Она ведь из столовской тарелки ела, а не из контейнера. Представляешь? Может быть, у нее времени свободного дома не было, не знаю.

Я бы ее и спросил: «Что кушаешь, Лена?» — и, конечно, улыбнулся бы, чтобы приободрить ее. Вдруг она бы смутилась, мало ли.

Она бы мне ответила. Кратко, конечно же. Я же для нее незнакомый человек. Но я бы ее завлек. Знаешь как?

Я бы придвинул к ней свой контейнер. Такая композиция красивая была, вот ни в каком ресторане лучше не подадут. Внизу булгур, а на нем такими золотыми колечками развалились кусочки лука и тыквы, а между ними подвяленный шпинат. И все укропом присыпано. Она бы посмотрела так с интересом. «А знаешь, что это? — это я бы спросил и начал издали: — Удивительный факт: технически это салат, хоть с виду и не скажешь, правда? Еще и подается горячим». А потом бы уже перешел к рецепту, как повар на видео говорил: «Сперва смешаем в миске кусочки тыквы с измельченным чесноком и оливковым маслом. Не забудем про молотый перец и другие приправы. Вся смесь выкладывается на противень и тушится, пока тыква не зарумянится, сгорая от стыда, и не станет мягкой, податливой, согласной на все на свете...» Забавно, да, котик?..

«На другом же противне отдельно запекается лук, посыпанный приправами и ложечкой сахара. В то же время в кастрюле на средне-сильном огне варится соус: волшебное сочетание оливкового масла, чеснока, лука, перца чили и соли — все как на скрижалях записано. Мало кто знает, но этот рецепт действительно был дан Моисею вдогонку, пока тот спускался с горы Синай». Тут бы она обязательно улыбнулась. «Через десять минут в кастрюлю добавляется вода, доводится до кипения, после чего нужно дождаться, пока все загустеет. Четыре пятых соуса сливаются в отдельную емкость, а кастрюля засыпается булгуром. Добавляем воды и ждем, пока булгур все впитает.

И тут в дело идет сковорода, на которой и вялятся листья шпината, разлегшись в оливковом масле и приправах.

Не забываем про лук на втором противне, вытаскиваем его — и вуаля, остается только выложить на тарелку булгур, залить его сохраненным ранее соусом и покрыть зажаренным луком и тыквой. Вот так, вкусно и полезно».

Теперь придется другой раз выждать, когда можно будет к ней подсесть и чтобы она одна была... Но у меня все под контролем, все по рецепту. И духовочка уже подоспела. Пока все запекается, будем готовить соус со сливками. Любишь же сливки?

Можно и чайник поставить, у меня вот шоколадка есть. Ты не представляешь, как же я долго ее вчера выбирал, аж голова разболелась. Как в тот раз, когда ты со шкафа на меня горшок скинул, глупый котик! Чуть глаз мне не выбил. А помнишь, я ведь собирался на следующий день Лене такую замечательную подвесочку подарить. На Восмое марта. Но как бы я к ней подошел с таким шрамом на лбу? Хорошо, хоть сейчас почти не видно. Такие милые два котика были, и хвостики у них сцепились, как руки у людей. И вот куда ты ее потом дел, спрашивается? Я ведь всю неделю потом искал, весь дом перерыл.

Мог бы и позже подарить, может, так было бы даже лучше. Знаешь, вот так вот, без повода.

И вот стоял я у полок со сладким, там же столько всего: и шоколадки, и конфеты разные, драже, мармеладки, зефир... Язык устанет все перечислять. И как сделать выбор, вот скажи мне? Столько всего вкусного! Я попробовал и по весу выбирать, чтобы за одну и ту же цену было больше, и по полезности... Хотя какая там полезность. И вроде взял уже вафельные трубочки, только отходить, — а нет, чувствую, что не то, надо что-то другое. Опять начал выбирать, вспоминал, у чего какой вкус. Можно ведь и просто шоколад, а можно печенье в шоколаде, а еще там было сдобное печенье с лимонной начинкой. Кисленькое такое. И я остановился на нем. Трубочки положил обратно, схватил печенье, но вспомнил, что оно такое, что не остановиться. За один присест его съем, сколько бы до этого ни ел. А это значит, что мне хватит только на один вечер, — не дело. Я все-таки начал составы смотреть, а там вообще ничего не понятно. Смотрел, лишь бы «ешек» поменьше было, но какая сладость без «ешек»? Все стоял там и стоял. Даже продавщица подошла, спросила, не помочь ли мне, но как бы она помогла? В конце концов зажмурился, представил, как молочный шоколад будет таять во рту от горячего чая, и решил: да, беру его. И такое облегчение, будто все проблемы мира сразу решил! Я быстрее к кассам пошел, чтобы опять не началась эта пытка.

Полбрикета сливочного масла, щепотка перчика, добавить загустителя. Знаешь, почему еще у вас нет кошачьей цивилизации? Потому что вы не передаете знания через поколения. Может, только через гены, но ведь на это уходят тысячи лет. А у нас все быстро. Вот ты можешь сказать, какое любимое блюдо было у твоей прабабушки? А я могу! У моей, конечно же. И могу приготовить то же, что папа любил готовить по праздникам, потому что он мне оставил рецепт в тетрадке. И мамин вкусный пирог с грибами тоже могу испечь. Все благодаря тому, что у нас есть рецепты. Так мы чтим своих предков, так мы оставляем память о себе потомкам, так строится наше общество. А глупые котики только на холодильниках сидят, понял?

Ладно, не обижайся, не фырчи, ты не глупый. Котик, ну куда ты? Мне нельзя с кухни уходить, стой! Теперь не узнаешь, куда я Лену приглашу. А приглашу я ее в какое-нибудь экзотическое место, чтобы поинтереснее было. Я читал в интернете, что есть у нас столовая для китайцев. Правда, еда чуть ли не из жуков всяких. Интересно было бы попробовать, но на первый раз будет слишком. Вот был бы у меня свой ресторан, все бы было как надо. Обязательно открою, только разберусь, что там да как. И можно же будет вдвоем его держать. Лена пусть счета ведет да персоналом управляет, а я — все остальное. И у нас будет своя фишка: будем готовить по семейным рецептам. Правда, разнобой выйдет по кухням. По Лене видно, что у нее в семье

татары были. А у меня бабушка и вовсе румынка. Так рецепты со всего мира собрать можно. У друзей поспрашивать. У Лены, наверное, много подруг.

Надо только поваров найти хороших. Я бы и сам справился, но не хочу превращать свое хобби в рутину. Когда надо все в спешке делать и раз за разом — это не то. Никакого воодушевления не хватит. Есть профессионалы, которые всегда на высоте, но я бы так не хотел.

А вдруг нас придут грабить? Какие-нибудь наркоманы, отморозки, потому что адекватные люди таким не занимаются. Эти грабители бы нервничали, и все в ресторане, конечно же, испугались бы, но я бы взял все в свои руки. Если так будет, я скажу: «Спокойно, пожалуйста, вот наша выручка за день», открою кассу и все вытащу. Это даже и немного будет, сейчас ведь все картами оплачивают, и вот еще одна причина, почему адекватный человек не будет грабить кафе или магазин. А про сейф они и не догадаются, куда им! Я буду очень спокоен, даже невозмутим. Их это будет раздражать, они будут психовать. И никто не подумает, что я трус, раз отдаю им деньги. Наоборот, это будет значить, что я забочусь об остальных и их жизни для меня важнее денег. А Лена случайно окажется в зале, и один из грабителей начнет к ней приставать, кричать на нее или попытается взять в заложники. Но я буду спокоен, я буду вразумлять его и подходить ближе, ближе... Он занервничает еще больше и направит на меня пистолет. У него будет трястись рука, он будет кричать, даже слюной плевать, как бешеный. Главное, что Лена сможет отойти. И тут он все же психанет и выстрелит прямо мне в сердце! Грабители сами испугаются этого и свалят, даже деньги забудут. А Лена подбежит ко мне, положит мою голову себе на колени. А я буду улыбаться, чтобы не пугать ее, скажу, что люблю ее, и закрою глаза...

А может, лучше, чтобы он меня ножом пырнул? Это тоже может быть смертельным. Что, котик, прибежал? Скучал без меня? Скоро уже готово будет. Вчера, когда с работы ехал, видел дедушку, у которого дамбочку прорвало. Знаешь, такие старики, которые по улице ходят и сами с собой болтают. Вот как будто затвор, который стоит между мыслями и языком, из-за возраста проржавел, прохудился и его сорвало. И теперь все, что дедушка думает, он и говорит. Не кому-то конкретному, а просто все вытекает, выплескивается наружу. Конечно, если он один сидит, как в автобусе, то кажется, что он из ума выжил, потому что в пустоту разговаривает. Мало ли, что у него там в голове, да и неприлично выглядит, но он ведь не виноват! Вот если бы с ним рядом кто-нибудь сидел, если бы он был не один...

Так вот, вижу, что и кондуктор на этого дедушку смотрит недовольно, как на гнилую картошку, и парочка позади него смеется чего-то. Тут меня такая злоба охватила, я аж встал со своего места и сказал им... Я сказал им: «Не смейтесь! Чего вы смеетесь над дедушкой?»

Он же не виноват, что он один. Может, у него все родные умерли или бросили его. А вы смеетесь. Вам не стыдно? Неужели в вас нет сочувствия, неужели вам не жалко его?» И так тихо стало, все только посмотрели на меня, даже дедушка этот посмотрел и замолчал. Я спросил, могу ли я помочь чем-нибудь, а он только к окну отвернулся. И остальные уткнулись в пол — видать, я их пристыдил. Но дедушке никак не помог, только сам застыдился. Так и вышел на нашей остановке, а они дальше поехали... А ты-то что так презрительно на меня смотришь? Без тебя все знаю, ты же слышал.

Пора доставать, не отвлекаяй. Надо оставить на десять минут отдохнуть. Только в духовку не залезь, пока я вожусь! Вот я не удивлюсь. Помню, когда ты маленький был, я компьютер разбирал, отошел, вернулся, а ты уже внутри сидишь. А мне потом все от твоей шерсти пришлось чистить, чтобы ничего не замкнуло. Вот закрыл бы тебя, гудел бы ты вместо кулера. А в духовку залезешь, что потом с тобой делать? Не кушать же... Хотя иди-ка сюда! Сколько ты вешишь, пушистик? Килограммов шесть, наверное. А мясом-то не больше двух-трех выйдет. Больше возиться с тобой. Вот погрызи палец лучше. Что, не хочешь?

А знаешь, как я ее буду называть? Что «мяу»? Лену буду называть. Ну, ласково. Думаешь, в честь еды какой-нибудь? Думаешь, котлеткой или ягодкой? Совсем ты меня, котик, не знаешь! Я буду говорить ей: «Ты моя сосновая шишечка». Оригинально? Это из детства. Мы с родителями иногда ходили в лес сосиски жарить. Помню, так было хорошо! Костер разводили, а потом сосиски протыкали веточками и держали над огнем. Уютно так было. Только когда дым в лицо дул, я не мог перестать кашлять. И в лесу же везде шишки разбросаны, и всегда я какую-нибудь из них находил, одну из всех, самую-самую, и домой тащил. Что с маленького возьмешь? Но вот это чувство детское, искреннее, я думаю, оно и эволюционировало в любовь.

Вот один парень с работы сказал, когда какая-то девушка мимо проходила, что он бы ее так и съел. Вот с таким выражением: «Я бы ее так и съел. Развернул бы обертку и зубами бы впился!» И лицо еще такое неприятное сделал, зубами щелкнул. Мне очень мерзко стало: грязно это как-то. А шишечку домой принес, на полочку положил — она лежит красивая. Если еще и зеленая, то вообще счастье: редко такие попадались.

Надо теперь посуду вымыть, пока все остывает, и пойдем набивать живот. Да куда ты лезешь, котик? Вот тебе прямо сейчас приспичило проточной воды попить? Она же горячая, глупый! Лучше бы придумал, что посмотреть, а то это так же, как сладости выбирать. Хотя я один канал на «Ютубе» нашел, там разные удивительные вещи рассказывают. И главное, полезные. Я смотрел инструкции, что делать,

если напал аллигатор, и советы, как завоевать девушку. Там даже было видео про то, как обращаться с котиками, но в нем какие-то глупости рассказывали, если честно. Я-то уж в этом разбираюсь, да?

Вот и все готово. Смотри, как красиво! Знаешь, завтра обязательно подловлю Лену в столовой, даже если она будет сидеть с другими. Угощу ее. Это точно сработает. Даже хорошо, если она будет вместе с кем-нибудь, — увидит, что я уверен в себе. Наверняка кто-нибудь подшутит надо мной. Знаешь же, как ехидные подружки любят делать: «Ой, Лена, это что — твой личный повар?» А я такой: «Повар не повар, а вкусно готовить умею». И ей тоже предложу попробовать. Меня так просто не засмущать! И Лена будет моей, и добавит меня в друзья во «ВКонтакте», и мы будем переписываться с нею днями напролет, и я вас познакомлю. Будем гладить тебя в четыре руки, тебе понравится. О, тебе так понравится, ты просто не представляешь! Иди ко мне на ручки, ты мой маленький пухлый пушистик! Что ты лапками машешь, не хочешь целоваться носиками? По-кошачьи. Чей это мокрый желтый носик? А?.. А?.. Ай!

Вот что ты наделал? Что ты наделал?! Прямо по носу, еще и на самом видном месте! Как же я теперь людям-то покажусь? И по щеке прошелся. Кровь вот... Что же ты за кот-то такой?! И не смотри так виновато. Я ведь знаю, что ты это специально! Всегда специально все делаешь, чтобы мне плохо было, чтобы я так и оставался один-одиношенок, никому не нужный. Чтобы только о тебе заботился, будто бы я тебя брошу, если мне будет с кем еще поговорить! У меня остались-то только ты и эта тетрадка. И все. Неужели ты не понимаешь, котик, а? Я тебя никогда не оставлю. Как же я без тебя-то, без рыжего негодяя, ну?

Сейчас пойду умоюсь и все обработаю, а ты давай беги в комнату. Нас ждет вкусный, сытный ужин. Что смотришь? Поделюсь, обязательно поделюсь.

А к Лене, ладно уж, в другой раз подойду, когда все заживет.

«ХОЧУ БЫТЬ ДОМА ВО ВСЕЙ СВОЕЙ РОДИНЕ, А НЕ В ОДНОМ УГЛУ...»

*Из переписки Валентина Курбатова
и Валентина Распутина**

*В. Курбатов — В. Распутину
28 сентября 2002, Псков*

Наши сидения в Ясной [Поляне] были не очень толковы, но все-таки на этот раз более собранны, чем прежде. Может быть, потому, что приехало поменьше народу и все слышали друг друга. Хотя и не без того, чтобы слушать тебя. Были хорошо приготовлены сообщения И. Золотусского¹, М. Кураева², Павла Флоренского, А. Кима, старика Нурпеисова³. Личутин больше мастерился. Петя Краснов отделялся общими местами.

Были неплохие молодые — В. Голованов⁴, О. Павлов⁵, И. Кузнецов — открытые, не страшатся исповедной ноты. Иностранцы приехали за нашей «всемирной отзывчивостью» со своими печальми разобщенности и усталости от постмодерна. Все ждали великого Паоло Коэльо, как в прошлом году М. Павича, но ярмарки не отпустили их. Зато я этого великого Коэльо прочитал, самую его популярную книгу, о которой написано, что она вторая из читающихся в мире. Первая, очевидно, Библия. Этот хваленый «Алхимик» романтичен и, наверно, хорош для юношей, как когда-то был Ричард Бах со своей «Чайкой по имени Джонатан»⁶. Та же аллегория. И тот же, сегодня всеобщеевропейский, способ походить в духовных людях, минуя церковь (отчего так популярны Толкин и Гарри Поттер). Трудно не надо, а несколько хороших фраз, ввернутых к месту, очень украшают говорящего.

Немного латиноамериканской мистики, немного цитат и благородный сюжет. У нас это блюдо для богатых. Говорят, очередь была к этому Коэльо

---

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2021, № 2.

¹ Золотусский Игорь Петрович (р. 1930) — историк литературы, писатель.

² Кураев Михаил Николаевич (р. 1939) — писатель, сценарист.

³ Нурпеисов Абдижамил Каримович (р. 1924) — казахский писатель и переводчик.

⁴ Голованов Василий Ярославович (р. 1960) — писатель, эссеист.

⁵ Павлов Олег Олегович (1970—2018) — писатель и очеркист.

⁶ Имеется в виду повесть-притча «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

на пол-Москвы. Реклама даже! А там и чтения для бедных. Павич рядом несравним. Вот уж кто подлинное чудо! Никак я им не объежусь. Все дивлюсь неисчерпаемости его дикой фантазии и иногда ослепительности образов. Это не хлеб насущный, но без этого жизнь была бы пресноватой. Последнее, что читал, — рассказы «Русская борзая». Попадется — взгляни один этот первый рассказ. Иногда хорошо сполоснуть зрение, чтобы видеть свое острее.

Из «Эксмо»-то тебе напишут. Там редактор в отпуске и будет на работе только с 1-го октября. Я и сам смутился. Уже неделю с лишним послал электронной почтой предисловие, а ни звука... Сегодня позвонил — сказали про отпуск. Зато я снова перечитал свою книжку про тебя и даже удивился — там много по-настоящему глубокого. Даже и жалко стало, что она попала в такую временную прореху. Впрочем, если тогда не читали, то кто будет читать критические книги сейчас?

Осень навалилась теплыми дождями и такой тоской, что хоть штор не открывай и сиди при свете, обманывая себя покоем искусственного вечера.

Собирается в Псков Савва [Ямщиков] — встречаться с губернатором, строить свою программу 1100-летия Пскова. Дай ему Бог. Только бы не уставал. Он и в Ясной [Поляне], конечно, выступил, надавав всем, смутив бедного Толстого.

А вообще дни были хорошие. Солнца вволю, лошади пасутся в садах, лужи яблоч под каждой яблоней, и по ним ужи, а над ними облака дрозophil, сносимые ветром, как игрушечные тучи. Не наглядеться. И всегда так, когда у Толстых яблони ломаются, у Пушкина — пусто. А уродит у Пушкина — у Толстых голо. Приглядывает матушка-природа за равновесием.

В. Распутин — В. Курбатову
9 ноября 2002, Москва

Сентябрь и октябрь были у меня пустыми. В сентябре ездил в Тобольск, потом отдельным ходом в Уфу на Аксаковские дни, в октябре свои, иркутские, «дни», дважды ездил в свою Усть-Уду, и только сейчас вернулись мы со Светланой в Москву. Пока праздничное затишье, пока «не спустили собак» на свежего человека, отписываюсь, кому задолжал, а там и опять в «колесо».

Из Курска прислали газету с твоей статьей (плач и восторг одновременно) о Евгении Ивановиче. Очень хорошо написал ты о нем, Валентин. Песнь и боль, плач и гордость за то, что захватили мы эту счастливую пору русской художественной жизни, что терпеливым, щедрым и долгим был этот закат. И мучительно сладким. Да, отлетели в последнюю высоту журавли с остывающей земли, у оставшихся перышки и крылышки уже не те, им не придется высоко подниматься, оттого и могут они задержаться. И такая тоска — до слез! От старости и сиротства одновременно.

Мне показалось сначала, что ты не досказал о них — Астафьев и Носов. Потом понял, что и не надо досказывать. По окончательным местам их расставит само Время, притом не сказано, а духовно, со своим сиянием для того и другого вокруг их имен. Но уже сейчас ясно, что Носов был интуитивно и природно мудрее всех нас и потому был терпеливее, спокойнее,

естественней и глубже. До самого последнего дня как великому ему не требовалась никакая снисходительность. В 75 или в 76 написать «Памятную медаль» — и как написать! Только в самом начале едва заметное дрожание руки, а затем как все хорошо и точно!

Получил от Саввы из Парижа открытку. Он там зачитывается Татьяной Глушковой⁷. Весь мир он теперь готов объять. Звонил мне в Иркутск, что отправляется в Грецию, а оказался во Франции. Ехал, должно быть, на «Сотбис», а увлекся Глушковой. И про все остальное забыл. А вернется в Москву — вспомнит о французах.

Сообщаю тебе, что у меня появилась четверть водки под названием «Аксаковская», якобы по рецепту самого Сергея Тимофеевича, куда входит и доля кумыса. Приезжай и заходи, надо проверить.

В. Распутин — В. Курбатову
12 января 2003, Москва

Прости ты меня, многогрешного, за беспамятство и неблагодарность. Прочел твоё предисловие к книжке в «Эксмо», восхитился им, долго размышлял над тем, как тебе удастся, написав в последние годы полдюжины статей обо мне, ни разу не повториться, и оставил эту благодарность при себе. Но мне, кажется, не привыкать. И тебе не привыкать не получать от меня подолгу ни звука.

Уж коли начал о предисловии... Оно, хоть и чрезмерное по отношению ко мне, но само по себе широкое и многоумное (не прими за иронию), навело меня на мысль, что надо тебе приниматься за большую работу, за книгу одной темы, к примеру, о русской литературе 80-х годов накануне краха и в предчувствии краха. У тебя много уже и есть об этом. Ты сейчас в прекрасной форме, а сам знаешь, что форма для начала работы очень важна, а дальше само ись-пить (так. — Ред.) запросит и потянется. Вчера сказал об этом Савве, он горячо поддержал («зачем ему кино?», «зачем ему турки?», «зачем Ясная Поляна каждый год, когда он сам Белинский?»), а вечером звонит: «Уже приступил к большой работе, сидит (кажется, в Михайловском) за большой бутылкой. И хоть бы водку дули, а то виски». Но сказал также, что в 20-х числах ты собираешься быть в Москве. А я ровно 20-го, должно быть, куда-нибудь убегу от слишком уж живой московской жизни — ни дна бы ей, ни покрышки. Савва загорелся: «Давай в Пушкинские Горы!» Но нет, там я окончательно онемею, у Пушкина.

Перед Новым годом, плюнув на все, сел за рассказ. После Нового и Рождества, пока народ патриотический отсыпался, дотянул. Перепечатал, посмотрел и убедился: неважно, публицистика прет, как из гноища. Но совсем ничего не делать — ещё хуже. Глаза мои лучше не становятся, читаю совсем с трудом — как бы через год-два поневоле не пришлось крылышки складывать.

Молчание мое отчасти объясняется тем, что не хотелось ничего говорить о вашей с В[иктором] П[етровичем] Астафьевым] (далее также часто:

⁷ Глушкова Татьяна Михайловна (1939—2001) — поэт и литературный критик.

В. П. — *Ред.*) переписке. Впечатление такое, что поторопился ты с этой книгой, ибо что Сапронов⁸ торопил, понятно, для того это лакомый кусок, и получить его хотелось ему непременно к печальной годовщине. Через три-четыре года, даже через два года, она принималась бы естественней, и вычитывалось бы в ней все то лучшее, что есть в книге о литературе и России. Сейчас (знаю это по нескольким отзывам) отыскивается, прежде всего, трещина расхождений Астафьева с нашей, там, где я, частью русских писателей. Торопливо изданная книга невольно посыпает соль на эту рану. Убеден, что отзывы В. П. обо мне и частью о других ты смягчил, но и то, что осталось, отзывы о Бондареве, Можяеве, Абрамове, Белове и др. — такая это радость для живых Э[й]дельманов!

Приходится со смирением относиться ко многому теперь. Проханов берет в друзья Березовского и открыто похваляется тем, что тот дает ему на газету деньги. Володя Бондаренко признал за художников русской литературы Сорокина и Ерофеева. Пусть их! Много в последние два-три года переместилось в пространстве: свои стали чужими, чужие своими. Вот и у вас с В. П. Можяев и Абрамов — никакие не писатели, а чуть ли не самозванцы. Но почему же? Почему тесно стало на 1/6 части суши и на 1/2 части мировой литературы Астафьеву с Абрамовым? Они разные, и таланты их разные, но тот и другой при этом крупные фигуры и крупные художники — почему же так: я есть, а его нет? Это не по-христиански и просто не по-человечески.

Эх, Русь-матушка: брат мой — враг мой! Читаю неторопливо «Переписку двух Иванов» Шмелева и Ильина. Двух великих русских, оставшихся без России, тоскующих по русскому так, что нам и не представить, поругивают в письмах евреев, мы без этого не можем, забавляются, как лакомством, русским языком, жалуются на болезни, на трудную жизнь. Ума у того и другого — палата. У Шмелева ревность к Бунину, но терпимая, вместе выдвигаются на Нобелевскую. И вот известие: премию дают Бунину! Господи! И что же полезло вдруг из великого русского художника Ивана Сергеевича, какая злоба, вражда, неприятие, какие «художества»! Он невольно подбил на издевательский по отношению к Бунину тон и Ильина, но в конце письма Ильин, понимая, что письмо это чести его имени не сделает, наказывает: «Письмо прошу искоренить немедля и без остатка...» Так бы и надо, но почему оно оказалось неискорененным и прозвучало на весь белый свет? Это тоже хорошо о Шмелеве не говорит.

Кажется, есть в законе об авторском праве статья (доподлинно не знаю, но почему-то осталось это в моей памяти): письма публиковать только спустя пятнадцать лет после кончины. Это справедливо.

Вспоминаю, вернее, это есть в воспоминаниях Е. Л. Якушкиной⁹, что Саша Вампилов порывался разорвать свою «Воронью рощу», но она бросилась к нему и отняла, говоря, что пусть останется этот вариант ей на память. Он сказал: «Но чтоб никто его больше не видел!» Но «Воронья роща» по-

⁸ Сапронов Геннадий Константинович (1952—2009) — журналист, писатель, основатель издательства «Издатель Сапронов».

⁹ Якушкина Елена Леонидовна (1914—1986) — переводчица и театральная деятель.

явилась потом в печати и на сцене, по ней пишутся дипломные и, вероятно, кандидатско-докторские работы. Почему, зачем? Вампилов вмешаться не может, а суесящиеся его «друзья» из Фонда Вампилова, паразитируя на его имени, выполняют роль недругов.

В вашей переписке есть много доброго и умного. Конечно, и твои мнения, и мнения В. П. о содержании жизни и жизни в литературе хоронить было нельзя. Но они достойны были звучать на первом плане, а теперь остаются на втором. Впереди оказалось «поддувало», вздувающее начинающие гаснуть угли.

Прости, ежели что не так.

А о большой и единоутробной книге подумай. Ту, что вышла (или вот-вот выходит), тоже хотелось бы иметь у себя.

Очень меня поободрили в последнем твоём письме твои слова о том, что никого не хочется поздравлять с новолетиями, которые принялись мелькать как листки календаря. У меня то же самое: пустословно это. Чего же поздравлять с дорогой на кладбище?! И прямо тяжесть с души. Вот что значит «незакаруселенное» привычками мнение умного человека.

В. Курбатов — В. Распутину
27 января 2003, Псков

С «Перепиской» нашей с Астафьевым ты прав. В малое оправдание свое скажу только, что я долго упирался. Разговор о ней завела Марья Семеновна¹⁰, когда еще выходило 15-томное соб. соч. В. П. Она тогда на чтениях в Овсянке сказала, что есть отдельный том нашей переписки. Я уперся. Когда В. П. заболел, за дело взялся Сапронов, я тоже отказался. Ну, а уж после смерти В. П. Марья Семеновна стала корить меня, что я «не хочу помочь делу В. П.». И тут я смалодушничал.

Оценок в отношении тебя я не смягчал, как вообще ничего не менял, убрав только две-три прямые грубости, которые были движением минуты, в отношении Василия Ивановича [Белова] и одну бестактность в отношении Можаяева. Что до отношения к Абрамову, то тут, верно, виноват я. Мне всегда казалась его проза мертвовой, рассчитанной, умозрительной... Это была как будто не любовь и не страдание, а позиция. Благородная, высокая, но прежде всего позиция, прием, метод. Отчего он легко дался еврейскому режиссеру Л. Додину, катавшему по Европе этих мужиков и баб с большим эффектом. Это было легко играть, потому что — прием. Я и теперь так считаю. И оттого когда-то отказался от предложения Л. Крутиковой¹¹ написать предисловие к «Дневникам» Федора Александровича.

А может быть, это во мне только бессознательная ревность «литературоведа к литературоведу», хотя думаю, что нет. Я просто знаю, что из критического «цеха» сбежать нельзя и никакая проза В. Гусева¹², И. Штокмана¹³,

¹⁰ Астафьева-Корякина Мария Семеновна (1920—2011) — писательница, жена В. П. Астафьева.

¹¹ Крутикова-Абрамова Людмила Владимировна (1920—1917) — филолог, критик, писатель. Жена и соавтор Ф. А. Абрамова.

¹² Гусев Владимир Иванович (р. 1937) — литературовед, критик, прозаик.

¹³ Штокман Игорь Георгиевич (р. 1939) — российский литературовед, прозаик.

Е. Шкловского¹⁴ прозой не станет, ибо они уже слишком знают, как и что надо писать.

А про свою «книгу» (что пора-де и самому что-то написать) и говорить не буду. Боюсь, мне уж из домашней гонки не выбраться. Сын получает в школе копейки, невестка ничего не получает. Внучке вот-вот только год, а на них добрый рынок наживается больше, чем на взрослых. Вот и бегаю за копеечными заработками, чтобы помочь им, не дать впасть в отчаяние, к чему они бывают близки. Смешно сказать, что и моя Турция тоже отчасти связана с этим. Я там ничего не зарабатываю, но работодатель кормит меня, и я тем самым сберегаю семейный бюджет. Я бы не стал говорить об этом, когда бы ты не повернул разговор к книге.

Да и бог с ней. Кому сейчас нужна хоть какая-то критика? Тем более о 60—80-х годах. Хотя, конечно, это была последняя литература «большого стиля», в которой мы не уступали никакой большой литературе Запада. Для книги об этом надобен ум поосновательнее моего. Тут нужно исследование настоящей академической руки вроде С. С. Аверинцева и П. В. Палиевского. А я уж, видно, так и пробегаю остаток жизни по малым человеческим поручениям.

Спасибо за твое интервью «Правде» (Светлана Ивановна передала его мне на выставке Ю. И. Селиверстова). Твой разговор о «Норд-Осте» жесток и верен. Но там есть еще один по-человечески болезненный оттенок. Ребята, работающие в нем, радовались своей работе, потому что там действительно шла речь о Родине, и они радовались чистоте дела. И не зря боевики взяли не «Нотр-Дам», не «Чикаго», а именно Родину в ее лучшем. Но уже и те перевели родное на уж очень бойкий язык, и эти взялись за дело тоже в жанре мюзикла. Трагедия вышла слишком театральной с обеих сторон и скоро сама послужит сюжетом для новых бойких работ.

*В. Распутин — В. Курбатову
23 февраля 2003, Москва*

Прости ты меня, многогрешного, за гнусные советы: как жить и о чем писать! Советы в таких случаях никогда и никому, в том числе и мне, не помогали. Кроме обстоятельств жизни, если бы даже их не существовало в той роли, которую они играют, есть еще внутренние обстоятельства, которым не прикажешь. Я так ими только, этими последними, и «руководствуюсь», по крайней мере, на них все сваливаю.

Одно только возражение на твой ответ на мое предложение — что такую книгу (о литературе 60—80-х) надо было бы писать С. Аверинцеву или П. Палиевскому. Нет, им-то и нельзя: замудрят. И больше не буду. И еще раз прости за то, что заставил тебя надирать сердце.

В Малеевке я посидел вроде неплохо. Было довольно тихо и спокойно, даже студенческие каникулы бушевали там в меру. А в последние дни остался совсем один и, чтобы не заставлять повара готовить, брал сухим пайком. Вроде закончил вчерне повесть, которую мучаю уже несколько лет, но буду

¹⁴ Шкловский Евгений Александрович (р. 1954) — критик, писатель.

ли ее печатать, пока не знаю. Дыр там внутри еще полно, но дело не в этом, дыры-то можно залатать. А когда «ткань» выделана слабо, это уже неисправимо. Оставляю и еще на месяц-полтора, взгляну еще раз свежим глазом — тогда и решу. Что делать! — старость, по всем швам старость и дряблость, а против этого недуга ни лекарства не помогут, ни воля. Осталось у меня в Москве еще полтора месяца, потом поеду огород разворачивать. Спрятаться, конечно, и за огород не удастся, но само по себе здоровое и полезное дело сколько-нибудь утешит.

Чем занимаюсь? Чем только не занимаюсь! Живу теперь с «памятками»: что перво-наперво сделать до конца месяца. И вот по возвращении из Малеевки на две февральские недели только предисловий разных к чужим, разумеется, книгам — четыре. Слава богу, ни одного к художественной прозе, то к книжке о деревянном сибирском зодчестве, то к альманаху о Тобольске и пр. Хожу как никогда много в театры: нынче опять вампиловский фестиваль, а от театров, предлагаемых Министерством культуры, решили отказаться: одна пошлость и гадость. Нет ли у вас в Пскове хорошего (хорошо бы очень хорошего) спектакля? Но только без голых. Или в Твери? Проваливать это дело нельзя, тогда опять другие приберут к рукам, а силенок уже ни на что не хватает.

Ладно, чего жалобиться! Глядя на Савву — и себе добудем славу. Савва неутомим. Звонит, заставляет искать газеты и читать (у меня ко всяким газетам отвращение), а потом обсуждать.

*В. Распутин — В. Курбатову
23 августа 2004, Иркутск*

Я по обыкновению летом полностью забываю и о литературе, и обо всем литературном. И на всякого, кто истово продолжает заниматься этим делом, смотрю как на мух, копошащихся в сметане. А поскольку ты не в вязкой литературе, а над литературой, то для тебя я делаю исключение. Гена Сапронов показал твой «Подорожник» с предложением написать предисловие — написал я плохо, поскольку совсем потерял слово, но ума хватило понять, что книжка твоя хорошая, из тех, которые держат на особой полке, чтобы заглядывать по выбору в сокровенные минуты.

Особенно хороша глава о Свиридове. О Гаврилине¹⁵ тоже. И о Юре Селиверстове. Вообще все, что в сторонке от литературы, лучше — и С. Гейченко, и Я. Голованов, и А. И. Цветаева. А из литераторов — В. Конецкий и последние главки. Гораздо менее интересны Шугаев¹⁶ и Окуджава — не от моего к ним отношения, а потому, что сказать им рядом с другими нечего. Как, впрочем, и мне.

Сейчас собирается «Молодой гвардией» книжка воспоминаний о Свиридове. И твой текст о нем был бы там очень кстати. Составлял ее Алексей Вульф, молодой еще человек и хороший прозаик, написавший о Г. В. очень хорошо. Часть его воспоминаний была опубликована, несмотря на подозри-

¹⁵ Гаврилин Валерий Александрович (1939—1999) — композитор.

¹⁶ Шугаев Вячеслав Максимович (1938—1997) — писатель, журналист, сценарист.

тельную фамилию, «Нашим современником». <...> Будешь в Москве — позвони [ему], Валентин, можно еще Андрею Петрову, твой Свиридов там очень нужен.

А следующие в «Подорожнике», вероятно, будут Володя Толстой, Бурляев... А где быть нашему неугомонному Савве?

Я хорошо сделал, что съездил к Марье Семеновне и в Овсянку. М. С. оказалась настолько бодра, что не отпускала нас от стола до трех-четырёх ночи, притом нам оставалось только слушать. Сильный она человек своей внутренней силой, практичный, память в сто раз лучше, чем у меня. Все предусмотрено, все устроено по своим местам. При мне Полинка¹⁷ принималась в артистки, и М. С., прекрасно понимая, что артистка она «еще та», не сопротивлялась продвижению, даже съездила на экзамен: Астафьевы, пока они живы, не должны терпеть поражений. Витьку¹⁸ я не видел, но и там, как я понял, устроено: у Витьки крепкая жена.

В Овсянке, в новой Овсянке, чувствовал я себя как-то неловко. Принимаю дом В. П., принимаю даже зеленцовскую «скамью» — тем более что она сейчас в зелени, но никак не могу принять «бабушкину избу» с восковыми фигурами. Это чрезмерность по образцу «самое-самое», нехай у нас будет так, как у других не будет. Вообще с музеями чрезмерность, не надо бы их сразу вываливать возом. Дело не в том, что к Виктору Петровичу в дальнейшем станут относиться спокойней, а в том, что этот «перебор» (начальный) его же имени и его же значительности может помешать, потому что дорога к нему от его книг будет перебиваться музейными экспозициями.

Библиотека в Овсянке хороша, но и там чувствуется настроение пушкинской старухи: все есть — что бы еще запросить?

А на могиле я чуть не расплакался: вот тут все так, как и должно быть, здесь Господь не позволил самостоятельности.

Слетал после этого в Сrostки. Памятник Клыкoва, мне показалось, точен, и стоит он (сидит, как в последней сцене «Печек-лавочек»), обозревая родные дали и собирающийся народ, на месте, на Пикете. Нынче, в этот юбилейный год, поменьше было и шоу, потому что побольше серьезных людей на сцене и среди не менее десяти тысяч поклонников — поклонников все-таки Шукшина, а не Панкратова-Черного и ему подобных, хотя и Панкратов-Черный был. Если и дальше так — вернут Пикет Василию Макаровичу и, может быть, отставят шоу. Иной раз и губернаторского места не жалко, чтобы смехачи ушли со сцены.

Трижды ездил за ягодой. Год у нас нынче обильный на ягоду. За 150 км по широкой дороге пробирались за жимолостью — два дня полоскал дождь и не подпустил к ней. Потом поехал за 300 км в Качуг за голубицей, опять дождь, но в перерывах с ведро хорошее взял. Через два дня за 500 с лишним километров еду в Саяны за черникой. Этими плодами больше утешается даже душа моя, а не токмо живот.

¹⁷ Астафьева Полина Геннадьевна (р. 1983) — актриса, руководитель театральной студии, внучка В. П. Астафьева.

¹⁸ Астафьев Виктор Геннадьевич (р. 1976) — внук В. П. Астафьева.

У Шукшина были еще Ганичев, Личутин, Сегень¹⁹. Очень хороший провел день в Смоленском у Анатолия Соболева²⁰. И музей небольшой есть, и надгробный памятник, и встречи были в клубе, с полным залом, и почтение, какое-то очень теплое, чувствовалось к своему земляку. И все искренне, непоказно, не допустив даже малейшей фальши.

Трудно великим остаться в чистоте, всяк норовит свинью подложить, и вот такого размера и души писателя, как Анатолий Соболев, достойные в жизни и смерти, так легко и чисто отзываются в сердце. Тут тайна глубже. Тут превосходство таланта души над талантом ума.

В. Распутин — В. Курбатову

8 августа 2005, Иркутск

Я бы и дальше молчал, потому что по лености своей давно обрек себя на молчание, да дали мне прочитать твою переписку с Борщаговским²¹. И она заставила меня нарушить обет молчания (но не косноязычия). Знал я тебя, казалось, хорошо, но оказалось, что глубин твоих не знал и в десятой доле, и удивительно, что обнаружили они мною опять в жанре вроде бы второстепенном. Но не для тебя, ибо ты и здесь отнесся к этому жанру очень серьезно и точил свой ум с удовольствием, воспользовавшись тем, что собеседник тебе попался серьезный.

Много раз я убеждался, что ничего случайного в жизни и встречах людей друг с другом не бывает и что ведомы мы зрячей судьбой. Нарочно ища такого собеседника с другого, в сущности, берега, меж которыми переправа то есть, то нет, — ни за что не найдешь. А тут он был сознательно показан и подведен, вас заставили расположиться друг к другу, сдружиться с единственной целью — чтобы сказать то, что было сказано. И мне показалось, что Александр Михайлович даже откровеннее и напористей, чем ты, потому что он чувствует себя хозяином и ни одну пядь занятой территории сдавать не собирается. Он и в глубокой старости не потерял уверенности в себе и своих сородичах и наступает даже там, где нет никакого сопротивления и где опасность выдумывается его либеральной стороной, чтобы воспользоваться ситуацией и снова и снова продвинуться вперед.

Он умен, очень умен, как-то плотно и монолитно умен, не теряя с годами прочности ума. Широкий и в советское время справедлив (старается быть справедливым) и к своим, и к нашим. Не признает этого разделения на «своих» и «не своих», но только до определенного времени, до определенного начала событий, а потом пишет «обвиняется кровь», хотя эти обвинения были или дурными (в «перестройку»), или справедливыми (в послереволюционные годы), у Солженицына, которого не обвинишь в антисемитизме, что показано хорошо. Я у Борщаговского, кажется, ничего не читал, но после вашей переписки захотелось прочитать и «Обвиняется кровь»,

¹⁹ Сегень Александр Юрьевич (р. 1959) — писатель, сценарист.

²⁰ Соболев Анатолий Пантелеевич (1926—1986) — прозаик.

²¹ Борщаговский Александр Михайлович (1913—2006) — писатель, театровед, литературный критик.

и книгу о Бабушкине: неужели он и его оправдывает? Вообще, признание нас — Абрамова, Астафьева, меня — вызвано у Борщаговского, во-первых, художественностью наших книг (и этого у него не отнимешь), а во-вторых, их способностью влиять на общество так, что вольно или невольно помогало расшатывать механизм власти. Я говорю о наших книгах 70-х — до середины 80-х годов. Хотя ты и не признаешь художественности у Абрамова, но тут я согласен с Борщаговским. Он, может быть, и сам не осознавал разрушительного действия наших книг, да нет, осознавал, конечно, но было это у него по справедливости на втором месте. Но затем, когда пошли «Дети Арбата», книги Эйдельмана²² и др. своих по крови, книги, которые он поднимает на последнюю высоту литературы, вкус почему-то решительно изменяет ему и справедливости как не бывало.

Он воистину столп либерализма и общечеловеческих ценностей, не в шутку называет себя космополитом. Знает прекрасно, до поры не говорит, что общечеловеческие-то ценности — это ценности его народа, а для нас они смертельны. Читая, я всякий раз почти безошибочно после твоего письма мог угадать, где он тебя станет поправлять. Ни в чем, что зацепило его позицию, он не согласится, все расставит по своим местам. Делает это умно, без нажима, но не пропустит.

Книга эта будет очень нужна, Валентин, не сомневайся. Конечно, читателей она много не соберет, но какая книга теперь, кроме бесстыжих и развлекательных, собирает читателя? Но сказано в ней много, и диалог напряженный, точно вы заранее сговорились, что письма ваши, как главы, пойдут потом в книгу, и мастерски следили, чтобы нигде не провисло. Я проглотил всю рукопись за четыре или пять приемов, а для меня с моими глазами это действительно «проглотил», не в силах оторваться до трех-четырёх ночи. Лично меня нигде не задело, думаю, что редакция твоя была, а если бы и задело, возмущаться бы не стал, ты режешь правду-матку в отношении тех, кого любишь, но свое тоже не отдаешь, заставляя, к примеру, забыть своего оппонента (правда, ему тогда уже было, кажется, за 80), что он говорил накануне, и соглашаться с тобой (отзывы Борщаговского о романе «Прокляты и убиты» — пример тому). Только к концу, когда пошли 80-е годы, я, правда, несколько утомился, но ведь и какие события пришлось на эти годы — стыд вспомнить!

Что не принял? Да почти все принял, кроме мелочей. Думаю, что не нужен натурализм о Гейченко в его последние годы (стр. 178), это уже как снимающая все, что было, кинокамера. Задело, что загодя ты заталкиваешь Астафьева в Букеровскую премию и ищешь там справедливости (стр. 183). Но это уж на твой вкус и твой ум, советовать ничего не буду.

Но если бы пришлось что-то советовать Борщаговскому, выразил бы недоумение, зачем так много и восторженно о своем любимом зяте. Герман — режиссер, по-видимому, действительно талантливый, но при родстве-то мера нужна прежде всего.

²² Эйдельман Натан Яковлевич (1930—1989) — историк, писатель.

Ну, все, больше ничего не говорю, ибо и сказать-то точно не умею, кроме благодарности вам обоим за это могучее летописание.

Хандра моя нынче как никогда была тяжелой и затянулась, не выбрался из нее окончательно и теперь. А может быть, уже и не выберусь. Съездил в Аталанку, в прошлом году наконец-то добился, чтобы строили там школу. Теперь строят, армяне и корейцы, а земляки мои воруют безбожно все, что доставляется для школы, и куражатся, что школа им не нужна. Ой, тяжело на это смотреть! Но смотреть надо, скоро поеду опять. Подожду встречи с Агнессой Федоровной²³ и Михаилом Петровичем и поеду. А в Ясную Поляну, вероятно, не соберусь, и не потому, что нет времени, а боюсь уже являть себя. Позвонил недавно Василию Ивановичу [Белову] в Вологду, а Ольга Сергеевна²⁴ говорит, что ему надо минут десять, чтобы подняться и подойти к телефону, что совсем слаб. Нет, деревенское наше происхождение для нынешнего времени прочности не дает, а, скорей, напротив, раньше обессиливает. Не та атмосфера.

До Нового года, надеюсь, увидимся. В Москве не обходи, ты там собирался быть в начале ноября.

Р. С. Да, захотелось после вашей переписки прочитать не только «Обвиняется кровь», но и твоего Пришвина. Книжечку уже отыскал и положил поближе. В свое время я ее, конечно, читал, но теперь мало что осталось в памяти. «Но это память, память виновата» — почти песенка.

В. Курбатов — В. Распутину

8 ноября 2009, Псков

Значит, на зимние квартиры? Ну вот и хорошо. Народ все обсуждает твою беседу с президентом о «толстых» журналах и все спрашивает у меня: только ли ты имел в виду помощь «Новому миру», «Знамени» и «Октябрю»? Или на что-то может рассчитывать и, например, «Литературная учеба», которая сейчас меняется в хорошую сторону и тоже считает себя вполне «толстым» журналом. А я, грешный, отчего-то думаю, что журналы умирают естественной смертью, как умирает породившее их государство. И никто их подписывать не кинется, а ведь они держались именно подпиской, а не тем, что их поддерживало государство. Оно-то как раз хотело, чтобы они заткнулись и не мешали начальству по своей воле пожить — строить на Байкале комбинаты, поворачивать реки.

Сегодня журналы могут решительно восстать против Богучанской ГЭС, а она вон «слушает, да ест». Как и во всех иных областях. Беда, что писатель «разжалован» из народных авторитетов. Много ли их сейчас в Думе и слышен ли их голос, как и в Общественной палате? А эти встречи, где тебя уравнивают с Т. Толстой и Д. Быковым, — это ведь царская забава, то, что в доброе советское время звалось простой «показухой». Другое дело, что нам все рано ничего не остается делать, как только кричать до последнего, иначе — мы уже не будем мы.

²³ Гречицкая Агнесса Федоровна — литературный редактор.

²⁴ Белова Ольга Сергеевна — жена В. И. Белова.

Меня все чаще захлестывает отчаяние и сознание бессилия. Какой-то общей напрасности жизни — что и зачем делал и зачем жил? Хорошо было К. Симонову — «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете», когда он знал, что эти строчки были прямым делом в общем труде. А мы сегодня? Государство висит как паук на осенней паутине и летит, куда его несет ветер и чужие расчеты, а мы внизу под ним кричим пустое «нет», потому что они там давно не связаны с нами ни единой общей нитью.

Писатель пописывает, читатель почитывает — вот и все наше служение, несмотря на все наши звания, Палаты и Советы.

В. Распутин — В. Курбатову
16 декабря 2009, Москва

Вчера мы со Светланой вернулись из санатория в Егнышевке, это в Тульской губернии, на берегу Оки, в бывших владениях Голенищевых-Пушкиных (очевидно, Бобрищевых-Пушкиных. — *Ред.*). Санаторий инвалидный, тебя туда могли взять только как сопровождающее лицо. Я тоже был сопровождающим лицом своей жены, хотя и полноправный инвалид. Но так почему-то лучше, а почему — не разобрался. Жили как у Христа за пазухой, кормили вкусно и обильно, народ мирный, даже жизнерадостный, поет песни, танцует, побрякивая костылями; кино, как я убедился, только старое, новое не признают. Литературой интересуются мало, хотя библиотека хорошая, но газет не держит, ни правых, ни левых. Почти две недели я оставался неизвестным, потом, правда, был разоблачен, но, слава богу, без особого интереса.

Теперь опять Москва и твое письмо, ждавшее меня почти месяц.

Ты справедливо отчитал меня за участие во встрече писателей с Путиным. Я до самого последнего момента и не знал, кто из нашего брата там будет. Дважды звонили в Иркутск, сначала я отказался, затем стали настаивать — и согласился. Кто еще будет на этой встрече из нашего брата — не могли сказать. И когда расселись, никого, кроме Юрия Полякова и Андрея Битова, я не в состоянии был узнать, да и Андрея Битова не видел лет пятнадцать. Что делать? — вляпался, пришлось терпеть.

Но я не могу согласиться с тобой, что незачем было хлопотать о «толстых» журналах. Да, они умирают естественно, потому что умирает государство, но ведь они умирают не только у нас, а во всем мире. А поскольку мы с тобой тоже участвовали в жизни литературы, нам ничего не остается, как участвовать (недолго и осталось) в сохранении ее приличия, хотя бы мало-мальского. Ты это постоянно и делаешь, я-то уже не гожусь, хотя время от времени даже в бессилии делаю попытки.

«Толстым» журналам Путин пообещал библиотечную поддержку. А библиотеки сами должны решать, какие журналы они выбирают. Можно не сомневаться, что «музыка» эта, если она даже «заиграет», будет звучать недолго. Но ведь хочется, хочется, чтобы пожили еще и «Москва», и «Наш

современник», и «Лит. учеба», и «Сибирь»... Конечно, все идет к одному концу, но, как говорится, на миру и смерть красна.

Да это и не главное было на той встрече, Литература писателей интересовала куда меньше, чем свое бытие, и очень скоро они дружно свернули на свое Переделкино, на то, что оно запущено, что одним позволяют приватизацию, а другим нет, что там, кроме писателей, селится неизвестно кто. А то, что вся Россия запущена и в ней селится неизвестно кто, — об этом и речи не было. И вмешаться всерьез было невозможно, я свой голос использовал первым, а потом два раза пробовал вмешаться, но тут же прерывали, в том числе и сам хозяин.

Нет, туда я больше не хожу. Защитник из меня совсем никудышный, и чем дальше (так. — *Ред.*), тем больше. Вспомнил, как наградил тебя 72-летним юбилеем. Не потому, что юмор такой, а потому, что голова такая.

Решили мы возвращаться в Иркутск. Не помню, может быть, я и писал тебе об этом. Но в нынешнем сезоне переселение не удастся. Светлане после Нового года, вероятно, придется возвращаться в больницу, в марте, если все обойдется благополучно, хотим в Иркутск, а уж в следующем году намерены собирать ведачки. Готовиться к смерти и умирать надо на Родине. А здесь до того — хорошо бы побывать на могиле Саввы. Без него пустоты в Москве стало еще больше. Какая-то кричащая, никак не умолкающая пустота.

И я тут теперь соучастник ее.

Прости меня и не огорчайся моим беспутствием. Что делать! — от этого уже не выздороветь.

Р. С. Да оно и в Иркутске без Гены²⁵ теперь пусто. Слишком дорого заплатили мы за свое путешествие. Как вспомню — сердце обрывается. И почему-то кажется, что история — трагедия на Саяно-Шушенской тоже связана с нашей поездкой, как напоминание о том, что громадьё таких строек оборачивается громадьём трагедий.

В. Курбатов — В. Распутину

11 ноября 2010, Псков

Твое срочное отправление первого класса домчалось до меня за две недели. Пуля, а не послание — вжик — и у меня!

Нечего и говорить, что оно меня мало обрадовало. Сил становится все меньше, но удержаться все равно надо. Мир упорно сталкивает нас в полойное ведро. Мы мешаем ему потерять себя окончательно в вихре удовольствий и в окончательном изгнании из словаря слова «обязательство». Права! Права! Права! — вот молитва и припев. Но давай мы еще попутаемся под ногами, еще помешаем их окончательному торжеству. Хотя бы «Сиянием» и «Вечерами». Я вдруг подумал, что в следующий раз (вон как я далеко загадываю назло им) хорошо бы в «Вечера» вводить одного

²⁵ Речь идет о Г. К. Сапронове. В 2009 г. он организовал для писателей путешествие по Ангаре. Поездка мимо гибнущих земель и деревень произвела на всех тягостное впечатление. Через несколько дней Г. К. Сапронов умер от сердечного приступа.

молодого из тех, кто тоже еще не сдался. Я бы взял Захара Прилепина. Его растлевают на глазах, но там в середочке живет еще деревенский паренек с остаточком чистого сердца. И глядишь, мы бы его в этой середочке и удержали и отняли у *тех*.

Следующие «Вечера» как будто сдвинулись. Все рукописи после смерти Гены уже у Лены с Наташей. Хотя Лена и печалится, что склад еще полон прежними книгами, что не тронут весь второй тираж астафьевского «Нет мне ответа», есть еще книги участников «Вечеров». Собирается съездить на «Нон-фикшен» в надежде что-то продать там — нам дает уголок «Литературная учеба». Были бы силы, может, и мы с тобой выбрались бы на денек помочь ей, послушать, как «наглядные пособия».

С моими письмами решай сам, Валентин. Часть их ты вернул. Они у меня. Я всю переписку с Астафьевым отдал в Чусовой, другие письма в нашем архиве, где они вовек никому не понадобятся. Дневники отдал в Пушкинский заповедник. Эти по доброте даже купили их, хотя тоже знают, что им истлеть без применения. Если берет библиотека — отдай! Я бы добавил и те, что ты вернул мне, — привез бы, когда поеду на толстовское столетие. Они ведь не для меня нужны, а для твоих исследований, которые, Бог даст, еще какое-то время поинтересуются нашим братом...

В. Распутин — В. Курбатову
6 января 2012, Москва

И еще раз с Новым годом и Рождеством Христовым! Дай-то Господь нам пищи духовной и телесной! А в храм сегодня не удастся пойти — уже который день бьет кашель, и унять никак не могу.

А пишу вот по какому случаю.

Я у Прилепина ничего, кроме его большой и очень мне понравившейся книги о Леонове, не читал. Все как-то руки не доходили. А тут кто-то занес в наш дом один из последних его романов под названием «Черная обезьяна». И это оказался совсем другой Прилепин. Талант никуда не деть, он есть, но он как бы лишь сверху талант, чтобы слегка узнавался автор, а все остальное какая-то нарочитая небрежность и кувыркачево. Но автор-то тот же самый! И как это ему удастся свой талант, свой язык, свое нутро чуть ли не полностью изменять? Ничего не понимаю. И во имя чего? Чтобы даже и близко не быть рядом с писателями теперь уже миновавшей эпохи! Чтобы категорически не походить на них!

Я бросился писать тебе, Валентин, вовсе не для того, чтобы сказать: Прилепин нам в Иркутске не подходит. Я теперь знаю у него всего две работы, а они, теперешние, чуть ли не каждую неделю пишут по роману. Вот тут, очевидно, и потребуете отбор, особенно для той работы, которая будет печататься в Иркутске.

А может, он даже не в двух, может, он даже в десяти ипостасях, в каждой талантлив, как дьявол. Да-а, не позавидуешь тебе, Валентин! И как же все-таки вовремя я сбежал из литературы. То ли еще будет.

В. Курбатов — В. Распутину
6 ноября 2014, Псков

Жду со дня на день Стрельцова со Ступиним. Хотят опять манить меня на Литературные вечера, хотя уже определены и ведущий, и выступающие. Чувствую себя глупо. Что я там буду делать? Только мешать Водолазкинну? Или сидеть «балластом»? Разве попробую переиздать «Подорожник» с новыми именами и в эти же дни представить его в библиотеке имени Гёны. А имен-то особенно новых в «Подорожник» и не прибавишь. Время обмелело, и с ним обмелели и записи в «Подорожнике» — глубокое дыхание ушло, как ушло оно из жизни и литературы.

Живу старыми запасами — в Пскове переиздал «Крест бесконечный», а издам «Подорожник» — и окажусь в чистом поле... Надо будет писать что-то новое, а ни в уме, ни в сердце этого нового нет. Или оно такое новое, что старым умом его не возьмешь. Нет-нет, еще храбрюсь и обманываю себя и других, что сегодняшняя реальность есть действительно *реальность*, новая земля, которую можно написать, освоить, сделать *почвой*. И тем вернуть, выстроить систему устойчивых координат, чтобы опять «звездное небо над головой и нравственный закон во мне», но хватает порыва только на декларацию, а как доходит до конкретного «освоения», так мысль мнется, чувство молчит, перо каменеет.

Звонил Костя Житов²⁶, говорит, что тебя готовят к операции. Стану на молитву, чтобы все прошло хорошо, потому что от твоего здоровья зависит и мое — так уж сошлось, что я давно живу твоим сердцем и твоими глазами. Вижу, конечно, меньше, но стараюсь глядеть в ту же сторону и держать слово в возможной чистоте.

Как Виктор-то Петрович однажды прокричал из Овсянки Габриэлю Маркесу, вздумавшему умирать: «Маркес, живи!» — и Маркес тогда воскрес и даже пережил Виктора Петровича. Что значит искренняя любовь и искреннее слово. А с тобой-то и вовсе каждое русское сердце, каждая тобой рожденная душа. Кто уж однажды в свой час прочитал и «Живи и помни», и «Прощание», и «В ту же землю» — тот уж навсегда с тобой и в молитве за тебя.

---

²⁶ Житов Константин Яковлевич — иркутский журналист, публицист.

Андрей ТИМОФЕЕВ

ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Главы из книги*

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ КРИТИКА

1. Идеальное или реальное

Русская литература обрела свою самобытность в 1830-х гг. — постепенно оставалась в прошлом эпоха слепого подражания западным образцам, но впитывание продолжалось: вместе с французской литературой отечественная прожила противостояние классицизма и романтизма, усвоила уроки немецкой классической философии (сначала Шеллинга, а потом Гегеля), шла за Шекспиром в поисках «истинного романтизма»¹, который по сути и есть реализм.

Молодой Белинский появился в тот момент, когда назрела необходимость ответа на главный вопрос времени: существует ли русская литература вообще и что в ней является ценным? «Первый и главный вопрос, предстоящий для разрешения критики, есть — точно ли это произведение изящно, точно ли этот автор поэт? Из решения этого вопроса сами собою вытекают ответы о характере и важности сочинения». Этот

«наивный» вопрос, заданный двадцатичетырехлетним человеком на заре существования русской критики, выглядит насмешкой над критикой современной, которая обладает опытом двухсотлетнего осмысления литературы, разработанным аппаратом, историей преодоления искушений тех или иных искусственных теорий и тем не менее не в состоянии не только разрешить этот «первый и главный» вопрос на материале современной литературы, но даже задать его.

В той же статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», напечатанной в 1834 г., Белинский не только ставит вопрос, но и предлагает несколько критериев художественной ценности: простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность. Критерии эти очень простенькие и не могут нас сейчас удовлетворить, но все же это был первый шаг в нужном направлении. В той же статье содержатся подступы к учению о необходимости концентрации смыслового и бытийного вещества, когда в одном эпизоде художественного произведения «сосредоточивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века». Впоследствии это учение приведет критику и литературоведение к «классическому» понима-

---

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2021, № 2.

¹ По определению Пушкина.

нию природы художественного образа. С исторической точки зрения здесь важен и обзор всей предшествующей Белинскому отечественной литературы (от Сумарокова и Хераскова до Пушкина), и, собственно, сам анализ ранних произведений Гоголя и свойственного им «комического одушевления, всегда побеждаемого глубоким чувством грусти и уныния».

Впрочем, главная ценность этой работы — вопрос об идеальном и реальном направлениях в литературе.

Еще Аристотель отмечал, что Софокл «сочиняет людей такими, как они должны быть, а Еврипид — как они есть»². Однако для русской литературы эту альтернативу властно поставил именно Белинский: «поэт³ или пересоздает жизнь по собственному идеалу, зависящему от образа его воззрения на вещи, от его отношений к миру, к веку и народу, в котором он живет, или воспроизводит ее во всей ее наготе и истине, оставаясь верен всем подробностям, краскам и оттенкам ее действительности. Поэтому поэзию можно разделить на два, так сказать, отдела — на идеальную и реальную». Альтернатива очень проста, однако за ней — бездна смысла и принципиально разные подходы к творчеству. Для одного подхода предмет художественной литературы — идеал, то есть то, к чему нужно вести читателя. Для второго — сама жизнь.

Белинский очень корректно оставляет за идеальным представлением право быть таким, как оно есть, настаивая лишь на том, что реальное более

² Тщательно это проанализировано, например, в замечательной статье Лидии Гинзбург «Литература в поисках реальности».

³ Под словом «поэт» Белинский понимает, собственно, любого писателя, в том числе прозаика или драматурга, а слово «поэзия» для него — точный синоним «литературы».

удовлетворяет «духу нашего времени». Да и вся последующая русская критика с уважением относилась к идеальному направлению, оговариваясь, что и такое возможно в литературе. Однако, начиная с Белинского, неизменно выбирала реальное⁴.

Художественная литература неразрывно связана с реальной жизнью, осваивает ее, в той или иной степени черпает в ней материал для своей интуиции — вот первое положение философии литературы, с одной стороны — предельно очевидное, с другой — нуждающееся во множестве уточнений, которые мы сделаем сейчас одно за другим, последовательно рассматривая историю русской литературной критики через призму отношения к этому вопросу.

Но прежде заметим, что у этого вопроса есть иной вариант формулировки (по содержанию не отличающийся от первого). Идеальное направление живет в довольно распространенном (особенно в бытовом сознании) представлении о красоте как об истинном предмете искусства. Искусство отражает прекрасное в мире, искусство есть красота, искусство выбирает из жизни только прекрасное, искусство приукрашивает действительность — в конечном счете все это разные варианты «правды Софокла». И утверждение этого мнения или опровержение его есть, по сути, тот же выбор между идеальным и реальным направлениями в литературе.

Авторитет Белинского и его установка на реальное направление были незыблемы в русской критике вплоть до 1890-х гг., его не оспаривала ни одна из

⁴ Другое дело, что следование этому направлению было делом трудным. То, как русская литература приходила к реальности в отборе деталей и в психологической проработке героев, хорошо показано в той же статье Лидии Гинзбург.

трех «партий», на которые раскололась критика после смерти своего предводителя.

Яростным апологетом «правды Еврипида» был Николай Чернышевский (вся его магистерская диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности», по сути, есть педантичное и назойливое доказательство, что в литературе мы ценим жизнь, а не абстрактную идеальность и красоту). До логического завершения его построения довел Дмитрий Писарев в уже упоминаемой нами ранее работе «Разрушение эстетики», низведя литературу до жизненного материала, о котором идет речь в том или ином произведении. В страстном стремлении получить логический вывод (в общем-то верный и полученный еще Белинским) Чернышевский и Писарев не заметили, что, хоть литература и есть отражение «того, что есть», сам механизм этого отражения вовсе не в простом перенесении реальности на бумагу. Вопрос о том, как именно отразить «то, что есть в жизни» в форме художественного произведения, открывает перед нами целую вселенную подходов к осмыслению жизни, художественных приемов, принципиальных вопросов, которые русская критика ставила и разрешала в дальнейшем. В схожем стиле мыслили и наследники Чернышевского и Писарева 1870—80-х гг. — Варфоломей Зайцев, Максим Антонович, Николай Михайловский и др. Наиболее глубокий представитель «демократов» Николай Добролюбов был тоньше своих соратников: он также ценил многие разбираемые им художественные произведения за актуальность темы, однако оговаривался, что делает это вследствие отсутствия в современном ему литературном процессе по-настоящему

художественных явлений, «самобытных, замечательных не по отношению к каким-нибудь другим интересам, а по своему внутреннему достоинству»⁵.

Противники «демократов», так называемые «эстетики» Александр Дружинин и Павел Анненков, как мы уже говорили раньше, не были сторонниками абстрактного «чистого искусства», предметом которого являлось бы нечто не связанное с непосредственной реальностью. Их полемика с Чернышевским и Писаревым была, скорее, борьбой против «дидактики» и сведения ценности художественного произведения к актуальности его темы. Идеал «эстетики» понимали как «образ, соединяющий в себе всю ту сумму нравственных и поэтических черт, которая ему свойственна по природе его, верный действительности и самому себе»⁶, иными словами, верный реальности, а не абстрактному образу в голове художника⁷. Также важна была для них полемика против восприятия предмета литературы как реальности исключительно сиюминутной, бурлящей актуальными проблемами, и потому особенную художественную ценность они признавали за вечным и непреходящим (но опять-таки реально существующим в мире).

Несколько иное понимание идеала было свойственно идеологу третьей «партии» — «почвенников» — Аполлону Григорьеву. Для него реальное направление вовсе не исключает идеал — не как предмет изображения, а как

⁵ Николай Добролюбов, «Забитые люди».

⁶ Павел Анненков, «Наше общество в "Дворянском гнезде" Тургенева».

⁷ В этих терминах, действительно, можно говорить, что предметом литературы является идеал, только это утверждение не будет иметь отношения к «идеальному» направлению по Белинскому. А будет означать: 1) верность реальности, 2) стремление художественной литературы к концентрации явления реальности в то, что соответствует его сути, что является для этого явления наиболее характерным.

органическую часть авторского взгляда на мир, побуждающую к действию, к активной организации осваиваемой жизни, овладению ею с помощью эстетической формы. Идеал (или тоска по невозможности его обретения), по Григорьеву, есть сила, властно действующая в душе художника⁸, однако не трансформирующая реальность, которую художник осваивает, не подменяющая реальность тем, чем она, по мнению художника, должна быть⁹. Тонкости этого различия будут очевидны для нас после различения «образа автора» и непосредственно изображаемого мира (в частном случае — «образа героя»). В сходном направлении двигались последователи Аполлона Григорьева — Николай Страхов, Константин Леонтьев, ранний Василий Розанов, создавшие самое глубокое и объемное учение в критике второй половины XIX в., которое может быть названо собственно классической русской критикой. Представление о художественной ценности в нем было неразрывно связано с понятием правды¹⁰. Предметом художественной литературы для этих критиков стала не просто реальность, а как бы ее суть, ее бытийная концентрация (что потом естественным образом привело к «классической» трактовке понятия художественного образа как концентрата бытия).

⁸ Во многих статьях, например в «Критическом взгляде на основы, значения и приемы современной критики искусства».

⁹ В этом, безусловно, есть идеализм в смысле мировоззрения критика, но нет идеального направления в терминах Белинского.

¹⁰ Николай Страхов развил это учение, отталкиваясь от известной цитаты из «Севастопольских рассказов» Льва Толстого: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда». Так частная задача, сформулированная в отдельном художественном произведении, стала, по сути, главным принципом всей литературы в понимании классической русской критики.

В общем, никто из ближайших наследников Белинского не ставил под вопрос неразрывную связь художественной литературы с реальной жизнью — здесь различие было в некоторых тонкостях и тех или иных аспектах значения понятия «идеал».

Гораздо интереснее в этом смысле были процессы, происходившие с 1890-х гг. — в это время началось масштабное переосмысление авторитетов (в том числе и Белинского), отвержение позитивизма, вульгарного материализма и утилитарного народничества (в наиболее острой форме это выразилось в статьях «об упадке» и «отказе от наследства» Дмитрия Мережковского и Василия Розанова¹¹, в работах Акима Вольнского¹²). Эта борьба имела значение не только отрицательное (как протест против наследников «демократов» — «критического мейнстрима» 1870—80-х гг. и порожденной ими литературы «третьего-четвертого ряда»), но и положительное (привела в итоге к символизму и «новой критике» рубежа веков). Дать краткий обзор этого периода русской критики — трудная задача. Здесь кончается время фигур незабываемых, воплощавших в себе классические представления, так что мнение каждого из крупных критиков можно принимать с теми или иными оговорками — настолько сложными были происходящие процессы. Здесь существенно расширяется поле интересных писателей и начинается время критики, ставящей задачу исследовать индивидуальные особенности художественного мира каждого автора, а не осмыслить единый литератур-

¹¹ Дмитрий Мережковский, «О причинах упадка и новых течениях современной литературы»; Василий Розанов, «Почему мы отказываемся от "наследства 60-70-х годов"?».

¹² Аким Вольнский, «Русские критики», «Борьба за идеализм».

ный поток¹³. Однако, взглянув на этот период сквозь призму выбора между реальным и идеальным направлениями по Белинскому, мы можем сделать несколько важных замечаний.

Первое: для тех, кто в 1890-х гг. представлял новые явления в литературе, эти явления воплощали собой самую реальную реальность, гораздо более глубокую, чем реальность натуральной школы или критического реализма. Характерно, что в упоминаемой нами выше обзорной статье, посвященной преодолению позитивистского «мейнстрима» в литературе и критике, Дмитрий Мережковский относил к новым явлениям «идеальной поэзии» именно тех авторов, кого мы сейчас считаем крупнейшими русскими реалистами — Толстого, Тургенева, Достоевского и Гончарова. В творчестве этих авторов воплощались подходы, с которыми связывалось дальнейшее развитие литературы: мистическое содержание, расширение художественной впечатлительности, символы. (Причем символы понимались Мережковским абсолютно в духе освоения существующей реальности: «Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности. Если же автор искусственно их придумывает, чтобы выразить какую-нибудь идею, они превращаются в мертвые аллегории, которые ничего, кроме отвращения, как все мертвое, не могут возбудить».)

Борьба с позитивизмом и вульгарным материализмом проходила не только в литературе, но и в других областях человеческой деятельности, особенно в философии и религии, что опосредован-

но оказывало воздействие на литературу. Ярким примером был Владимир Соловьев (знаковая фигура для многих писателей и критиков того времени). Соловьев-критик воспринимал литературу абсолютно в духе идеального направления: например, учил, что художником является тот, кто претворяет реальные сущности в идеальные (какими они будут в свете будущего мира) и т. д. Эстетические воззрения Соловьева абстрактны и представляют собой расщепленную кальку с христианской концепции взаимоотношения Бога и людей: искусство должно непременно обладать соразмерностью частей и целого, вытекающей из внутренней свободы частей и отсутствия их эгоистической исключительности: «Полнота этой свободы требует, чтобы все частные элементы находили себя друг в друге и в целом, каждое полагало себя в другом и другое в себе, ощущало в своей частности единство целого и в целом свою частность, — одним словом, абсолютная солидарность всего существующего»¹⁴. Но, во-первых, псевдорелигиозные построения Соловьева — нота, в целом чуждая русской философской традиции¹⁵ и выражающая, скорее, умственное брожение того времени (и во многом определившая его), а во-вторых, даже Соловьев при встрече с единственным большим поэтом, которого он мог осмыслить, — Тютчевым принимался приписывать красоте дополнительные свойства, связывать красоту с борьбой света и тьмы, видеть красоту в хаосе¹⁶. Детская беспомощность перед красотой штормового моря обнажает несостоятельность

¹³ Первым эту смену критической парадигмы провозглашает Василий Розанов в статье «Три момента в развитии русской критики», позже это стало отличительной особенностью «новой критики» рубежа веков.

¹⁴ Владимир Соловьев, «Общий смысл искусства».

¹⁵ Подробный анализ этого можно найти, например, в книге Николая Ильина «Трагедия русской философии».

¹⁶ Владимир Соловьев, «Поэзия Ф. И. Тютчева».

идеалистической концепции искусства, так что даже Соловьеву в конечном счете приходится считаться с реальностью, которая существует помимо его витийствований.

Проблема Соловьева и всей наследующей ему «религиозной философии» (Николай Бердяев, Сергей Булгаков и др.) заключалась в том, что, обращаясь к литературной критике, эти авторы не интересовались собственно художественной литературой, а использовали ее в прикладных целях для поисков «новой религиозности» и разрешения других философских вопросов. Для них способом постигнуть реальность была религия или философия, и они невольно требовали того же от литературы¹⁷. Поэтому все-речь воспринимать Соловьева, Бердяева и других «религиозных философов» при разработке положений философии литературы не имеет смысла. Открывая новое в философии через живой поиск, в критике они поощряли лишь соответствие своим идеям, а значит — вносили в свои представления о литературе «идеологический элемент», чуждый ей.

Крайне интересно вопрос о реальном и идеальном был актуализирован в символистской критике. В манифесте символизма «Ключи тайн» Валерий Брюсов формулирует свое (а во многом и своих соратников по «Весам») понимание искусства как постижения мира иными, не рассудочными путями («оно сознательно предается своему высшему и единственному назначению: быть познанием мира, вне рассудочных форм, вне мышления по причинности»), что

¹⁷ Очень точно проблему проникновения религии и философии в художественную литературу сформулировала уже в конце XX в. Ирина Роднянская: «...и религия, и философия, не принадлежа к миру идеологий, по отношению к поэзии все же "идеологичны"». Ирина Роднянская, «Говоря неначуно» (в кн. «Движение литературы»).

включает в себя и уяснение тайн жизни, и поиски более совершенных способов познания. Однако у символистской критики не было и не появилось в итоге критериев (пусть даже нерассудочных) подлинности, не был решен вопрос, как определить, что данное прозрение поэта имеет отношение к познанию мира, а не является утверждением того, что не имеет к миру никакого отношения. Эту проблему осознавали и сами символисты, явно она была сформулирована Вячеславом Ивановым, разделявшим (подобно Белинскому) символизм на идеалистический и реалистический и утверждавшим первенство реалистического, следующего правилу «верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем... а не постулатам личного эстетического мировосприятия — красоте, как отвлеченному началу»¹⁸. Вячеслав Иванов не разработал критериев, он говорил только о психологической установке писателя, первом импульсе к творчеству, а не о конечном результате (проверить соответствие реальности которого в рамках «символизма» невозможно), но в принципе это был адекватный и честный подход. На практике символисты шли обоими путями¹⁹, однако на уровне мысли также утверждали своей целью познание мира реального.

¹⁸ Вячеслав Иванов, «Две стихии в современном символизме».

¹⁹ См., например, рассуждения Бахтина о двух путях символизма по Иванову — идеалистическом и реалистическом: «По первому пути пошли Брюсов, Бальмонт. Для них символ есть лишь слово; скрывается ли еще что-то за словом, им нет дела. Для них символ не выходит из плана языка. И новизна предметов внешнего мира зависит лишь от внутреннего состояния художника. По второму пути пошли Андрей Белый, Сологуб и сам Вяч. Иванов. Они стремятся к постижению сокровенной жизни сущего. Символ для них не только слово, которое характеризует впечатление от вещи, не объект души художника и его случайной судьбы: символ знаменует реальную сущность вещи». Михаил Бахтин, «Из лекций по истории русской литературы. Вячеслав Иванов» (в кн. «Эстетика словесного творчества»).

Литературная критика первого советского десятилетия отличалась невероятным разнообразием и потому требует еще более тщательного анализа. Во-первых, вне нашего рассмотрения останутся довольно распространенные в то время критические исследования с применением методов фрейдизма. Во-вторых, нас не интересуют работы, целью которых было утвердить в литературном процессе влияние своей идеологической группы, например «лефовская» или «напостовская» критика, и сопротивление таким процессам, например со стороны «серапионов» (во многом аналогичное «борьбе с дидактикой» 1860-х или 1890-х гг.), а также актуальные для того времени, но незначительные для нас сейчас споры об «отказе от классического наследия», о необходимости или вредности «учебы у классиков», о возможности существования в литературе «попутчиков» и так далее. Здесь и в дальнейшем, говоря о советском периоде, мы оставим в стороне споры об идеологических тонкостях, использование литературной критики в партийной борьбе, анализ возможности существования критики как поиска истины в рамках советской системы, необходимость «эзопова языка» и т. д. — все это исторические детали, неконструктивные для философии литературы, которой мы занимаемся²⁰.

Вне рамок этой главы останется также разговор об огромном пласте критической деятельности, посвященной важным, но специфическим вопросам художественного творчества. Например, существованию особого поэтического языка (связанного с обнажением «внутренней формы слова» по Потеб-

²⁰ Кроме того, все это (и по большому счету только это) уже было предметом рассмотрения многих постсоветских исследований.

не²¹ или с побегом от «автоматизации» по Шкловскому²²), лингвистическим исследованиям на материале литературы²³, тонкостям понятий художественного образа и символа, изучению художественных приемов или сюжетов самих по себе, взятых в отрыве от их содержательной стороны, и т. д. Формалистский подход не интересуется вопросом различения идеального и реального в литературе, потому что для его представителей «искусство всегда было вольно от жизни», а развитие формы не обусловлено развитием содержания: «Новые формы в искусстве являются не для того, чтобы выразить новое содержание, а для того, чтобы заменить старые формы, переставшие быть художественными», «изменения в искусстве — не результаты изменений быта»²⁴. В следующие десятилетия, усвоив уроки символизма и формализма (их столкновений и взаимных обогащений), критически осмыслив их²⁵, наиболее серьезная часть советской критической мысли отказалась от крайностей, ушла от идеологического гнета в научную сферу и там разработала широчайший круг вопросов поэтики (например, содержательность формы, в частности — жанра (в частности — романа), ее эволюцию и т. д.). Анализ этих работ требует отдельного разговора, здесь лишь заметим, что все эти исследования (за редким исключением тех, что, подобно формалистским, не касаются выбора

²¹ Например, Андрей Белый, «Мысль и язык», «Символизм».

²² Например, Виктор Шкловский, «Воскрешение слова».

²³ Работы Романа Jakobсона, Осипа Брика, чьи идеи получили потом развитие в деятельности Пражского лингвистического кружка, например, у Яна Мукаржовского в статье «Литературный язык и поэтический язык».

²⁴ Виктор Шкловский, «Ход коня», Юрий Тынянов, «Литературный факт», и др.

²⁵ Например, Павел Медведев, «Формальный метод в литературоведении».

между реальным и идеальным, потому что исследуют исключительно форму, как, например, семиотическое направление²⁶) не подвергают сомнению неразрывную связь литературы и реальности.

Однако это касается наиболее серьезной части русской критики, ее, так сказать, внутреннего потока. На поверхности же, в том, что можно назвать актуальным литературным процессом, происходили явления, крайне интересные с точки зрения альтернативы «идеальное — реальное». Марксистская критика начала XX в., превратившаяся после революции в критику партийную, совмещала в себе две яркие и во многом противоположные тенденции. С одной стороны, она прямо наследовала демократической критике 1860-х гг. с ее установкой на отображение реальности (пусть зачастую лишь той ее части, которая была связана с жизнью рабочего класса²⁷, но уж точно не выдуманной и не идеализированной). С другой стороны, еще на заре своего существования марксистская критика искала и требовала от литературы выполнения «учительской» функции: «Самое великое искусство — искусство жить, художник должен быть... учителем этого высшего из искусств»²⁸ (это написано Луначарским еще в 1905 г.). Таким образом, акцент смещался с освоения реальности на ее преобразование, а значит — на выражение того, «какая должна быть жизнь», вместо того, «какова она есть на самом деле». После революции эта тенденция обострилась и приобрела маргинальные формы в декларациях

ЛЕФа и РАППа: «Искусство как метод познания жизни (отсюда — пассивная созерцательность) — вот высшее и все же детально укороченное содержание старой, буржуазной эстетики. Искусство как метод строения жизни (отсюда преодоление материи) — вот лозунг, под которым идет пролетарское представление о науке искусства»²⁹.

Между представлением о марксизме как об истинном учении, отражающем принципы жизни как она есть, и марксистским устройством общества как целью, к которой нужно двигаться, лежит пропасть, которую русская критика преодолевала не раз³⁰. Крайне интересны в этом смысле работы критиков «Перевала» и особенно Александра Воронского. В первое советское десятилетие это была наиболее серьезная литературная группа, пытающаяся продолжить русскую классическую мысль в новых условиях. Развивая учение о реальном направлении по Белинскому (преемственность по отношению к которому была важна для большей части советской критики и для «Перевала» в частности), Воронский предлагает «существенную поправку» к его концепции: «Когда поэт или писатель не удовлетворен окружающей действительностью, он естественно стремится изобразить не ее, а то, каковой она должна быть; он пытается приоткрыть завесу будущего и показать человека в его идеале. Но это отнюдь не противоречит определению художества, как познания жизни в форме живого, чувственного созерцания. Идеальное “завтра”, действительность завтрашнего дня... только в том случае

²⁶ Имеется в виду московско-тартуская школа: Юрий Лотман, Михаил Гаспаров и др.

²⁷ Например, Александр Богданов, «О пролетарской культуре», Георгий Плеханов, «Два слова читателям-рабочим».

²⁸ Анатолий Луначарский, «Диалог об искусстве».

²⁹ «ЛЕФ», № 1.

³⁰ Еще раз заметим, что мы здесь говорим о сознательном поиске, пусть даже обусловленном внешними обстоятельствами, а не о распространении в то время использования идеологии в литературной борьбе.

не является голой, отвлеченной мечтой, если противоположность этого “завтра” сегодняшнему дню относительна, т. е. если это “завтра” зреет в недрах текущей действительности... Строгое размышление или подлинно постигающее чувство видит такое будущее, которое, действительно, идет на смену прошлого и настоящего. Так что и в этом случае истинный художник познает жизнь, в основе его работы лежит опыт»³¹. Здесь уже видны черты трансформации «реального» в «идеальное», однако окончательного перехода еще нет — в этих словах еще много веры, а не волюнтаризма: идеальным пока видится то, что на самом деле находится в реальном (существует в потенциале будущего развития).

После разгрома «Передела» и утверждения РАППа с его вульгарными представлениями о художественной литературе в советской критике был еще короткий период «сталинской оттепели», связанный с необходимостью разгрома самого РАППа. Тогда, в 1932—34 гг., в журнале «Литературный критик», наиболее содержательном и серьезном издании 1930-х гг., состоялась дискуссия о «методе и мировоззрении», в которой Марк Розенталь и Анатолий Луначарский пытались разделять идеологический компонент, связанный с мировоззрением писателя, и правду самой жизни, «которая живыми фактами убеждает художника, что действительность, ее процессы, ее течения совершенно иные, чем ему кажется согласно своему мировоззрению»³². Однако после утверждения доктрины социалистического реализма и создания

Союза писателей СССР в 1934 г. ни о каком реальном направлении, свободном от идеологического компонента, говорить стало невозможно.

Двойственность сосуществования реального и идеального содержалась в самом уставе Союза писателей, на официальном уровне закрепляющем, что «правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания в духе социализма». Это требовало от писателей постоянного компромисса между реально существующим и должным или же сращения этих принципов (например, в мифе или эпосе). На уровне риторики обоснованием данного сращения стало требование соответствия литературы героизму «великой эпохи», подвигам «сталинских соколов», необходимость гиперболизировать положительные стороны советской реальности в воспитательных целях. Методологически сращение осуществлялось через понятие «революционной романтики». Родоначальником этого термина был Максим Горький, на Первом съезде советских писателей так сформулировавший суть метода социалистического реализма, его связь с мифом и «революционной романтикой»: «Миф — это вымысел. Вымыслить — значит извлечь из суммы реального данного основной его смысл и воплотить в образ, — так мы получили реализм. Но если к смыслу извлечений из реального добавить — домыслить, по логике гипотезы, — желаемое, возможное и этим еще дополнить образ, — получим тот романтизм, который лежит в основе и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, — отношения, практически изменяющего мир».

³¹ Александр Воронский, «Искусство как познание жизни и современности».

³² Марк Розенталь, «Мировоззрение и метод в художественном творчестве» (в ж. «Литературный критик», 1933).

В целом ориентация на героиню и миф оказалась очень органичной для эпохи 1930-х и особенно 1940-х гг., созвучной пафосу борьбы с врагом во время Отечественной войны и напряжению первых послевоенных лет.

Накапливающиеся противоречия из-за сращения идеального и реального смогли прорваться во время хрущевской «оттепели». Это проявилось в деятельности «Нового мира» в 1960-е гг. У редакции Твардовского была одна главная установка — на правду, на реальность, против «лакировочной идеальности». Критика «Нового мира» не достигла значительных высот в литературном смысле, слишком много сил журналу приходилось тратить на противостояние с бюрократической системой, борьбу с официальными изданиями вроде кочетовского «Октября», лавирование между различными чиновниками для публикации «спорных» произведений (прежде всего, «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына — знакового текста для журнала того периода). Кроме того, постепенно возник новый центр притяжения в лице «русского» движения, сосредоточенного в журнале «Молодая гвардия», с которым также пришлось вступить в борьбу. Трагическое противостояние между «Новым миром» и «Молодой гвардией» в 1960-е гг. было противостоянием между разным пониманием правды и разными путями назревавшей трансформации «советского» (одни предполагали переход его в общечеловеческое, а другие — в национальное). Это противостояние усилилось в 1970—80-е гг. Практически все лучшее в последние десятилетия советской литературы («лейтенантская проза», «деревенская проза») было связано именно с возрождением реального на-

правления, освобожденного от оков идеальности, в этой литературе была обжигающая правда настоящей жизни, потому она привлекала внимание и критиков, и читателей.

Параллельное существование в едином поле литературы идеального и реального направлений в советское время чрезвычайно интересно и требует своего вдумчивого исследователя, чья оптика не искажена идеологическими пристрастиями и не разлагает мир на советское и антисоветское (не важно, с какой этической оценкой этих понятий). В статье Белинского есть размышления о неразрывной связи литературы с состоянием народа, который ее порождает: идеальное направление свойственно «младенчеству» народу, а по мере «взросления» усиливается и интерес к действительности³³. Эти размышления, по-видимому, указывают подходящий угол зрения на литературу советского периода. В истории

³³ «Поэзия всякого народа, в начале своем, бывает согласна с жизнью, но в раздоре с действительностью, ибо у всякого младенчествующего народа, как и у младенчествующего человека, жизнь всегда враждует с действительностью. Истина жизни недоступна ни для того, ни для другого; ее высокая простота и естественность непонятна для его ума, неудовлетворительна для его чувства. То, что для народа возмужалого, как и для человека возмужалого, кажется торжеством бытия и высочайшею поэзией, для него было бы горьким, безотрадным разочарованием, после которого уже незачем и не для чего жить. Разоблаченная и обнаженная от своих ложных красок, жизнь представилась бы ему сухою, скучною, вялою и бедною прозою, как будто бы истина и действительность не совместны с поэзией; как будто бы солнце менее великолепно и лучезарно, когда оно только простой и темный шар, а не торжественная колесница Феба... Таким-то образом первобытное человечество, в лице грека, во всей полноте кипящих сил, во всем разгаре свежего, живого чувства и юного, цветущего воображения, объясняло явление физического мира влиянием высших, таинственных сил. Таким же образом объясняло оно и явления нравственного мира, подчинив их влиянию какой-то грозной и неотразимой силы, которую оно назвало судьбою. Для грека не было законов природы, не было свободной воли человеческой».

XX в. мы, действительно, имеем феномен своеобразного соединения в одном народе «младенчествующего» советского и глубоко зрелого русского (обогащенного самобытностью других народов, развивающихся вместе с русским). Осмысление этого социального феномена поможет впоследствии лучше понять своеобразие русской советской литературы. Сейчас очевидно лишь, что верное понимание данного вопроса далеко от упрощенных схем, в которых власть (культивирующая идеальное направление для управления массами) подавляет свободных художников (стремящихся видеть и показывать реальный мир). Отчасти так было лишь в 1920—30-х гг., позже произошло сложное сращение, а с 1960-х началась болезненная «сепарация» (до конца не закончившаяся для многих наших старших современников и по сей день). Ясно и то, что будущему исследователю предстоит здесь работа по разделению момента прямого влияния на литературу власти и момента естественного влияния конкретного исторического периода в жизни народа (обусловленного, в частности, властью, психологией существовавшего тогда общественного строя и внешними обстоятельствами, например, Великой Отечественной войной и т. д.). Впрочем, этот интересный и острый вопрос лежит в социологической плоскости и не является непосредственным предметом нашего внимания.

Однако вопрос о взвешенном отношении к советской критике, ее ценности и значению для сегодняшнего дня будет интересовать нас и станет одним из важнейших для этой книги. Пока же заметим, что нездоровое сращение идеального и реального, а также столь же нездоровое их противопоставление снимается в рамках одной из ключе-

вых концепций «классической» русской критики (разработанной уже в начале советского периода Михаилом Бахтиным и Виктором Виноградовым) — концепции «образа автора» как завершающей категории художественного текста. В рамках этой концепции³⁴ образ автора и осваиваемая реальность (к которой принадлежит, например, образ героя) разделены между собой. Понятия «воли», «энергии», «борьбы» (чрезвычайно важные для советского дискурса), «веры» в истинность любого идеала (в том числе марксизма) относятся к сфере образа автора. Осваиваемая же реальность принадлежит к категории «другого» и потому не обусловлена авторской волей, а определяется объективностью собственно самой жизни. Потому-то именно в тех случаях, когда страстное исповедание идеала принадлежало к субъективной сфере образа автора, а действительность была не трансформирована (например, документальна или автобиографична), рождались лучшие произведения советского литературного канона («Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия» и др.)³⁵.

Та часть советской мысли, которая в 1930—50-е гг. ушла от предзаданности идеологической истины и бюрократической борьбы «внешнего потока» актуальной критики во «внутренний поток» научного литературоведения, не совершала очевидных ошибок и не попадала в ловушку методологически неправомерного сращения реального и

³⁴ В основном имеется в виду работа Михаила Бахтина «Автор и герой в эстетической действительности», о которой мы подробнее будем говорить в пятой главе этой книги и которая, по сути, завершает классический период русской критики.

³⁵ Впрочем, не нужно забывать здесь об «обратной связи», о сложном влиянии литературы на действительность и о том, что подчас именно благодаря литературе подвиг и борьба «оживали» в реальной жизни конкретных людей.

идеального. В 1960—70-х гг., проведя огромную научную работу в разных сферах поэтики, эта часть советской критики пришла к созданию объемной и детально проработанной теории литературы. В «классическую» концепцию личности формы («образ автора» и «образ героя»³⁶ как «другого») было привнесено несколько важных моментов. Во-первых, актуализация волевого начала в акте познания и творчества³⁷ (ответственность «образа автора»), а во-вторых, требование действия как единственного способа раскрытия нравственного выбора³⁸ (ответственность «образа героя»³⁹). Модели взаимоотношений литературы и осваиваемой ею действительности в исследованиях советских литературоведов могли быть сложнее обычного «отражения» (в том числе и официально принятой «ленинской теории отражения»), например, в теории социального моделирования Лидии Гинзбург⁴⁰ и т. д. Но во всех этих исследованиях, как мы уже говорили выше, не подвергается сомнению основной постулат Белинского о реальном направлении, подобно тому как при использовании методов математического анализа не подвергают сомнению очевидные принципы алгебры или арифметики.

Последнее тридцатилетие в русской литературе соединило в себе множество разных тенденций, однако литератур-

³⁶ Под «героем» здесь понимается вся осваиваемая в произведении действительность.

³⁷ Например, Вадим Кожинов, «Художественный образ и действительность».

³⁸ В 1980-е гг. те же критики тщетно переживали об утере этого акцента в прозе современных авторов (см., например, Вадим Кожинов, «Необходимость героя»).

³⁹ И отчасти «автора», отбирающего тот или иной момент в жизни своего «героя».

⁴⁰ Например, Лидия Гинзбург, «О психологической прозе», где создание художественных произведений и их прочтение воспринимается как процесс непрерывной эстетической деятельности человека.

ный процесс в целом имел свой вполне определенный «внутренний сюжет». Сначала (в 1990-е гг.) крушение системы освободило литературу не только от идеологических оков, но и от многих художественных законов, считавшихся ранее вполне естественными. Характерные для переломного времени формальные эксперименты иногда оказывались удачными, например когда пытались отразить хаос внезапно наступившей реальности сумбурностью формы, а иногда превращались в бесплодную игру ради игры. Нарочитая деконструкция идеального (в данном случае — советских смыслов) не приближала к реальности, потому что находилась в прямой зависимости от этих же смыслов: «идеальное наоборот» не освобождается от иллюзорности и не становится реальным. Ближе к «нулевым» годам начался естественный процесс возвращения к реальному направлению, выразившийся в повышенном интересе к «литературе факта»⁴¹ (а также к так называемому *non-fiction*). Современная литература — явление разнородное, у которого нет единой философии, общих принципов, нет даже определяющего лейтмотива. Впрочем, вектор реального направления у нее сохраняется. Другое дело, что осмысление реальности происходит подчас на поверхностном уровне, но это вполне естественно, если говорить о произведениях из текущего потока литературного процесса.

Однако есть сегмент современной литературы (в основном относящийся к консервативному ее направлению), где

⁴¹ Этот процесс вынес по инерции на поверхность тех, кого теперь называют «новыми реалистами» (впрочем, жаль, что этот термин закрепился за З. Прилепиным, С. Шаргуновым и Р. Сенчиным, а не за их предшественниками, «новыми реалистами» 1990-х, творчески гораздо более состоятельными, например О. Павловым, А. Варламовым, М. Тарковским).

вопрос о реальном и идеальном является точкой напряжения. Это довольно распространенная сейчас критика, апеллирующая к христианским ценностям и пытающаяся построить теории, где литература стал бы частью единого религиозного взгляда на мир⁴². Такой критике свойственны представления о том, что литература должна «не отображать реальность, а ее преобразовать», разнообразные спекуляции на тему трактовки писательского слова как Слова (в значении второй ипостаси Троицы), сведение задачи художественной литературы к «обучению нравственности» и т. д. Характерно, что такой подход распространен именно сейчас, когда прошло еще не так много времени после крушения Советского Союза: религиозный пласт был высвобожден, однако психологически люди, особенно наши старшие современники, остались глубоко советскими, для них понятие свободы воли — гораздо менее значимый момент, чем «правильность» мировоззрения. При таком подходе религия переводится из сферы авторского исповедания в зафиксированное положение философии литературы, становится идеологической установкой, предзаданной акту творчества, а не обретаемой в процессе.

Восприятие литературы как средства воспитания нравственности было свойственно зачаточному состоянию русской критики⁴³. Уже в середине XIX в. Аполлон Григорьев показал, что прямой связи между нравственностью и литературой быть не может, есть лишь

⁴² Мы здесь не имеем в виду маргинальные работы, как, скажем, «Загадка 2037 года» священника Георгия Селина и прочие, где «религиозный фундаментализм» подавляет всякую здравую мысль и вычеркивает целые области человеческой жизни, например литературу, только потому, что эти области не соответствуют его «прямолинейным» представлениям о христианстве.

⁴³ Например, Василий Жуковский, «О басне и баснях Крылова».

опосредованная связь через жизнь⁴⁴: литература говорит о жизни, а в жизни естественным образом находятся ценности, в том числе нравственные⁴⁵. Полноценные же теории взаимодействия литературы и ценностного содержания жизни принадлежат Павлу Медведеву⁴⁶ и Вадиму Кожинову⁴⁷. Эти ученые ясно показали, что никакой религиозный, философский или общественный смысл не может быть положением философии литературы, все смыслы художественной литературы являются обретаемыми — объективно дана литературе только реальность, нуждающаяся в освоении. Иными словами, если христианский Бог есть, он проявит себя в реальности и так будет обретен (или не обретен — в соответствии с законом человеческой свободы такое вполне возможно).

По-человечески приверженность к подобным современным концепциям можно понять: христианство, будучи принятым человеком, не может стать лишь одним из моментов его жизни, но властно требует всю жизнь направить к спасению как основной цели. И потому вполне естественное для человека искушение — все (и в том числе искусство) воспринимать как средство спасения. Однако, как мы уже говорили раньше, становясь средством, литература теряет большую часть своей силы⁴⁸. Ее реаль-

⁴⁴ Аполлон Григорьев, «О правде и искренности в искусстве».

⁴⁵ Грубо говоря, в «Преступлении и наказании» в явном виде не содержится мысль о том, что нельзя убивать, а лишь убедительно показывается, что будет с человеческой душой после совершения убийства.

⁴⁶ Павел Медведев, «Формальный метод в литературоведении».

⁴⁷ Вадим Кожинов, «Искусство слова как ценность».

⁴⁸ Бессилие это очевидно, например, в произведениях так называемой «православной литературы», практически всегда лишенной живого движения, зараженной приторной благообразностью, далекой от реальной жизни и духовной борьбы.

ное значение не в нравственном уроке, а в глубине освоения, позволяющей поднять вопросы такой важности, что нравственный урок приходит как живое сочувствие или как понимание законов внутренней жизни, а не как сумма «правильных» установок.

Итак, вопрос о реальном направлении в литературе можно считать решенным и зафиксировать как первое положение философии литературы (с учетом всех тонкостей и оговорок, сделанных нами в этой главе). Однако недостаточно просто сказать, что литература связана с реальностью, а художник — тот, кто эту реальность осваивает. Потому что здесь начинаются еще более серьезные и сложные вопросы...

Что значит освоить реальность? Каковы критерии того, что реальность по-настоящему освоена? Чем отличается художественный способ освоения от иных способов познания?

И так далее и тому подобное...

Получив первое положение философии литературы, двинемся дальше.

2. Непосредственная реальность или ее «мыслительный панцирь»

Во второй книжке «Современника» 1848 г. редакция извинялась перед читателями за то, что заключительная статья обзора русской литературы за прошлый год, которое традиционно делал Белинский, выйдет не в февральском, а в мартовском номере «по причине болезни автора». Этот обзор стал для великого критика последним: через небольшое время после выхода обзора Белинский скончался. Его итоговая работа под названием «Взгляд на русскую литературу 1847 года» сохранила черты борьбы, которая происходила в Белинском на протяжении всей жизни

ни⁴⁹. Даже выбор двух произведений, анализу которых посвящена большая часть статьи, символичен: это романы «Кто виноват?» Герцена и «Обыкновенная история» Гончарова. Эта статья и смерть Белинского — своеобразная развилка, на которой противоречия, органично примирявшиеся в целостности страстной личности великого критика, разделяют русскую критику на две части: демократы (Чернышевский, Писарев), питающиеся идеями позднего Белинского, как бы идут за Герценом, а «эстетики» (Дружинин, Анненков), ценившие наследие раннего Белинского, — за Гончаровым⁵⁰.

В «Обыкновенной истории» Белинского восхищала непосредственность изображения жизни крупным художником — не говорить об этом романе (и в том числе о некоторых его художественных слабостях) он не мог. Значение «Кто виноват?» критик видел «не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанный и развитой». Белинский вполне понимал, что Герцен не художник⁵¹, что ему «важен не предмет, а смысл предмета»; интерес его к Герцену лежал во внехудожественной плоскости: мысль Герцена

⁴⁹ За рамками нашей книги останется спор «западников» и «славянофилов» 1840-х гг., так как он имеет для философии литературы лишь историческое значение. В полемических статьях Белинского, Аксакова, Самарина, Хомякова, Валерьяна Майкова того периода позиция оппонентов нарочито заострена и маргинализована, так что вся эта дискуссия напоминает скорее информационную войну, чем конструктивную полемику. Заслуга славянофилов — в предчувствии решения вопросов, связанных с народностью, с русским взглядом на мир. Но на более-менее серьезном уровне эти вопросы были разработаны только Григорьевым и Страховым (а итоговое решение получили лишь в советской критике).

⁵⁰ В 1860-х гг. формируется еще и третий, наиболее плодотворный путь, который привет к созданию «классической» русской критики Григорьева, Страхова и раннего Розанова, но об этом мы поговорим несколько позже.

⁵¹ «Ты не поэт: об этом смешно и толковать; но ведь и Вольтер не был поэт...» (письмо Белинского Герцену от 6 апреля 1846 г.).

была важна Белинскому сама по себе, она была созвучна его собственным общественным устремлениям. Нет, Белинский не утверждал равноценности романов, он лишь указывал каждому свое место, признавая за Гончаровым художественные заслуги, а за Герценом — публицистические, однако его последователи, не обладавшие художественным вкусом и глубоким пониманием литературы, легко поддались искушению говорить не о литературных произведениях, а о «мыслях», в них содержащихся. Ранее мы уже касались вскользь так называемой «дидактики», прикладного подхода к литературе Чернышевского, Писарева и их последователей, а также «борьбы с дидактикой» Дружинина, Анненкова и др. На уровне метода непосредственного анализа художественных произведений «дидактика» как раз и заключается в сопоставлении мыслей автора с мыслями критика, оценке не художественного произведения в целом, а того «смысла», который содержится на поверхности⁵². Противоречия между «мыслительным» и художественным ярко заостряются, например, в статье Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наше к ней отношение»⁵³ — в

⁵² Важно еще и то, что подобный критический подход «демократов» приводил к культивированию соответствующей художественной практики в их журналах.

⁵³ Эта серьезная работа имеет большую историческую ценность: она содержит обзор литературного процесса 30—50-х гг. XIX в., тщательный разбор влияния французской и немецкой словесности на русскую, замечания о необходимости воспринять опыт английской словесности. Точны ироничные замечания Дружинина о неспособности Чернышевского осмыслить наследие Белинского. Однако, к сожалению, сама теория артистического и дидактического упрощенна и небрежна даже по тону. По сути, вся дальнейшая наша разработка положений философии литературы и будет посвящена погружению в область артистического (если подразумевать под этим термином литературу художественную, которая взаимодействует непосредственно с реальностью, а не с ее «мыслительным панцирем»).

теории дидактического и артистического искусства. Артистическое искусство Дружинина — это путь Гончарова, отражающего непосредственность жизни, в отличие от «мыслительного» пути Герцена⁵⁴. Конечно, в статье Дружинина ничего не сказано о том, как именно следовать пути артистического искусства, — критик остался на развилке, защищая свое направление, но не двинулся дальше в разработку теории собственно художественной литературы. Но для развития философии литературы иногда важно отграничить то, что не является предметом ее непосредственного изучения, и защитить эту границу.

История «борьбы с дидактикой» могла бы составить тему отдельного исследования, однако мы сейчас оставим в стороне крайние взгляды и их опровержение. Нам важно здесь, что, уже начиная с позднего Белинского и его ближайших последователей, русская критика переставала рассматривать художественную литературу как единое явление, подчиняющееся одним и тем же законам, а стремилась разделить ее на сферы, существующие по своим принципам (вернее сказать, стремилась отделить сферу собственно художественного от сферы других литературных явлений, признавая за всеми право на законное существование). Критерием разграничения этих сфер между собой был именно способ взаимодействия с реальностью: текст либо прикасался к ней напрямую, осваивая жизнь в ее непосредственности, либо проникал лишь в «мыслительный панцирь», как бы

⁵⁴ Удивительно, но Дружинин, проповедующий артистичный взгляд на искусство в пику дидактическому, невысоко ценил саму «Обыкновенную историю», в которой так много непосредственности жизни и артистического таланта. Но это то самое исключение, подтверждающее правило, оставшееся причудливым парадоксом.

окутывающий жизнь. Если рассматривать этот вопрос максимально широко, то под «мыслительным панцирем» можно понимать все идеи, концепты, эстетические практики, которые уже сформированы и предзаданы автору до начала творческого процесса. В зависимости от характера материала этого «мыслительного панциря», с которым взаимодействует данный вид литературы, можно говорить о той или иной ее сфере (беллетристика, жанровая литература, интертекстуальные практики и др.). Эту главу мы посвятим именно таким сферам не собственно художественной литературы и принципам критического анализа явлений этих сфер (чтобы в дальнейшем оставить их за рамками нашего исследования и заняться литературой художественной).

Выделение беллетристики как особого вида литературы, ценной не по своему внутреннему достоинству, а по значимости явлений, о которых она говорит, мы находим уже у Белинского⁵⁵, Добролюбова⁵⁶ и Аполлона Григорьева⁵⁷. Повторная актуализация этого разделения произошла в 1960—70-х годах, когда русская критика пыталась преодолеть мощнейшую идеологическую дидактику (наиболее глубокие и интересные статьи на эту тему принадлежат Михаилу Лобанову и Ирине Роднянской)⁵⁸. А по-настоящему «закрывающей вопрос» в то время стала работа Вадим Кожина «О белле-

⁵⁵ Виссарион Белинский, «Опыт истории русской литературы».

⁵⁶ Николай Добролюбов оговаривал это почти в каждой своей работе, но особенно отчетливо — в статьях «Луч света в темном царстве» и «Забитые люди».

⁵⁷ Аполлон Григорьев, «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства».

⁵⁸ Михаил Лобанов, «Мера художественности»; Ирина Роднянская, «О беллетристике и «строгом» искусстве».

тристике и моде в искусстве» — такие обобщающие статьи всегда пользуются опытом других авторов прошлого и современников: лишённые излишней полемичности, они берут «точную ноту», выражая взвешенное отношение к явлению.

Чтобы не затруднять изложение частностями, приведем здесь выводы, с которыми согласны все эти крупные критики. Итак, беллетристика и художественная литература — отдельные сферы, которым свойственны принципиально разные подходы к творчеству. Целью беллетристических произведений является выражение той или иной концепции (идеологической, философской, научной, моральной) или указание на важность того или иного явления жизни. Беллетрист не прикасается к сложной и противоречивой реальности напрямую и не творит из нее собственный художественный мир. Он не в силах вобрать в себя жизнь в ее разнообразии и довольствуется лишь выражением идей, которые уже являются достоянием социально-эстетического сознания его современников, или же просто указывает на значительные явления. Беллетристика выражает нечто, имеющее ясный и конкретный смысл, и потому она всегда однозначна (как однозначна всякая ясно сформулированная мысль), что роднит ее с публицистикой⁵⁹.

Русские критики признавали (за редкими исключениями, случающимися в полемическом споре с дидактиками)

⁵⁹ В качестве конкретных примеров приведем ряд писателей-художников и писателей-беллетристов из статьи Кожина: «Г. Бакланов, Д. Гранин, В. Каверин, Вл. Солоухин, В. Тендряков, Ю. Трифонов в своей основе беллетристичны, а произведения В. Астафьева, В. Белова, А. Битова, Ю. Казакова, В. Катаева, В. Шукшина в той или иной степени принадлежат к поэзии, художественному творчеству как таковому».

за беллетристикой законное право существовать в качестве особой области литературы, полезной в своих границах, решающей свои задачи. А также понимали, что она требует иных подходов критики, нежели подходы собственно к художественному творчеству. При анализе беллетристики необходимо оценить, насколько важны явления, о которых говорится, насколько серьезные проблемы, которые ставятся, вычленить концепции и «мысли», которые легли в основу текста, определить, насколько согласен критик с этими мыслями, и т. д., то есть здесь вполне адекватны методы анализа публицистики⁶⁰. Отдельно стоит отметить случай, когда

---

⁶⁰ Есть ряд известных разграничений, которые мы считаем либо необязательными, либо не особенно важными, поэтому приводим в сноске. Во-первых, к сфере беллетристики часто относят произведения, цель которых сводится к развлечению читателя, а не к познанию реальности. Это в целом верно, однако так определять беллетристику — значит сильно сузить ее область (а следовательно — чрезмерно расширить область художественного творчества). Во-вторых, по общему мнению, беллетристика всегда делает акцент на поверхностное освоение текущей современности, захват ее характерных черт, «выражение своего времени», собственно, потому она и быстро теряет актуальность, в отличие от понастоящему художественных произведений, ориентированных на вечные ценности (эта мысль принадлежит Белинскому, а альтернатива «современность — вечность» являлась «линией фронта» между демократами и эстетиками 60-х годов XIX в.). Однако и такое соображение лишь отчасти приближает нас к решению вопроса. Острый интерес к современности может быть и у крупного художника, например, романы Достоевского очень даже злободневны. А то, что произведения художественной литературы действительно сохраняют свое значение спустя века, является скорее следствием, чем критерием различия беллетристики и художественной литературы. В-третьих, обычно считают, что беллетристика является массовым искусством, так как ее «смысл» быстрее усваивается широкими слоями общества, тогда как для понимания художественного произведения нужен достаточный багаж знаний и опыта чтения. Однако в этом утверждении есть оттенок того, что можно было бы назвать «установкой на элитарность» художественного творчества. Нам этот оттенок кажется неприемлемым и скомпрометированным идеями начала XX в. (см., например, «Дегуманизацию искусства» Ортеги-и-Гассета). Способность читателя быть «сотрудником» автору глубокого и серьезного произведения зависит, по мнению автора этой книги, не от образования читателя, а скорее от высоты настроения его внутренней жизни.

беллетристическое произведение имеет своим источником не столько сформулированные «мысли», сколько другой текст, являющийся в свою очередь художественным произведением. Тогда задача критика — выявить первоисточник и показать сходство и различие между ними⁶¹.

Под термином «беллетристика» часто понимают еще одну сферу литературы, где в произведении есть свои «правила игры», заранее существующие по «молчаливому договору» между читателем и писателем (и тогда читатель получает удовольствие либо от чувства «красиво обманутых ожиданий», либо от их итогового удовлетворения)⁶². Однако такая беллетристика ближе уже к понятию жанровой литературы, по крайней мере, имеет с ней общие принципы⁶³: тексты такого рода черпают из «мыслительного панциря» не столько идеи, сколько эстетический опыт, сконцентрированный в техниках данного жанра (детектива, любовного романа, приключенческого фэнтези и т. д.).

---

⁶¹ Этот случай рассматривается в статье Аполлона Григорьева: «...Когда произведения второстепенные, говоря геологически: вторичного образования — правильно или неправильно развивают задачи, перешедшие к ним от рожденных созданий искусства, или когда задевают они еще не тронутые стороны жизненного вопроса, критика или возводит их к настоящим источникам, к идеям первостепенных произведений, и говорит о них не иначе, как связывая с ними последними, или силами отрицательными, ей данными, борется с их ложью в постановлении и разрешении живых вопросов».

⁶² Именно такую концепцию беллетристики предлагает в своей статье Ирина Роднянская. Заметим, что на тот момент не существовало еще серьезных работ, где предметом отдельного исследования являлась бы жанровая литература. По-видимому, первой можно считать книгу Джона Кавелли «Приключение, тайна, любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура», вышедшую в 1972 г.

⁶³ О беллетристике в этом случае говорят обычно, когда «правила игры» бессознательно используются автором, а в жанровой литературе следование подобным правилам обычно осознанно и даже развивается с помощью овладения определенными техниками (построения сюжета, разработки персонажей и т. д.).

Конечно, предшествующие эстетические практики в любом случае влияют на создание литературного произведения, они предзаданы автору и не могут игнорироваться им в процессе творчества. И потому здесь мы должны ясно различать два случая. Первый — отсутствие прямого взаимодействия текста с непосредственной реальностью, взаимодействие лишь с законами жанра, находящимися в «мыслительном панцире». В этом случае законы жанра определяют литературное произведение практически целиком (оно строится в соответствии с этими законами или же на сознательном нарушении их с целью произведения эффекта на читателя), и здесь мы имеем дело именно с жанровой литературой. В этой сфере критика может заниматься анализом соответствия жанру, оценивать напряженность сюжетного действия, заботиться о степени интересности текста для читателя и т. д. Другой случай, когда для того, чтобы освоить определенный пласт непосредственной реальности, художник пользуется подходящим жанром как механизмом этого освоения, трансформируя форму, доставшуюся ему от предшественников, под свои задачи⁶⁴. Русская критика в середине XX в. напряженно разрабатывала понятие «жанра» (в особенности романа), изучала ту особенную содержательность, которая свойственна любой форме и в частности категории «жанра» («память жанра» и т. д.)⁶⁵, и данные работы относились к исследованию именно художественной, а не жанровой литературы. К этим вопросам вернем-

⁶⁴ И тогда эта новая содержательность старой формы, приспособленная под решение дополнительного круга художественных задач, может быть использована (и в свою очередь трансформируема) другими писателями в дальнейшем.

⁶⁵ Например, в работах Михаила Бахтина, Георгия Лукача, Вадима Кожина.

ся позже и внимательно рассмотрим их уже во второй части нашей книги.

И наконец, интертекстуальные игры и практики — еще одна сфера, в первом приближении будто бы противоположная понятию беллетристики (которая в своем изначальном значении определяется как повествовательная литература в прозе), потому что объединяет тексты зачастую внесюжетные. Однако по своей сути эта сфера принципиально схожа с беллетристикой.

Интертекстуальные практики также работают не с явлениями непосредственной жизни, а лишь с другими текстами, находящимися все в том же «мыслительном панцире». Подобные игры имеют свою логику и свою красоту и нуждаются в ценителях, обладающих специфическим вкусом. Впрочем, вкус здесь определяется скорее начитанностью и изощренностью ума, нежели художественным чутьем.

Прежде чем оставить эти беллетристические сферы литературы за рамками нашего непосредственного изучения, необходимо сделать ряд важных замечаний.

Во-первых, между любой из этих сфер и художественным творчеством нет четких границ: в художественном произведении могут встречаться беллетристические элементы, а беллетристика в отдельные моменты может прорываться к художественным откровениям. Не всегда писатель ясно отдает себе отчет в характере своего дарования. Например, очевидно, что в романе «Кто виноват?» Герцен (беллетрист по сути) пытается действовать как художник, но странным образом оживает в романе лишь то, что относится к сфере его любимой мысли. Потому, скажем, гораздо органичнее Герцен проявляет себя в «Былом и думах». Определение спе-

цифики таланта писателя, а также меры соотношения между беллетристическим и художественным в том или ином произведении является важной практической задачей критики в этом случае.

Во-вторых, необходимо еще раз сделать акцент на том, что термины «мысль» и «смысл», с невольной дискредитации которых мы начали эту главу, не обязательно связаны с беллетристическим восприятием мира. Если мысль является инструментом исследования и непосредственного освоения реальности, то такое освоение вполне может быть художественным (например, мысль, исследующая психологию героя, является основным инструментом раннего Льва Толстого⁶⁶). Мысль может оказаться даже итогом освоения реальности, например, в «Легенде о великом инквизиторе». Мысль «Легенды» не извлечена Достоевским из вороха имеющихся в «мыслительном панцире», а является сгущенным бытийным содержанием, почерпнутым им непосредственно из самой жизни. Не текст здесь следует из мысли, являясь ее иллюстрацией, как это происходит в беллетристике, но само произведение приводит нас к мысли, являющейся концентрированной сутью изображенной реальности. В этом, собственно, и заключается метод художественного творчества: созерцая жизнь, впитать ее внутрь и воссоздать нечто новое, обладающее самостоятельной ценностью, однако невероятным образом содержащее в себе и проявляющее явно тот потаенный смысл, который существует в реальной жизни. Позже мы поговорим о том, что такой способ приводит к принципиальной многозначности изображаемого в художественном произведении, в отличие от однозначности бел-

⁶⁶ Подробнее об этом, например, у Павла Анненкова в работе «О мысли в произведениях изящной словесности».

летристики (в которой всегда понятно, что именно хотел сказать автор)⁶⁷.

В-третьих, конечно, художественные произведения считаются как бы «выше» беллетристики, они полнее выражают жизнь, они ценнее и гораздо реже появляются, однако нельзя забывать, что у каждой сферы свои цели и задачи. Более того, в жизни народа бывают такие периоды, когда жизнь властно требует активности, а не осмысления, публицистики, а не художественности; когда существующие явления еще не получили своего полнокровного воплощения в литературе, а живут «допотопно»⁶⁸, но тем не менее требуют слова о себе⁶⁹ (чаще всего это периоды резких перемен или больших вызовов для общества). Такова, например, природа обращения писателей-деревенщиков к публицистике в 1990-х гг. Причем речь идет не только о важности актуальной публицистики для исторического момента, а еще и о принципиальной невозможности осмыслить глобальный перелом, находясь внутри событий, —

⁶⁷ В четвертой главе в связи с работами Аполлона Григорьева мы коснемся вопроса об органичности художественной литературы, одним из важных аспектов которой является бесконечномерность (то есть неисчерпаемая глубина, подобная глубине самой жизни).

⁶⁸ Термин Ап. Григорьева, означающий явления, недоразвившиеся еще до своей окончательной формы, существующие еще как бы в зародыше.

⁶⁹ Сравни, например, высказывания на эту тему критиков XIX века. «Поэзия выше живописи, пределы ее обширнее», — писал Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», подразумевая под живописью непосредственное изображение жизни, а под поэзией литературу в широком смысле этого слова. Или замечания Павла Анненкова из статьи «Заметки о русской литературе 1848 года»: «Изящная словесность целого народа не может состоять из одних художественных произведений, и требовать от нее только созданий высокого творчества значит впадать в некоторый фанатизм художественности, столь же ограниченный и неверный, как и раблепные списки с природы. Для полной литературной жизни так же необходима подметка новой стороны предмета, еще не высказанная мысль и картина, порожденная долгим опытом, как и колоссальное произведение, на котором вполне и глубоко успокаивается эстетическое чувство наше».

жизнь просто не умещалась тогда в художественную оболочку⁷⁰.

* * *

Итак, в первой главе нашей книги мы показали: русская критика в целом согласна, что литература неразрывно связана с реальностью и является освоением этой реальности (а не отвлеченного идеала или красоты). Во второй главе мы рассмотрели один из возможных способов такого освоения — а именно взаимодействие с «мыслительным панцирем», окутывающим жизнь. Этот способ ведет к созданию литературных произведений, относящихся к сферам беллетристики, жанровой литературы, интертекстуальных практик и не являющихся собственно художественными. Отделение этих сфер кажется нам чрезвычайно важным методологически, чтобы применять к таким произведениям те критерии оценки, которые являются для них адекватными⁷¹.

⁷⁰ Интересно было бы отследить, как постепенно литература двигалась в направлении художественного освоения 1990-х годов. От прямой публицистичности (свойственной даже такому большому писателю, как Распутин, в повести «Пожар») к художественным произведениям, где показан только лирический герой на фоне исторических событий (Петр Краснов, «Заполье», Алексей Варламов, «Рождение») или к произведениям модернистским (от прямолинейно-концептуального «Generation "П"» Пелевина и уродливо-гротескных романов Проханова до мифологических «Спящих от печали» Веры Галактионовой). Последнее время появились даже попытки объективного отображения этого времени в форме реалистического романа (например, «Ненастье» Алексея Иванова), впрочем, кажется, что полноценные художественные произведения об этом времени еще впереди.

⁷¹ Одна из главных проблем современной критики состоит в методологической сумбурности. Например, очевидно, что практически все произведения премиального процесса по сути беллетристичны. Это связано не только с тем, что члены жюри таких премий по степени понимания литературы обычно мало отличаются от рядовых читателей (выше мы говорили, что беллетристику легче воспринять, чем художественную литературу). Просто беллетристические произведения легче достигают целостности и законченности. Тогда как художественный способ может обрести полноту крупной формы, только полноценно созрев до нее (и потому не так много в современном литературном процессе можно назвать по-настоящему художественных романов).

Далее мы будем говорить только о собственно художественной литературе. Понятно, что выражение определенной мысли или концепции не может служить критерием соответствия реальности, потому что ни один «мыслительный» критерий не обладает той многозначностью и бесконечной глубиной, которой обладает сама жизнь. Но как тогда отличить, отражает ли изображенное в художественном произведении объективную реальность? Есть ли внятный критерий?

И он был найден и явно определен в тех же 1860-х гг. критиком Павлом Анненковым.

3. «Психологический вопрос» как основной критерий достоверности

Анненков был не только соратником Дружинина в борьбе эстетиков с дидактикой Чернышевского — Писарева, но еще и крупным критиком, следующей после Белинского фигурой, важной нам для построения философии литературы. Он впервые употребил термин «реализм»⁷², написал первое большое исследование о Пушкине, предугадавшее ключевое для русской традиции учение о пушкинском объективизме и гармонии, был редактором первого посмертного собрания сочинений Пушкина. Но главная его заслуга — в разработке критерия достоверности непосредственной объективной реальности.

В статье «О мысли в произведениях изящной словесности», опровергая «искушение мыслью», о котором мы говорили в прошлой главе, Анненков писал о первостепенной ценности произведе-

⁷² В статье «Взгляд на русскую литературу 1848 года».

ний, явившихся из непосредственного созерцания жизни, без всяких посредников («мыслей» или этических соображений). И определял меру художественности таких произведений тем, что мы сейчас называем психологической достоверностью, а в те времена определяли термином «психологический вопрос»: «Развитие психологических сторон лица или многих лиц составляет основную идею всякого повествования, которое почерпает жизнь и силу в наблюдении душевных оттенков, тонких характерных отличий, игры бесчисленных волнений человеческого нравственного существа в соприкосновении его с другими людьми». И далее с безапелляционной резкостью: «Никакой другой мысли не может дать повествование и не обязано к тому». Анненков первый стал говорить не о некоей размытой «верности действительности», а именно о психологической достоверности персонажей (собственно, введенный им термин «реализм» и означал эту самую достоверность).

Большая часть критического творчества Анненкова и является рассмотрением «психологического вопроса» в произведениях современников: ранних повестях Тургенева, Толстого, Достоевского, Гончарова и некоторых писателей второго-третьего ряда. Кроме удач, Анненков тщательно анализировал и систематизировал причины художественных поражений (превращения реализма в псевдореализм), например сумасшествие героев как способ избежать психологической достоверности их поведения; юмор как стремление посмеяться без анализа явления и характеров изображаемых героев; вторжение голоса автора в голоса героев, повреждающее достоверность их слов и действий; умножение персонажей, обладающих

сходными психологическими характеристиками и потому неотличимых друг от друга, и т. д. Интересно, что в «психологическом вопросе» Анненков находил главную и единственную причину занимательности художественных произведений (читатель верит в реальность героя, сопереживает ему и потому заинтересован в том, что же с ним произойдет дальше).

Особенное место занимает анализ романа Тургенева «Дворянское гнездо»⁷³, где критик убеждается в точности описания характеров героев, всех их мотиваций, особенностей развития. В этой статье содержится ряд точных замечаний, позволяющих вместе с объективным отражением «голосов» героев расслышать еще и голос автора, выражающий свою «позицию» в интонации и деталях описания, однако не повреждающий непосредственности и достоверности действующих лиц⁷⁴.

Достижение Анненкова было принципиальным, потому что с того времени появился непосредственный критерий, на соответствие которому можно и нужно было проверить любое художественное произведение, претендующее на значительность. Характерно, что этот метод использовал даже сторонник враждебной Анненкову партии — Николай Добролюбов. Когда вернувшийся в Петербург после каторги Достоевский попытался вступить в спор демократов и эстетиков, став как бы над схваткой⁷⁵ (соглашаясь с важностью поднимаемых Добролюбовым общественных вопросов, он упрекал того в недоста-

⁷³ Статья «Наше общество в "Дворянском гнезде" Тургенева».

⁷⁴ В 1859 г., когда вышла эта статья, не были написаны еще главные романы Достоевского, так что не существовало даже материала для того, что впоследствии стало бахтинским учением о диалогизме.

⁷⁵ Федор Достоевский, «Г-н -бов и взгляд на искусство».

точном внимании к произведениям по-настоящему художественным), Добролюбов ответил ему статьей «Забитые люди». В первой части статьи он взял метод Анненкова и применил его к последнему на тот момент произведению Достоевского «Униженные и оскорбленные», доказав, что с точки зрения психологической достоверности роман ниже всякой художественной критики. А во второй части оправдал Достоевского тем, что роман пронизан идеей «боли о человеке» и основная ценность его как раз таки лежит не в художественной, а в идейной плоскости. Это был, пожалуй, первый в русской критике образец блестящей победы в конструктивной литературной полемике, да еще и с использованием методологии противников⁷⁶.

Павел Анненков работал в начале невероятного по плодотворности периода русской литературы, вместившего творчество нескольких писателей первого ряда (и особенно, конечно, Толстого и Достоевского), поднявших психологический анализ в художественных произведениях на небывалый до того в мировой литературе уровень. В связи с этим нам кажется важным упомянуть еще одну работу, написанную как раз на исходе этого периода (в 1890 г.), а именно — «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого» Константина Леонтьева. В этой работе, кроме рассуждений о стилевых уродствах русских писателей XIX в., анализа соответствия «Войны и мир» духу

⁷⁶ Это было ударом по Достоевскому, который, по его собственному признанию, высоко ценил Добролюбова. Впрочем, прошло всего несколько лет, и появилось «Преступление и наказание», первый роман «великого пятикнижья». Возможно, статья «Забитые люди» сыграла определенную роль в становлении Достоевского-психолога, однако все исследования, касающиеся непосредственно биографий писателей, мы оставляем за рамками этой книги.

1812 года (и шире — принципиальной возможности писателя достоверно выразить дух предыдущих эпох), метких сравнений Толстого с Тургеневым, Достоевским, Гоголем, есть множество тонких психологических замечаний о героях «Войны и мира» и «Анны Карениной», по глубине — вполне уровня Толстого (их писал человек, обладающий огромным художественным чутьем, «дремавшим» под талантом мыслителя и философа). Блестяще сделаны: анализ самоубийства Анны и несостоявшегося самоубийства Вронского; анализ описания трех смертей в произведениях Толстого (смерть Праскухина из «Севастопольских рассказов», смерть Ивана Ильича из одноименного рассказа и смерть князя Андрея); сравнение особенностей внутренних миров Вронского и Кознышева; анализ поведения героев в «пограничных состояниях» сновидений, дремоты, полусна (капитан Тушин во время боя, сны Вронского и Анны) и так далее.

Методически важно используемое Леонтьевым разделение психологического анализа на высшую и низшую степени. Критику мало полной достоверности сцены, отсутствия в ней фальши, адекватности происходящего характеру, опыту и ситуации — сколь угодно подробно исследованная сцена, ценная сама по себе, есть для него лишь низшая ступень такого анализа (например, в деталях изображенная сцена засыпания Анны в вагоне поезда). Высшая степень — такая психологическая подробность, которая показывала бы целостный характер в его развитии, без которой нарушалась бы тесная связь между прошлым и будущим героя (как, например, невозможно полноценное понимание отношений между Анной

и Вронским и их дальнейшей судьбы без их параллельных снов). Не просто разрешение «психологического вопроса», но разрешение максимально точное, без «избыточных тяжеловесных тонкостей», пусть даже эти тонкости достоверны и являются характерными для данного персонажа, — вот что требует от прозы Леонтьев, и даже романы Толстого зачастую не дотягивают до этой высочайшей планки.

За сто с лишним лет после работ Анненкова и Леонтьева важность «психологического вопроса» никогда не подвергалась сомнению. Даже самые вульгарные представления о литературе критиков РАППа не исключали необходимости психологической достоверности в литературе (для рапповцев это было единственное, в чем они соглашались «учиться у классиков»)⁷⁷. Русская критика XX в. часто обращалась к специальным исследованиям на эту тему. Отдельно стоит отметить масштабный труд Лидии Гинзбург «О психологической прозе», где отслежено «возрастание психологической сознательности»: от низшего уровня (в письмах и мемуарах) до высшего (в романах того же Толстого). Связь психологической достоверности с глубиной художественного образа исследована была во второй половине XX в. Михаилом Лобановым. Развитие психологизма русской литературы XIX в. и вращение его в «народную почву» тщательно прослежено уже советскими критиками.

Говоря о «психологическом вопросе» в наше время, нельзя не отметить, что современные понятия об этой сфере серьезно расширились. Законы чело-

веческой психологии отлились в схемы и активно используются, например, в киноиндустрии⁷⁸. Над сценариями дорогих сериалов (например, компании НВО: «Игра престолов», «Мир Дикого Запада» и др.) работают не один и не два человека — одному не под силу простроить огромный мир, полный множества героев с их характерами и т. д. Однако даже на примере этих сериалов видно, что на высочайшем уровне психологизма, где мотивации героев в комплексе двигают сюжетную канву, художественный мир может разработать только большой мастер как индивидуальность⁷⁹. Не говоря уже о том, что искусство, которое создается в соответствии с правилами (пусть даже хорошо разработанными), всегда беллетристично по сути.

Отдельно нужно отметить мощное влияние западного психоанализа XX в. на наши представления о внутренней жизни человека: влияние травм, родительских комплексов, «игровых» сценариев и т. д. Особая область, причудливо связанная с литературой, — исследование мифа как основы психологического сценария⁸⁰. В современной литературе до сих пор обострено внимание к травмам и пограничным состояниям — на первый взгляд, самому простому способу поразить «психологическим

⁷⁸ Характерный пример — «библия сценариста»: «История на миллион долларов» Роберта Макки.

⁷⁹ Известный пример с сериалом «Игра престолов», первые пять сезонов которого сняты на основе книг Джорджа Мартина, а последние три разработаны сценаристами НВО на основании картиночных черновиков: даже массовый зритель почувствовал разницу между естественным течением жизни и продуманным и изначально заданным сюжетом, в который пытаются «втиснуть» мотивации и характеры. Пример из отечественной литературы и кинематографа — экранизация романа Алексея Иванова «Тобол», которая не ушла дальше дешевого сериального «мыла».

⁸⁰ Например, Джозеф Кэмпбелл, «Путь героя», Кларисса Эстес, «Бегущая с волками», и т. д.

⁷⁷ Имеется в виду «теория живого человека». Например, книга Владимира Ермилова «За живого человека в литературе», изданная в 1928 г.

вопросом»⁸¹ (зачастую поверхностно исследованным). Хотя очевидно, что разработки психоанализа являются мощнейшим инструментом для исследования вовсе не расстройств психики (составляющих небольшую область жизни человечества), а именно мира «обычных» людей, которым так или иначе свойственно поведение, определяемое не особенностями их личностей, а совокупностью надстроек: травм, комплексов, «родительских сценариев» и т. д.

Кажется, что одним из немногих положительных явлений в современной русской литературе является как раз нарастание интереса к развитию личности и исследованию внутреннего мира человека. Когда-нибудь юнгианский психоанализ, упавший на благодатную почву русской психологической школы и напряженного стремления к самопознанию в русле христианского мировоззрения, скажет еще свое слово. И тогда в мир какого-нибудь будущего большого художника включатся как полноценные составные части и травмы, и комплексы, и тяжелый процесс их осознания как один из важных факторов, определяющих внутренний мир человека (важный, но далеко не единственный). А будет нам явлен процесс развития личности, в котором есть место и нравственным переломам (Раскольников, князя Анд-

рея и т. д.), бывшим предметом особенного интереса русской литературы в XIX в., и ежедневной жизни обычного человека, зачастую духовно совершенно статичной.

Рассуждая о «психологическом вопросе», мы делаем акцент на объективности этого критерия, потому что достоверность поведения героев объективна и не зависит от чувств и пристрастий автора. Она дается автору в ее предзаданности, он не может влиять на нее — реальность, сотворенная автором, не подчиняется автору, имеет свободу воли и способность саморазвиваться⁸².

С другой стороны, когда мы употребляем термин «критерий», мы вовсе не имеем в виду, что им может воспользоваться всякий читатель или исследователь (как критерием в точной науке, скажем, в математике). Анализ психологической достоверности — специфическое умение, требующее достаточного опыта, понимания разных людей, умения представить, как поведет себя человек, обладающий данным характером и опытом, в данной ситуации. Этот критерий существует, и он объективно работает, однако его применение все равно осуществляется через субъективную интуицию с помощью особенного индивидуального навыка.

---

⁸¹ Ср., например, замечания о роли изнасилования Аксиньи отцом в сюжете «Тихого Дона» у Петра Палиевского в статье «Мировое значение Шолохова»: «Представим себе, что означал бы этот факт для любого из хорошо известных нам современных писателей. Какой материал для фрейдиста. Вся последующая жизнь — сплошной подтекст и воспоминание, от которого женщина хочет и не может уйти... <...> Что ж у Шолохова? Это событие просто забыто. То есть сыграть свою роль оно, конечно, сыграло, подмяло на время, но чтобы определить характер, остаться в центре души — об этом смешно и думать».

---

⁸² Ср. хрестоматийное: «Представьте, что учудила моя Татьяна, — взяла да и вышла замуж!» Или измененную в последний момент концовку романа «Идиот».

Михаил ГУНДАРИН

СОЛНЦЕ ВСХОДИТ И ЗАХОДИТ

Главы из новой книги о писателе Евгении Попове*

ГЕРОЙ ВРЫВАЕТСЯ В ЖИЗНЬ

Грузчики и иностранцы

В год перед окончанием школы приключения нашего героя стали приобретать, что называется, всероссийский размах. Все началось с того, что он получил паспорт (как и полагалось тогда, в шестнадцать лет, каковое шестнадцатилетие имело место 5 января 1962 года) и устроился на работу. На самую простую, с одной стороны, а с другой — на самую распространенную в Советском Союзе. Причем приобретенные в шестнадцать лет навыки потом пригождались не раз. Мы говорим о работе грузчика. Как вспоминал Е. Попов, «моя мать получала от щедрот развитого социализма пенсию 34 руб. 46 копеек, питались картошкой, луком и огурцами, а знаменитые сибирские пельмени стряпали лишь на праздники» (эссе «Сибирь»). Деньги были нужны еще как. В том числе, надо думать, и на подростковые радости, описанные в предыдущей главе.

Евгений Попов с товарищами работал на макаронной фабрике. Это была тяжелая работа, особенно для

школьника. Но и платили для 1962 года неплохо — пять рублей в день. Однажды сорвался ящик, который был обит металлическими полосами, острыми, как нож. Евгению распорол щеку, шрам остался до сих пор (но не виден под бородой, которую он заведет уже очень скоро и не расстанется с ней до сего дня). А тогда пришлось идти в пункт скорой помощи, где окровавленного подростка встретили весьма холодно. Причина выяснилась быстро: как только рана была зашита, появился следователь. Велел рассказывать, как дело было. Наш герой честно ответил, что на макаронной фабрике порезался. (Звучало, согласитесь, не вполне убедительно.) Следователь на это вскричал: «Чего ты мне сказки рассказываешь?! В Покровке была поножовщина, ты ударил человека, тебя ударили». Евгений, само собой, ушел в несознанку. Мы даже думаем, что, будь он героем той истории, он не признался бы все равно. Следователь, настраивая подростка, направился на фабрику. Где долго не верил ни товарищам Евгения, ни даже его немому коллеге, который передал произошедшее в весьма экспрессивных жестах. В общем, кончилось все хорошо — все

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2021, № 2.

остались живы и даже обошлось без общения в школу (чего подросток опасался более всего: мол, не занимается, а ящички таскает — что, учитывая далеко не примерное поведение Евгения в целом, могло бы обернуться серьезными проблемами).

На макаронной фабрике Евгений, помимо прочего, встретил своих героев — то есть героев своих будущих книг. Вообще, ему это удавалось делать везде и всюду, в том числе и в своем собственном доме. Но тут был иностранец, знакомство с которым, как полагаем, потом аукнется во многих рассказах, где появятся в той или иной мере обрусевшие пришельцы извне (включая, между прочим, и пришельцев настоящих, тоже иностранцев своего рода).

История, как обычно, примечательная. В конце рабочего дня у грузчиков собирают паспорта, чтобы выдать расчет. И вдруг среди знакомых каждому однотипных «краснокожих паспортин» (впрочем, по тогдашнему установлению зеленого цвета) он видит документ необычного дизайна. Как раз — красный. Принадлежал этот документ парню, который ни внешне, ни по разговору от простых красноярских мужиков не отличался. Тощий, испитой, одет в униформу советского человека — кирзовые сапоги, телогрейка, тряпичная шапка-ушанка. Так вот, оказалось, что он — природный венгр. После получения расчета, за привычной выпивкой в пивнушке с неофициальным названием «Белый лебедь», выяснилась удивительная история из венгерской, а равно и советской жизни. Парня звали Ласло. Он был подростком, когда война заканчивалась. Чтобы не пропасть с голоду, четырнадцатилетний Ласло записался в немецкую разведшколу. Их накормили и отправили в Германию — а тем вре-

менем война закончилась, и он вернулся в Будапешт с крайне полезным, как сказали бы сейчас, девайсом. А именно немецким автоматом. Дело в том, что в Будапеште власти не было никакой. То есть, как вспоминал мечтательно сибирский венгр, подойдешь к магазину, очередь дашь и берешь, что хочешь... Потом советские войска навели порядок, обнаружили списки разведшколы, и венгерская жизнь Ласло закончилась навсегда. Транзитом Львов — Москва — Норильск со сроком в пятнадцать лет он прибыл в Сибирь да в ней и остался. Получил еще пару сроков, стал блатным по виду и по образу мыслей — а грузчиком подрабатывал, собственно, ожидая очередного суда и неминуемого срока. Хоть и мечтал о родной Венгрии, где его сестра вроде как держала аптеку.

Как вспоминал о Ласло Евгений Попов много позже в своем эссе «Сибирь»: «Говорил он решительно безо всякого акцента, зато с использованием всей гаммы ненормативных слов и блатной лексики. Говорю же, простой сибирский мужик... Это — пример волшебной эманации Сибири, где любой мужик зачастую имеет биографию, достойную пера писателя Александра Дюма-отца, создателя графа Монте-Кристо».

Вообще, иностранцев в Сибири в то время было крайне немного. Наш герой вспоминает и шестьдесят лет спустя, как встретил на улице Красноярска негра. Такое же воспоминание на всю жизнь осталось и у его друга Александра Кабакова — кабаковский негр обратился к будущему автору «Невозвращенца» с сакраментальной фразой: «Командир, добей на бутылку».

Красноярск в 1962 году еще помнил пленных японцев, строивших здесь,

как и по всей Сибири, дома. Причем японцы условиями жизни и отношением местного населения были вполне довольны. Еще задолго до всяких разговоров о китайской аннексии Сибири здесь было много китайцев, настоящих сибирских старожилов, у которых на рынках всегда были лучшие овощи. Местные конкуренты даже разворачивали против них кампанию по дезинформации — дескать, китайцы удобряют огороды не чем иным, как человеческими фекалиями... Но венгр или, скажем, француз — совсем другое дело.

Мы тут имеем в виду рассказ «Влечение к родным деревьям», который начинается с того, что некий Володя Шенопин, «слесарь-сантехник из квартиры № 2... вывесил за тридцать копеек штука в трех местах на доске ужасное объявление насчет обмена жилплощадью. <...> *“Меняю 1-комнатную кв 17 кв. м., благоустроенную, 4 этаж, эл. печь, центр, с видом на озеро на равноценную ж/площадь в г. Париже (Франция). Латинский квартал не предлагать”*».

Причем ведь нашелся желающий такой обмен совершить! Этот самый Шенопин, вызванный на собрание, относительно своего странного намерения отвечает народу так:

«— Как то всем хорошо известно, история России иногда изобиловала неожиданными поворотами и событиями.

Например, в 1812 году Россия воевала с Францией, где участвовало много гусар, пехоты и артиллеристов, а французы сожгли Москву и, отступая, умирали.

Один из таких умирающих и был мой молодой прапрадедушка, которого подобрала русская казачка и ухаживала за ним, любя.

Как-то она спросила прапрадедушку:

— Каково же твое имя, мой милый французик?

На что прапрадедушка, пережив ужасы несправедливой и захватнической войны, глухо отвечал:

— Я есть негодяй, хулиган. Я по-французски называюсь шенопан.

И прапрадедушка разволновался и в волнении стал пахать русскую землю, а появившиеся вслед его дети стали носить фамилию Шенопины дети, или просто Шенопины. Из чего явствует, что сам я как потомок оказываюсь французом и поэтому мне положено жить в Париже. <...>

Переделовавшись со всеми присутствующими, Шенопин сел в поезд и уехал в Париж. <...> ...иногда нам даже кажется, что он нас разыграл и вовсе не уехал во Францию, а завербовался куда-нибудь на передний край семилетки, где и работает, верша трудовые успехи».

Обменявшийся же с сантехником — потомком французов «двойной эмигрант Орлов», по мнению общестственности, «оказался ужасный мерзавец. Даром что из Франции. Привез с собой псов. Щеголь. А они гадят на лестнице. Орлов! Если он прогрессивных убеждений, тогда зачем он такая сволочь? Мы ему говорили, чтобы он научил псов, а он не слушает. Он ночью ходит по квартире и поет твист. Он грубит. Он обзывается. Будем его за это обсуждать на товарищеском собрании. Он у нас догрубиянничает, француз проклятый!»

Рассказ этот по советским временам содержал огромное количество совершенно невероятных происшествий, которые нынешнему молодому читателю понять до конца будет сложно.

Ну, например, ни обменяться «на Париж», ни даже выехать свободно из страны в то время было решительно невозможно.

Как рассказывал по сходному поводу Евгений Попов в одном из недавних интервью: «Я веду семинары у молодых писателей, и там обязательно находится человек, который спрашивает: “Почему вы не уехали?” “Даже если бы захотел уехать, то как бы я это сделал?” — интересуюсь я. “Купил бы билет и уехал”, — говорят. “А загранпаспорт где взял?” “В ОВИРе”. “Ага, сейчас, — смеюсь. — Даже когда за границу уезжали делегации проверенных писателей, то паспорта им давали только в 11 вечера, перед вылетом. Как только они возвращались, паспорта у них отбирали в аэропорту”».

Но, несмотря на ушедшие советские реалии, комическая оппозиция «сантехник-француз Шенопин» (свой парень) и «реэмигрант-аристократ» Орлов (противопоставивший себя коллективу и явно за это поплатившийся в скором будущем) выглядит классической для рассказов Евгения Попова и до сих пор впечатляет. Наводит на раздумья о парадоксах и перемещениях, создавших наш мир. Вообще, в закрытом обществе иностранец — это всегда «другой». В грустном рассказе «Иностранец Пауков» герой, чувствуя свою «отличность» от прочих (он отучился в Москве, вернулся в родной город), пытается записаться «в иностранцы» — да терпит унижительное поражение. В том и парадокс, что стать «другим» в то время было почти невозможно — так что иностранцам в этом отношении «везло».

Образ Шенопина, героя нескольких рассказов, по словам Евгения Попова, собирательный (про Лас-

ло-блатного, думаем, наш герой тоже вспоминал). Зато уже в новое время Попов встретил в самой Франции знаменитого там «французского сибиряка» Андрея Макина. Уроженец Красноярска, лауреат Гонкуровской премии, член Французской академии пишет исключительно по-французски. Все благодаря бабушке-француженке, застрявшей в СССР после 1917 года. Сумел уехать во Францию, бомжевал, жил даже в склепе на кладбище Пер-Лашез, известном всякому советскому школьнику по расстрелу там коммунаров. Чем не сюжет Евгения Попова! Правда, в своих книгах Макин о России отзывается, скажем так, не очень. Судя по переведенному у нас — даже очень не очень, вполне так себе русофобски. Хотя, надо признать, на словах осуждает «очернение российской действительности». По словам Макина, если русский писатель хочет опубликовать свой роман на Западе, «ему надо писать карикатуру — о русской грязи, пьяницах, словом, о чернухе. И она пойдет. Вы принесете вред России и русской словесности, но у вас будет успех. Я же из этой чернухи вылавливаю какие-то мгновения духа, красоты, человеческого сопротивления». Парадокс в том, что гневные слова месье Макин мог бы смело адресовать самому себе... С нашим героем (своим как-никак земляком) при встрече он толком и общаться не стал. Нет, Володька Шенопин так бы себя точно не повел!

Ближе к окончанию девятого класса Евгений нашел себе работу классом повыше. Более того, именно тогда начался его «геологический период». Который дал Е. Попову немало новых приключений, а нам, публике, — не один десяток «фирменных» поповских вещей.

Тут мы имеем в виду вещи, конечно, литературные, рассказы и романы, однако в 1962 году в перипетиях жизни нашего героя участвовали и вещи самые что ни на есть настоящие, например одежда. Да еще и модная (хотя, как говорили в Сибири уже позже, «самострок»).

Говорит Евгений Попов

«В январе мать моего старшего товарища, студента Технологического института, с которым мы вместе издавали подпольный литературный журнал, пошла нам обоим из черного брезента красивые простроченные джинсы. Никаких других в Красноярске тогда не водилось ни в открытой, ни в закрытой продаже. Технологический, бывший Лесотехнический институт строил мой родной дед-плотник из Емельянова, избежавший раскулачивания. Эти джинсы у меня украли вместе с только что выданным паспортом. На пляже у реки Е. Тогда большевики еще не построили свою Красноярскую ГЭС и в городе можно было купаться. Сейчас — хрен. И зимой и летом вода 10 градусов из-за плотины, хуже, чем в Ангаре. Паспорт было меньше жалко, чем джинсы. В мае меня без паспорта приняли по блату в Катынскую геологическую партию Красноярской геологосъемочной экспедиции, базировавшуюся в тайге рядом с закрытым тогда секретным городком Красноярск-26, где обогащали уран и строили спутник-молнию “Связь”. В качестве рабочего-радиометриста. За два месяца я заработал целых 350 рублей».

Геология и ГЭС

Наш герой хоть стилигой и не был, пофорсить был не прочь. Да он и в сти-

ляги бы подался — однако благоразумно отказался от этой небезопасной в провинции идеи. Увы, у сына уже умершего к тому времени офицера МВД и матери, работавшей в детском саду, не было денег и возможностей доставать стильные вещи. Но кое-что все-таки водилось. Конечно, «базовый гардероб» ничего интересного собой представлять не мог. В старших классах он состоял из перелицованных отцовских пиджаков и кителей. Притом — выкрашенных в черный цвет.

Но было и кое-что поинтереснее. Например, присланные сестрой из Ленинграда красные носки, бесившие учителей (их он потом «подарит» герою своего рассказа стилиге Жукову). Или туфли — советские, но на супермодной толстой подошве, тоже ленинградские.

И вот — украденные джинсы...

Поэтому работа в геологии что тогда, что потом могла стать прекрасным подспорьем для борьбы с материальными тяготами советской жизни. И стала! Но, может быть, еще более важным было слово, которое Евгений Попов не раз употребляет, говоря о своей геологической работе разных лет. Это слово — «вольница». Опять-таки это не просто понять человеку, не жившему в советские времена с их жесточайшим регламентированием всего на свете. В том числе и рабочего времени, и рабочего места (на заводе или в конторе каждый день строго «от звонка до звонка»). В геологии было все же иначе.

В геологическую партию его приняли, как он признался, по блату (паспорта-то не было!). Радиометристом. Тяжелая работа, для шестнадцатилетнего-то парня, но всё не канавы копать. Работа была недалеко от города. Старший напарник-геолог брал образцы

пород, а толковый подросток замерял степень их радиоактивности. Плюс атмосфера — жизнь в деревне, речка, самогон... Вольница! Плюс разнообразная публика. И полубичи, и профессиональные геологи, и случайные «попутчики»: например, в товарищах у Евгения был демобилизованный солдат-пограничник.

Характерная деталь: начальника геологической экспедиции (с редким именем Клавдий), в которой начинал Попов свою карьеру, потом посадили. За хищение имущества. В геологии это было обычным делом, например, списать палатки (и даже не один десяток), якобы сгоревшие, — и продать их с выгодой на вечно дефицитном советском рынке. Вольница во всех смыслах! Ну и 350 рублей в 1962 году — большие деньги! Самостоятельный подросток быстро нашел им применение.

А пока стоит сказать, что как раз в это время Красноярск стал очень сильно меняться. Собственно, становиться совсем другим городом, превращаться из купеческого центра в центр большой советской энергетики и промышленности. Здесь стали строить Красноярскую ГЭС. Ту самую, что изображена на десятирублевой бумажке (увы, в связи с ростом цен почти выведенной из повседневного оборота...). И ту самую, про которую народ сложил и распевал немного загадочную, но грустную частушку:

**Ах ты, сука-романтика,
Красноярская ГЭС.
Я приехала с бантиком,
А уехала без.**

Надо сказать, что у самих красноярцев, в том числе и у Попова, отношение к ГЭС довольно критическое.

Но никто не отрицает, что душа у города после возведения этого мегаобъекта совершенно изменилась. Только хорошо ли это? Изменилось ведь буквально все.

Вкратце претензии коренных горожан к гиганту энергетики Евгений Попов сформулировал в эссе с говорящим названием «Путешествие вглубь червонца».

«Красноярская ГЭС окончательно доконала мой родной город... <...>

— город с миллионным населением практически лишился реки, получив взамен трехсоткилометровую полянью, которую в свете текущих событий так и тянет назвать теперь “Лебединым озером” (губернатором Красноярского края во время написания этого эссе был генерал Лебедь. — М. Г.). Не замерзающую даже при минус сорока. Город находится в котловине, куда дует веселый химический ветер с... алюминиевого комбината. Увеличилась влажность. Отсюда — смог, жуткая статистика детской смертности. И взрослой тоже.

— лес должны были вырубить на том месте, где теперь дно так называемого Красноярского моря. Лес не вырубил. Сквозь воду время от времени просвечивают черные остовы деревьев, а иногда и кладбищенские кресты деревенских погостов.

— раньше Енисей был судоходен от Тувы до Ледовитого океана. Теперь суда должны *перегружаться*, так как чудо техники конца 50-х, знаменитый *судоподъемник* не работал и не работает».

Добавим, что при строительстве было уничтожено значительное количество того, что называют «дикой природой». Скалы, «быки», взрывали так, что в близлежащих домах приходилось заклеивать стекла бумагой, как во время бомбежки.

Не будем, впрочем, забывать, что это был очередной виток развития и Красноярска, и Сибири. Опять сюда в огромных количествах приехали социально активные люди. Уже более-менее по собственной воле.

Были это люди самые разные. Были и боссы, которым (если дожили) предстояло расцвести и войти в настоящую силу уже после перестройки. «Выйдя из народа, они... построили для народа громадную гидроэлектростанцию на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан. Знаменитую гидроэлектростанцию, затопившую тысячи гектаров пахотных земель, десятки потенциальных месторождений рудных и нерудных ископаемых, серьезно нарушившую экологию огромного сибирского региона, за что их обоих лично кто-то из покойных Генсеков КПСС — не то Брежнев Леонид, не то поэт-кагэбэшник Андропов, а может, и сам лично хворый КУЧЕР (Константин Устинович Черненко) — велел хорошенько наградить и перевести (перевезти) из Сибири в Москву, в пределы Садового кольца — может, они и в столице вдруг чего хорошего построят, не дожидаясь светлого будущего всего человечества, коммунизма» («Воспоминание о стюдне»).

Были работяги, мечтавшие начать в Сибири новую жизнь, в случае удачи — ставшие настоящими сибиряками. Были и деятели культуры: после начала строительства в Красноярск стали активно ездить гастролеры, но воспитывались творцы и в рядах коллектива. Например, при ГЭС было литобъединение, из которого вышли известные в регионе литераторы вроде поэтов Владлена Белкина или Олеса Грека. Писались стихи, да что там, целые поэмы об этом грандиозном сооружении. Вот

образчик, кажется, сочиненный нашим героем для его персонажа Н. Н. Фетисова. Ан нет — все всерьез.

**Здесь в труде, вопреки всем преградам,
В поединке с взбешённой водой,
Воздвигалась плотины громада,
Больше, чем километр, длиной.**

**Труд в достаток страны воплотился.
Извлеченный из водных тенет,
Электрический ток появился
Через восемь томительных лет.**

**Позже, с четырехлетней затратой
Сил, без трудностей благ не найдешь,
Все двенадцать ее агрегатов
Заработали в полную мощь.**

**Вот она! Всей красотой перед нами,
Брызг столбы и тумана поток,
Мощно сжатая сбоку горами,
Подает электрический ток.**

**В сонме брызг гнется радуга круто,
Посылая от солнца привет,
И своим разноцветным салютом
Возглашает итоги побед.**

Еще несколько выдержек из газет тех дней заботливо (хотя и, возможно, вполне издевательски) собраны нашим героем в книге «Прекрасность жизни». Фрагмент из очерка Олеса Грека о рабочем героизме — несмотря на капризы природы и здравый смысл:

«Группа рабочих останавливается у окна главного инженера основных сооружений, смотрит на термометр.

— Да врет он, что минус сорок девять! — убежденно говорит бетонщица из бригады Алексея Соломатина Аня Киселева. — Айда в блок!..

В блок заглядывает прораб второго участка Леонид Анисимович Сурин.

— Как, ребята, сдадите сегодня под бетонирование? — спрашивает он.

— Сдадим к обеду. Нам здесь осталось немного, — отвечает звеньевой.

— Ну, Гена, — вмешивается в разговор Виктор Михайлов, — трубы начало.

Всхлипнул насос. Завизжал мотор. Чуть содрогается шланг. Постепенно из воды показывается бурое основание. Гранит теплый. Парокалорифер гонит и гонит горячую струю».

Еще — для объективности и плюрализма — официальной релиз компании, которая владеет теперь гидроэлектростанцией: «Строительство станции началось в 1956 году, и ориентировались тогда, конечно, на другие ГЭС. При строительстве Новосибирской Обь перекрывали восемь суток, а Енисей в итоге удалось перекрыть за 6 часов 25 минут. Подвиг тех времен сравнивали с полетом в космос, так писали в газетах. Вскоре и сам Гагарин внес вклад в стройку — поучаствовал в укладке бетона в стационарную часть плотины. Его лопату потом растащили по всем гидроэлектростанциям Союза, хоть он и не принимал там участие». Очевидцы вспоминают о совсем ином — как пафосное перекрытие едва не кончилось катастрофой. Наш герой это слышал непосредственно от очевидцев — перекрытие реки снимали наши и западные журналисты, выпивали, конечно. Кто-то (вроде как иностранец) свалился в реку, чуть не утонул... Это к слову о приключениях иностранцев в Сибири!

Евгению Попову запомнились призывы, развешанные по городу: «Идем на Вы, Енисей!» То есть с Енисеем боролись вроде добродушно, но с намеком: не покоришься, мы тебе уже покажем!

Но факт: до этого здесь был купеческий сибирский город, примерно

такой, как описывали путешественники и публицисты позапрошлого века, — крепкий, богатый, достойный и очень маленький. Сейчас в Красноярске около миллиона жителей. До строительства ГЭС — тысяч двести максимум.

И еще. Город был сконцентрирован на левом берегу, где остались знаменитые здания купеческого «сибирского модерна». Лишь в двадцатом веке стал осваиваться и заселяться правый берег. Долгое время он был просто большой промзоной, где размещались в годы войны эвакуированные заводы. Именно на правом берегу развернулось в начале шестидесятых массовое жилищное строительство. Так что если человек получал отдельную квартиру после коммуналки, она чаще всего была на правом берегу. Об этом друг Е. Попова, поэт Лев Таран написал в стихах, что называется, с намеками:

**Мои друзья квартиры получают,
Они на правый берег уезжают.**

То есть намек на то, что из левых становятся правыми. Общая для «оттепели» символика. Сравним с Галичем: «Движение направо начинается с левой ноги». Или с Окуджавой: «Стойте справа! Проходите слева!»

Кстати сказать, именно тогда появился современный автомобильный мост, соединивший берега, до этого приходилось обходиться понтонным. Служившим, среди прочего, для обычных сибирских развлечений — проплыть между понтонами по быстрой воде. Ну и желательнее не утонуть.

В несколько травестированной форме спор сторонников и противников ГЭС представлен в рассказе с «кузминским» названием «Ныряльщику сперва везет, а потом он пропадает».

«— Ты извини, но тут я никак не могу с тобой согласиться, — говорил доктор, пуская дым колечками.

— Нет. Нет и нет, — твердил артист. — Ты меня прости, но — нет. Все же это — хорошо. Ты представляешь — было пустое место, скалы, а сейчас — ГЭС.

Выпили водки. Алкоголик молча.

— Эх, артист ты мой, артист, — сказал порядком опьяневший доктор. — Ты человек приезжий. Тебе легко рассуждать. А у меня тут дедушка жил, бабушка жила, прадедушка жил, прабабушка жила. Оно, конечно, — я против ГЭС не спорю. Ни-ни. — Сделал жест рукой. — Но ведь ты понимаешь. ГЭС. ГЭС можно строить, а можно и не строить. Можно придумать какое-нибудь там... атомное, что ли, топливо. А как ты построишь ту красоту, которая исчезла? Лес? Скалы?

— Послушай, лес же весь вывезли, вырубил.

— Весь? А ты был на море? Видел, как там у берегов? Это ж чистый сюр. Деревья. Верхушки торчат, а ныряешь к корню. Жутко нырять к корню, а? Впрочем, вру. Я не нырял.

— Нет. Там можно нырять, — заступилась девушка. — Там тепло, а вот в самом Енисее — нельзя. Четыре градуса вода круглый год.

— Почему так? — изумился артист.

— А потому что донная вода идет через бьеф плотины и до города не успевает прогреться, — объяснила ученая девушка.

Алкоголик молчал. Зато вступила другая девушка.

— А я дак лично и в море не стану нырять. Там, во-первых, может быть зараза. Скот чумной раньше закапывали, вот тебе и зараза. А во-вторых,

я раньше в районе жила, у меня там папочка похоронен, и он сейчас под водой. Как же я стану нырять над папочкой?»

Затем не названный по имени алкоголик, не участвующий в разговоре, но наслушавшийся таких речей, прерывает дискуссию, выпрыгивает в окно. «Ныряет» в реальность, на что никак не могли решиться болтуны-интеллигенты. К счастью, ныряльщик, не получив ровно никаких телесных повреждений, отделяется штрафом и порицанием на службе...

Как бы то ни было, с приходом «большой энергетики» Красноярск модернизировался. А Евгений Попов до сих пор любит вспоминать времена «до ГЭС» — и свои еще детские приключения на «старом» Енисее, не обезображенном плотинами. «Мать с детским садом выехала на дачу. И меня с собой взяла. Тогда Енисей был совсем другой, там купаться можно было. И в упомянутом доме отдыха, я провел там два сезона, это все описано у меня, в Енисее была настолько чистая вода, что ее можно было пить. Обычно в июне, в конце, поднималась большая вода, потому что начинали таять ледники и горные речки, были где-то наводнения, по реке бревна несло, какие-то кресла. Чуть-чуть это все напоминало “Гекльберри Финна”. Мы вылавливали спасательные пояса и использовали их для плавания. Иногда там были отдыхающие. Мы развлекались так: проходили по течению (очень бурному) километра полтора вверх, заходили в воду, ложились на спину, скрещивали руки и высовывали язык. И отдыхающие, мимо которых нас несло, кричали: “Ой! Ой! Утопленник плывет!”

Около берега там было очень глубоко, там проходили различные мало-

мерные суда. Мы развлекались, бросали камни в них и пытались стекло разбить. Один раз мы чуть не пропали, выскочил мужик и начал в нас стрелять из ружья. Как-то мы с приятелем пришли и увидели, что приехали отдыхающие на моторной лодке. Разложились, стали выпивать, напились мужики и бабы и свалились пьяные спать. Мы с товарищем подошли, увидели и выдержали провода, ее нельзя было завести. Мы ушли. А эти к вечеру проснулись и не смогли завести лодку».

А что, нормальные приключения нормального сибирского подростка. У кого таких не было — может быть, в его детстве что-то пошло не так?

И еще одна маленькая история из тех же времен. Она настолько запомнилась нашему герою, что он правдиво, как всегда, описал ее в романе «Арбайт» пятьдесят лет спустя, выбрав для этого одного из своих альтер эго, «писателя Гдова». «Зажиточная советская семья начальника местного отделения железной дороги. Гдов вспомнил, как однажды заночевал на их богатой (по тем временам) даче, где в краше-ных деревянных ставнях были прорези в форме сердечка. Вспомнил и улыбнулся... Вспомнил самого начальника. Гдов и Саша связали на берегу плот из выловленных в реке Е. толстых сосновых бревен и никак не могли столкнуть его на воду. Начальник пришел в белых брюках, светлом пиджаке, соломенной шляпе.

— Вырядился, — с ненавистью сказал младший З.

Старший З. между тем взялся за импровизированный рычаг — валявшееся поблизости на речной гальке сломанное весло. И, пользуясь рычагом, легко спихнул плот в реку Е., после чего ушел пить коньяк на дачной веранде.

Настоящий инженер — он и есть инженер, даже начальник. Говорят, сейчас настоящих инженеров уже не осталось, думаю, что это преувеличение».

Такой вот жизненный урок...

А что касается ГЭС, то, полагаю, вся эта ярко выраженная «комсомольская» шумиха вокруг ГЭС не могла не вызвать у Евгения отчетливой неприязни — как раз той, которая позволит оппонентам называть его «злостным антисоветчиком». Удивительно ли, что гигантское индустриальное сооружение предстает в рассказах Евгения Попова как отчетливо недружественный для простого человека монстр. От него жди беды. От него исходят угрозы и неприятности. ГЭС есть прямой антипод «маленького советского человека», главного героя ранних произведений Евгения Попова.

На геологических успехах последнее школьное лето нашего героя отнюдь не закончилось. Впереди шестнадцатилетнего Евгения ждало уже вполне взрослое приключение-путешествие. Прямо скажем, сенсационное, особенно по нынешним-то временам. Да и тогда не то чтобы все подростки разъезжали по стране «пять тысяч километров туда — шесть тысяч сюда».

Собственно, в столицах наш герой уже бывал — но уж совсем в детстве и, конечно, не один. Вот что запомнилось из того вояжа пытливому ребенку: «А в 1955 году ему было девять лет, и он учился во втором классе начальной школы № 1 имени В. И. Сурикова. Папа-покойник привез его в Москву, и они там видели Царей — пушку и колокол, и ели эдакое замечательное мороженое: парочка вафель кругленьких, а между ними — вкуснейшее в мире советское крем-брюле. Остановились у тети Муси с дядей Лёвой, столичных

жителей, прописанных в Химках Московской области по Ленинградской железной дороге, справа от железнодорожного полотна, если ехать из Москвы. <...> Мальчик сделал бумажный пропеллер на палочке и бегал по химкинскому двору, отчего пропеллер весело кружился. Его остановили столичные дети обоего пола. Они сказали: “Давай играть. Ты откуда?” — “Из Сибири. Я хочу с вами играть...” — “Только — чур, чур трусов с меня не сымать”, — деловито договаривалась девочка. Ее товарищи грубо расхохотались, а приезжий был сладостно изумлен — как это можно? посметь?! снимать трусы?! Дети очень долго играли вместе — и бегали с пропеллером, и прятались, и скакали, и кричали: “Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе голить...” Трусов не сымали» («Тетя Муся и дядя Лева»).

Сейчас все было иначе. Как видно, вдохновленный геологической вольницей, сразу же после своего первого «захода» в отрасль он рванул с мало знакомыми, в сущности, людьми далеко от родного города, в Ленинград, а потом в Одессу. С не очень большой суммой денег — и без документов! Тут взрослый бы испугался — но этого подростка, похоже, мало что тогда (да и потом) останавливало.

Говорит Евгений Попов

«За два месяца я заработал целых 350 рублей, и, когда товарищи моей сестры позвали меня поехать с ними в Ленинград, где у них была студенческая практика, я с радостью согласился. Они были химики. Ехали в плацкартном. Пили разбавленный спирт. Для эпатажа выставили в вагонном окне огромный портрет временно запрещен-

ного тогда Сталина. В Питере жили на тогдашней окраине, в общежитии Лесотехнической академии. В первый же вечер пошли в ресторан “Кавказский”, выйдя из которого я принял Невский за родной проспект Мира (бывший Сталина) и поехал в троллейбусе неизвестно куда. Очнулся я на охраняемой автобазе, что в районе Старого Невского, в кузове грузового автомобиля. Помню, что ночью шел с кем-то по улице обнявшись, пели Окуджаву: “А мы рукой на прошлое: вранье! А мы с надеждой в будущее: свет!” 350 руб. сразу же истратили, пропили, и я поступил работать грузчиком на станцию Кушелевка, где и продолжилась моя трудовая деятельность. Разгружали овощные вагоны. Бомжи, студенты и расконвоированные зэчки, которые не прочь были бы потрахаться со студентами, да условия не соответствовали. Платили пятерку в день. На эти деньги я и мои старшие товарищи посещали музеи, пили. Плюс каждый день по сговору с шофером я воровал ящик слив, которыми мы все питались. Удивительно, что, вопреки природе, у нас случился не понос, а запор.

Муза дальних странствий и К. Г. Паустовский влекли нас, и мы все с тем же товарищем поехали из Питера в Одессу. Два общих билета и белый батон на дорогу. В Одессе мы ночевали на скамейке, плавали, ныряли. Курили папиросы “Сальве”. Товарищ поплыл на теплоходе еще дальше, в Батуми, а мне уже пора было возвращаться в школу № 20, в десятый класс. Товарищ потом стал большим начальником по линии леса и фанеры.

В Одессе я где-то украл маленький столовый ножик, купил на привозе арбуз и только собрался покушать, как ко мне подошел одессит и сказал:

— Угости меня арбузом.

— На, ешь, — я протянул ему ножик.

Ему это понравилось, и он предложил мне выпить вина. Я ответил, что у меня нет денег.

— Совсем-совсем? — не поверил он.

— Мне ехать в Красноярск, а билет у меня только до Новосибирска, — показал я ему свой проездной документ.

Он понял, что я не вру, и пригласил меня в “Шашлычную”, что на углу улицы Дерibasовской и улицы Ласточкина. Его звали Вася. В Одессе я с того года не был. Дерibasовская вроде бы еще есть, не переименовали ее пока в улицу гетмана Скоропадского. А вот насчет “Шашлычной” и Ласточкина сомневаюсь.

Выпивали, кушали. Я наслаждался.

К нам подседа сизоносая старая еврейка, персонаж моих ненаписанных “Одесских рассказов”.

— Вася, ты сын хороших родителей. Зачем ты здесь и сидишь за одним столом с такими типами, — указала она на меня.

— А потому, что моя бывшая жена Люся сука и...* — объяснил Вася.

— Как ты можешь так говорить о порядочной девочке, которую я знаю с детства, — возразила старуха.

— А вот так, — дерзко ответил Вася.

— Налей и мне вина, — кротко попросила бабушка.

Вася налил ей стакан красного вина, который она тут же выплеснула ему в физиономию. Началась дикая драка, как у Бабеля или в фильме Вс. Пудовкина “Мать”.

Я был в восторге, но, чтоб меня не замели, вышел на улицу наблюдать всю эту высокохудожественную сцену через

* Пропущено по цензурным соображениям. —
Ред.

окно. Все как надо: летали стулья, стаканы, визжали бабы...

Подъехали менты, которых тогда звали “мусора”, и стали всех выбрасывать на улицу, в том числе и Васю.

Ночью я сел в поезд и поехал в Сибирь. Паспорта у меня как не было, так и не стало».

Бросок на запад

А теперь несколько деталей этого и правда феерического путешествия. Во-первых, компания: ребята-студенты из Лесотехнического, приятели его старшей сестры. С ними уже было выпито немало, а с одним из них Евгений уже успел сделать подпольный журнал (об этой еще более удивительной истории — в следующей главе). Веселая компания, которая не моргнув глазом пропила трудовые деньги подростка (правда, и сама оставшись ни с чем). Подробности путешествия в поезде тоже неплохи: упомянутый портрет Сталина, спирт, захваченный студентами-химиками...

Во-вторых, примечателен сам способ заработка в Питере — работа на разгрузке наравне со взрослыми мужиками. Фамилии у начальников там были нерусские и не московские. Наш герой запомнил, что один, например, звался Кицель. Ему товарищ сказал: «Чего у тебя студенты работают бледные?» А он отвечает: «Да не жрут ни хрена. Денег-то у них нету»... Как-то грузчики попросили начальника, чтобы им дали поесть огурцов с картошкой, он ответил, что нельзя. Тогда по совету профессиональных грузчиков, пролетариев со стажем, пролетарии начинающие, выкатывая бочку с огурцами, «случайно» ее разбили. Все понимали, что это было сделано нарочно.

Ну и опять же «расконвоированные ээчки»...

И уж совсем фееричным выглядит приобщение нашего героя к дефицитным книгам. Движимый жаждой познания культуры не меньше, чем тягой к постижению жизни, наш герой еще на родине составил заветный список. Главным материалом послужила статья небезызвестного критика Тарасенкова из «Нового мира» времен космополитизма с характерным названием «За богатство и чистоту русского литературного языка» и столь же характерными страницами, знаменитыми выражениями типа «Бабель, политическое лицо которого нам теперь хорошо известно». Так вот: подросток выписал нужные фамилии (кроме Бабеля там был, например, Булгаков и опальный альманах «Тарусские страницы») и в Питере отправился в «Дом книги» на Невском. Он протянул продавщице список, та сказала, едва глянув: «Мальчик, иди отсюда». Видно, восприняла как глумление (может, и как провокацию). Но юного сибиряка это отнюдь не смутило. Он тут же отправляется в библиотеку имени Маяковского и умудряется туда записаться — это без паспорта! Там набирает книг из своего списка, оставляет двадцать пять рублей залога — и исчезает навсегда. Книжки потом проделают с ним одесский вояж и доберутся до Красноярска в неказистом чемодане подростка. Кстати, наш герой потом будет проделывать такой трюк в командировках неоднократно: записаться в местную библиотеку, дать залог и благополучно слинять, набрав дефицитных книжек ровно на сумму залога. Судьба, впрочем, отомстит — посланный из Усть-Каменогорска книжный груз кто-то изымет в свою пользу по дороге...

В Питере подросток пробыл меньше месяца (культурная столица глянулась ему многочисленными забегаловками и свободной продажей пива) и отправился на юг. В Одессу, с Витебского вокзала, вместе с тем самым товарищем по подпольному изданию. Денег не было. Ехали голодные, ели батон, запивали водой, были счастливы.

Не было денег на гостиницу, спали на Приморском вокзале, менты, благо, не трогали. Когда впервые пришли на море — ныряли целый день. Евгений нанырялся настолько, что ночью заболело ухо. Стрельнуло так, что он аж взвыл. И это в абсолютно чужом городе. В шестнадцать лет. Без документов. Слава богу, отпустило.

Так прошло три дня. Пора было домой — вот-вот должен был начаться учебный год в выпускном классе. Проводив товарища на пароход, наш герой продал подаренные на шестнадцатилетие часы человеку, у которого в носок была заткнута огромная пачка денег, пережил описанное выше происшествие в одесском шалмане и отправился домой. Денег хватило на общий вагон до Новосибирска. А что же дальше? Еще тысячу километров? Евгений Попов рассказывает об этом так: «А в Новосибирске я просил проводниц жалобно, чтобы мне разрешили немного проехать. Они меня немного побаивались и пускали. А потом пошли контролеры, мне сказали, чтобы я спрятался под нижнюю полку в вагоне. Я туда забрался и заснул. Когда я начал вылезать оттуда, страшно напугал пассажиров... Так и добрался».

Неужели все же это было в порядке вещей тогда, в 1962-м? Конечно, тогда не было хаоса, разгула преступности, но отправиться ребенку одному — в такую даль?

Подумав, Евгений Попов рассказал такую историю: «Со мной в Красноярске учился мальчик по фамилии Рерберг. Он мне рассказал, что поехал в Москву, как я в Питер. Там нашел себе девушку, хотел потерять с ней девственность, но она ему предложила лишь минет, от чего он с гневом отказался. А еще на улице его позвали сниматься в кино». В общем, чего только не бывает в жизни, и пытливым сибирским подросткам что тогда, что теперь на месте не сидится.

А злополучный украденный паспорт ему вернули по почте. Джинсы, правда, не отдали.

Говорит Евгений Попов

«Усталый, но довольный, я опоздал в школу к занятиям на два дня, и классный руководитель Конкордия Андриановна, ненавидящая меня “тетя Котя”, сказала мне, увидев, что я надел красную рубашку, перекрашенную анилиновым красителем из белой:

— Ну что, Попов? Как говорится, “дурак красному рад”.

— Никогда так больше не говорите, умоляю вас, — предостерег я. — Ведь могут подумать, что вы глумитесь над нашим советским флагом.

Тетя Котя даже зашипела от злобы».

Евгений ИВАНОВ

РАДИКАЛЬНАЯ НЕЖНОСТЬ ХУДОЖНИКА МИЗИНА

Я — фотограф, Вячеслав Мизин — художник. Мы с ним дружим и вместе работаем уже много лет, поэтому согласиться анализировать творчество своего близкого соратника можно, только имея определенную безбашенность. Признаюсь, когда мне предложили это сделать, я, понимая, что затея творчески интересна, одновременно осознавал, что и ответственность на себя приму немалую — поэтому почти год оттягивал момент реализации.

Поскольку о работах Вячеслава Мизина и арт-группы «Синие носы» писали многие современные искусствоведы и кураторы выставок (Катя Дёготь, Андрей Ерофеев, Ольга Свиблова), мне не хотелось бы выглядеть простаком рядом с такими экспертами, рассуждая о глубинных художественных смыслах, — я буду говорить о Мизине как о человеке, основываясь исключительно на конкретных историях из жизни.

И называть дальше я его буду — Слава, потому что Вячеслав он — в официальных документах, а в сибирском и российском арт-пространстве — Слава Мизин, и это бренд!

При желании в интернете можно найти вагон информации на тему современного искусства вообще и Славы

Мизина в частности: анализ творчества и очень внушительный «послужной список», где кроме всего прочего указано, что он аж дважды участвовал в Венецианской биеннале, одном из самых известных форумов мирового искусства! Мнения о Мизине со товарищи очень противоречивы — от полного неприятия со стороны одного из бывших министров культуры современной России Александра Соколова до обожания со стороны Ольги Свибловой, создателя и директора московского Мультимедиа Арт Музея.

Но рассказ пойдет о том, чего в интернете не найдешь, — о Славе Мизине в жизни, потому что это, думается мне, поможет лучше понять его как художника. Личные качества человека, окружение и воспитание — объясняют ли они его творчество? Думаю, объясняют и определяют.

Лично мне всегда было интересно, как Слава Мизин, получив классическое архитектурное образование в вузе, в котором преподавал Андрей Дмитриевич Крячков, активно работая по специальности и, например, занимаясь росписью православного собора в Казахстане, «докатился» до «Синих носов». И за двадцать лет мне немного удалось в этом разобраться, ведь

чтобы лучше всего понять человека и дела его, нужно попробовать влезть в его шкуру или начать делать что-то похожее.

* * *

Каждый российский арт-деятель знает, что Слава Мизин родился 22 мая 1962 года — и каждый раз этот день приходит неожиданно для меня!

Несколько раз я забывал Славу поздравить, хотя люблю это делать в принципе. Как так происходит, не понимаю. Какое-то странно шепутное время перед началом лета...

К тому же Мизину не очень нравится публично праздновать день рождения — за редким исключением он это делает в домашнем кругу. Например, пятидесятилетие Славы вообще проскочило бы незамеченным, если бы не один коммерчески успешный друг, взявший на себя организацию и расходы по мероприятию на загородной турбазе — кстати, прикольно было присутствовать на юбилее ведущего российского андеграундного художника с участием в культурной программе «корпоративного шоу-балета» «Малинки», очень, мягко говоря, далекого от новых веяний в искусстве!

При этом сам Слава кушал-выпивал и нормально это воспринимал — потому что Мизин реальный человек и любит жизнь в реальных ее проявлениях. Искусство искусством, а жизнь жизнью...

Наше живое общение со Славой Мизиным началось еще в прошлом веке. На тот момент я, профессиональный фотограф, работал в Новосибирском театре оперы и балета, заканчивались 1990-е годы, жизнь бурлила, и одному из благотворительных фондов был нужен документалист для фикса-

ции текущих событий. Сотрудник этого фонда Людмила Ивашина вышла на меня по чьей-то рекомендации, дело у нас пошло — примерно год после этого я сотрудничал с художником Костей Скотниковым, помогая ему воплощать с помощью фотографии творческие замыслы в стиле contemporary art. Работали очень плодотворно — Костя получал фотоматериализацию своих идей, а я знакомился с незнакомым и непонятным, но тем и привлекательным миром «современного искусства».

После очередной довольно экстремальной фотосессии Скотников объявил мне немного пафосно (как он умеет), что наше сотрудничество, скорее всего, подходит к концу, поскольку еще один современный художник просит помощи в реализации уже его идей. Художника этого, он сказал, зовут Слава Мизин, и это «настоящий монстр в новосибирском современном искусстве». Вот тут я и задумался — что же такого попросит фотоматериализовать этот художник, что может быть монструознее, чем сделанная перед этим фотофиксация Кости Скотникова, «зашивающего» степлером свой рот для работы «Все художники любят молчать»...

...Потом был телефонный звонок от Мизина, мы договорились поснимать у меня в студии оперного театра. Я, конечно, подготовился морально ко всему, но на первый раз все обошлось достаточно безболезненно: на фотосессию Слава принес две литровые банки, в одной из которых были полудохлые и дохлые мухи, в другой — полуживые дождевые червяки. Сколько провозились, уже не помню, но три работы из сделанной серии «Русские народные насекомые» попали на выставки и в каталог «Синих носов» в Третьяковской галерее в 2006 году (желающие могут сами их посмотреть в интернете).

После этого совместная работа пошла, а вернее даже — побежала и полетела: еженедельные фотоотчеты арт-четвергов «Нового Дома Культуры» в Музее им. Ю. В. Кондратюка (где Слава был куратором), серия «Моя судьба», проект «Убежище вне времени» (где впервые сформировалась и предстала миру арт-группа «Синие носы»), арт-чемпионаты на Алтае в 2000 и 2001 годах, «Разве я похож на неудачника?», «Эра милосердия», «НАТО, welcome!», «Инно, Нано, Техно» и многое другое вплоть до видеоинсталляции «ФСНК — Федеральная служба исполнения культуры», показанной на Триеннале современного искусства в Музее современного искусства «Гараж» в сентябре 2020 года...

Теперь это уже история, запечатленная в каталогах и растриражированная на многих интернет-ресурсах...

* * *

Постоянное общение и совместное творчество, жены и дети-одногодки привели к тому, что Слава считал меня чуть ли не родственником, поэтому я имел возможность наблюдать его жизнь достаточно близко.

Для Мизина радикализм в искусстве — нормальный ход. Искусство, которое он делает, эпатажно и провокационно, но при этом Слава традиционалист, у него большая семья, четверо детей. Семью свою он нежно любит, например, когда мы ездили навещать его больную маму, Слава настойчиво предупреждал меня, чтобы я не проболтался, какое искусство он делает. Маму Слава любил и берег. Чем он конкретно в художественном мире знаменит, она так и не узнала. Вот думаю иногда — может, радикализмом в творчестве Ми-

зин компенсирует консервативность в домашнем воспитании?

Иногда можно услышать критические отзывы о раздолбайском имидже «сибирского парня с района», который Слава любит эксплуатировать — ну а как иначе показать рафинированной и пафосной Москве, чего она стоит?

Слава — командный игрок и очень компанейский человек. Помнится, на фуршете перед началом фестиваля современного искусства в Молдавии он поднял первый тост за искусство, которое в первую очередь дает возможность общаться с новыми людьми и делать совместные выставки.

Кстати, притом что Мизин отнюдь не враг жидкостей, расширяющих сознание, я ответственно могу утверждать, что все проекты создавались исключительно в трезвом виде — всё спиртосодержащее было только до, после или вместо.

Всеу об искусстве Мизин не болтает, если ему что-то не нравится — не будет уничижительно критиковать, если нравится — тоже, скорее всего, промолчит. Слава сдержан. И может показаться, что ему это вообще по барабану — но те, кто слышал его вечерние разговоры на Алтае во время арт-чемпионатов с Толей Осмоловским, Димой Гутовым или Андреем Ерофеевым, запомнят эти беседы надолго.

А вообще у него феноменальная память на «чужое» искусство — предлагаешь ему, например, идею нового проекта, а он тут же тебе рассказывает, кто, где, как и когда уже делал нечто подобное.

И если заглянуть к Славе в гости, то сразу понятно, откуда такая эрудиция — в квартире огромная библиотека: альбомы живописи и графики, книги по теории искусствоведения, мировая классика и современная художественная

литература. А про «насмотренность» в кинематографе и знакомство с большей частью фильмов всех времен и режиссеров я даже и не говорю...

Для Мизина характерно очень продуманное отношение к нарративу в искусстве — высказывание должно быть осмысленным, а мысль свежей и небанальной. Слава крайне отрицательно воспринимает художественное творчество, в котором эстетические «поиски и решения» приводят лишь к тому, что авторские «пятна Роршаха» может понять только высококвалифицированный психоаналитик. Но и банальные прописные истины Мизин тоже, мягко говоря, не приветствует.

* * *

Есть расхожее мнение, что современные художники не умеют рисовать, поэтому и занимаются разными фото-видео, перформансами и объектами. Так на пресс-конференции в Новосибирском художественном музее однажды позволил себе выразиться Никас (Николай Степанович) Сафронов. Ему тут же предложили посоревноваться в технике рисунка с членом арт-группы «Синие носы» Костей Скотниковым (на тот момент — доцентом Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии) или Вячеславом Мизиным, руководителем художественных студенческих пленэров. Предложение почему-то принято не было...

С 2017 года прошли три персональные выставки акварелей Славы Мизина в Томске и Новосибирске, также было участие во всероссийском проекте Ю. Аввакумова «Архив “Бумажная архитектура”». Кто это видел, тот понима-

ет, что Мизин не только умеет рисовать, но и делает это очень профессионально. Кстати, и масляной живописи у Славы хватит на приличную «персоналку», если он захочет приложить усилия и победить свою природную скромность.

У Славы Мизина есть редкое для творческого человека качество — не выпячивать свои достижения. О том, что «руководитель Сибирского филиала Государственного центра современного искусства, участник арт-группы “Синие носы” Вячеслав Мизин занял 45-е место в рейтинге самых влиятельных фигур современного искусства», лично я узнал из интернета лишь при подготовке этой статьи.

Очень бы хотелось, чтобы к творчеству Славы Мизина и «Синих носов» публика относилась изначально непредвзято — ведь все это, несмотря на кажущуюся легкость и несерьезность, сделано очень осознанно, сделано образованными, мыслящими оригинально, социально активными и неравнодушно относящимися к нашей жизни людьми. Да, они имеют свою точку зрения и нашли собственный способ ее художественного выражения, но разве можно это ставить им в вину?

Как сказал Александр Клушин, один из наиболее известных в Сибири искусствоведов, на презентации альбома Александра Шурица о «градостроительных» людях в изобразительном искусстве Новосибирска: «Нравятся нам Слава Мизин и “Синие носы” или нет, но это наша история!» Как всегда в России — и нам с этим надо жить, позволю себе добавить.

Все это — наша российско-сибирская современная художественная практика. Смотрите, думайте, чувствуйте! Катарсис вам в награду!

АВТОРЫ НОМЕРА

Амангулов Анвар родился и вырос во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызстан). Окончил механико-математический факультет Новосибирского государственного университета и отделение информатики CDI College of Business and Technology (Барнаби, Канада). Публиковался в российских литературных журналах «Дарьял», «Союз писателей», а также в ряде киргизских литературных изданий. Живет в Ванкувере (Канада), работает в сфере программного обеспечения.

Волчков Константин Игоревич родился в 1990 г. под Екатеринбургом. Учился в Уральском федеральном университете. Ранее не публиковался. Живет в Санкт-Петербурге.

Гундариин Михаил Вячеславович родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики МГУ. С 1991 г. преподает в вузе, кандидат философских наук, доцент. Автор нескольких книг стихов и прозы, критических статей. Член Союза российских писателей. Живет в Москве и Барнауле.

Драган Наталья Ивановна родилась в 1973 г. в Актюбинске (Казахстан). Окончила педагогическое музыкальное училище. Работала корреспондентом, главным редактором в СМИ. Публиковалась в журнале «Томирис» (Казахстан). Автор сборника рассказов. Живет в Бузулуке.

Заборцева Варвара Ильинична родилась в 1999 г. в п. Пинега Архангельской области. Учится в Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина на факультете теории и истории изобразительного искусства. Публиковалась в журналах «Север», «Образ», «Новый Орел + XXI век». Живет в Санкт-Петербурге.

Иванов Евгений Львович родился в Новосибирске в 1958 г., профессионально фотографией занимается с 1977 г., с 1987 г. — штатный фотограф Новосибирского государственного театра оперы и балета. Лауреат и победитель многих международных и всероссийских конкурсов, участник более 200 персональных и групповых фотовыставок в России и за рубежом. Работы хранятся в Государственном художественном музее Алтайского края, Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Государственной Третьяковской галерее, Русском музее и в других государственных и частных коллекциях в России и за рубежом. С 1998 г. активно сотрудничает с актуальными художниками Новосибирска в качестве фотографа. Председатель Новосибирского регионального отделения Союза фотохудожников России. Член секретариата Союза фотохудожников России. Живет в Новосибирске.

Коврижных Виктор Анатольевич родился в 1952 г. в с. Старобачаты Кемеровской области. Работает начальником караула в пожарно-спасательной части. Стихи и проза публиковались в

ряде периодических изданий, в коллективных сборниках и альманахах. Автор восьми книг. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии журнала «Сибирские огни». Член Союза писателей России. Живет в селе Старобачаты.

Курбатов Валентин Яковлевич родился в 1939 г. в Пскове. Окончил филологический факультет Псковского государственного педагогического института. Автор нескольких книг и сборников статей по критике и литературоведению. Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. Член Союза писателей России. Живет в Пскове.

Останин Олег Аркадьевич родился в 1955 году в Няндоме Архангельской области. Окончил лечебный факультет Архангельского государственного медицинского института. Более десяти лет работал врачом в районах Крайнего Севера вахтовым методом. В настоящее время хирург поликлиники Военно-морского госпиталя в Архангельске.

Распутин Валентин Григорьевич (1937—2015) — российский писатель и общественный деятель, лауреат многих литературных премий. Родился в д. Аталанке Иркутской области. Окончил в 1959 г. историко-филологическое отделение Иркутского государственного университета. Работал в газетах Иркутска и Красноярска. Первые книги вышли в 1966 г.: «Костровые новые города» и «Край возле самого неба». Также: «Живи и помни» (1978), «Повести» (1988), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2004), «В поисках берега» (2007) и др.

Терентьева Александра Сергеевна родилась в 1984 г. в Саянске Иркутской области. Окончила факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Работала журналистом, редактором. Живет в Москве.

Тимофеев Андрей Николаевич родился в г. Салавате (Башкортостан). Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Лауреат нескольких литературных премий. Преподаватель Московского государственного института культуры. Член правления Союза писателей России, руководитель Совета молодых литераторов Союза писателей России. Живет в Подмосковье.

Фроловская Мария родилась в 1990 г. в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького и Государственный музыкальный колледж им. Гнесиных. Работает педагогом вокала. Публиковалась в журнале «Сибирские огни». Лауреат фестиваля поэзии «Мцыри» и национальной премии «Русские рифмы». Живет в Москве.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: sibirskieogni.pf

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.pf>

Сдано в набор 12.02.2021. Дата выхода № 3 за 2021 г. в свет 18.03.2021.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.